

БЕЛЬЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛЕКУ РУССО

На правах рукописи
У.Д.К.: 811.161.1'1 (043.2)

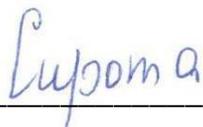
ПАРАХОНЬКО ЛЮДМИЛА

**Тавтология и плеоназм: семантика, структура,
функционирование (на материале публицистического и
художественного дискурсов)**

**621.01 Общее языкознание; философия языка; психолингвистика;
прикладная лингвистика (русский язык)**

Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук

Научный руководитель:

СИРОТА ЕЛЕНА

кандидат филологических наук,
доцент кафедры славистики

Автор:

Парахонько Людмила

БЕЛЬЦЫ, 2022

© ПАРАХОНЬКО ЛЮДМИЛА, 2022

UNIVERSITATEA DE STAT „ALECU RUSSO” DIN BĂLȚI

Cu titlu de manuscris
C.Z.U.: 811.161.1'1 (043.2)

PARAHONCO LIUDMILA

**Tautologie și pleonasm: semantică, structură, funcționare
(în baza discursurilor jurnalistice și artistice)**

**621.01 Lingvistică generală; filosofia limbajului; psiholingvistică; lingvistică
informatizată (limba rusă)**

Teză de doctor în filologie

Conducător științific:

Lupom a

SIROTA ELENA
doctor în filologie,
conferințiar universitar

Autor:

PARAHONCO LIUDMILA

BĂLȚI, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
1. ТАВТОЛОГИЯ И ПЛЕОНАЗМ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	16
1.1. Теоретический экскурс в проблему тавтологии	16
1.2. Исследования тавтологии в современной лингвистике	21
1.3. История изучения плеоназма	30
1.4. Вопрос о плеоназме в трудах лингвистов XX–XXI вв.	33
1.5. Интралингвистические и экстралингвистические признаки тавтологии и плеоназма	37
1.6. Выводы по 1 главе	40
2. СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ТАВТОЛОГИИ И ПЛЕОНАЗМА НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XX–XXI ВЕКОВ	42
2.1. Тавтологические единицы: фонетические особенности	42
2.2. Словообразовательные модели тавтологических единиц	45
2.3. Типы тавтологии с учетом семантики	51
2.4. Синтаксические типы тавтологических структур	55
2.5. Фонетические особенности и словообразовательные модели плеонастических единиц	61
2.6. Семантическая классификация плеоназмов	64
2.7. Классификация плеонастических конструкций на синтаксическом уровне	67
2.8. Тавтология и плеоназм как явление когнитивной лингвистики – концепт	70
2.9. Выводы по 2 главе	78
3. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТАВТОЛОГИЙ И ПЛЕОНАЗМОВ В ДИСКУРСАХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА	83
3.1. Тавтология и плеоназм в публицистическом дискурсе	83
3.2. Употребление тавтологии и плеоназма в художественном дискурсе	90
3.3. Сравнительный анализ употребления тавтологии и плеоназма в исследуемых дискурсах	128
3.4. Выводы по 3 главе	135
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	139
БИБЛИОГРАФИЯ	143
ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	169
CURRICULUM VITAE	170

АННОТАЦИЯ

Парахонько Людмила, Тавтология и плеоназм: семантика, структура, функционирование (на материале публицистического и художественного дискурсов).

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 621.01 - Общее языкознание; философия языка; психолингвистика; прикладная лингвистика (русский язык), Бэлць, 2022

Структура диссертации: введение, 3 главы, выводы и рекомендации, библиография – 317 источников, 142 страницы основного текста, декларация об ответственности, CV автора.

Результаты исследования отражены в 23 научных работах.

Ключевые слова: тавтология, плеоназм, семантическая избыточность, макрология, периссология, интралингвистические признаки, экстралингвистические признаки, полисистемность, антропоцентризм, когнитология, концепт, концептосфера, психологизм, формализованная логика, явление языка, явление речи, амфиболия, широкое толкование, формулы-синтагмы, контекст, прагматическая лингвистика, стилистика, функциональность, публицистический дискурс, художественный дискурс, десемантизация, кодифицированность, иллюкутивность, перлокутивный эффект.

Область исследования: общее языкознание; философия языка; психолингвистика; прикладная лингвистика (русский язык).

Цель исследования: выявить когнитивные возможности тавтологических и плеонастических единиц, мотивированность которых дефинируются интенциональностью употребления носителями языка.

Задачи исследования: рассмотрение истории вопроса тавтологических и плеонастических единиц; изучение данных типов семантической избыточности в трудах лингвистов XX–XXI вв.; обнаружение общих и различных интралингвистических и экстралингвистических признаков тавтологии и плеоназма; применение полисистемного анализа к редундантности; изучение метакогнитивных свойств тавтологии и плеоназма, а также их прагматического и стилистического потенциала в публицистическом и художественном текстах.

Научная новизна и оригинальность исследования заключается в осуществлении разграничения двух видов семантического приращения, трактовке тавтологии в широком плане; описании структурного аспекта тавтологии и плеоназма, вследствие чего обосновывается деривационная «эволюция» тавтологических образований и их кодифицированность, по сравнению с репрезентантами плеоназма; в рассмотрении тавтологии и плеоназма как объектов когнитивной лингвистики.

Полученные научные результаты заключаются в дифференциации тавтологии и плеоназма; в отнесении к тавтологии квазисинонимов, т.к. в их основе содержится один и тот же семантический множитель, который позволяет им функционировать по принципу бинарной логики; в дескрипции тавтологических и плеонастических высказываний как явлений и языка, и речи; в обнаружении антропоцентризма в экспликации исследуемых типов редундантности, приводящего к их пониманию как когнитивного и прагматического знака.

Теоретическая значимость и прикладная ценность диссертации состоит в том, что она вносит определенный вклад в теорию тавтологии и плеоназма. Разработанная в данном исследовании концепция позволяет дифференцировать смежные понятия, что, безусловно, является ценным при анализе других единиц языка, нуждающихся в пересмотре в силу дискуссионности их толкований и модификации контекстов их употребления. Более того, результаты исследования могут широко использоваться при чтении курсов по общему языкознанию и по проблеме взаимосвязи языка и мышления.

Внедрение научных результатов. Основные идеи этого исследования были представлены на научных конференциях в стране и за рубежом, результаты исследования отражены в двадцати трех статьях, опубликованных в научных журналах, как национальных, так и международных.

ADNOTARE

Parahonco Liudmila, Tautologie și pleonasm: semantică, structură, funcționare (pe baza materialului excerptat din discursurile publicistice și artistice).
Teză de doctor în filologie la specialitatea 621.01 – Lingvistică generală; filosofia limbajului; psiholingvistică; lingvistică aplicată (limba rusă), Bălți, 2022

Structura tezei: introducere, trei capitole, concluzii generale și recomandări, bibliografie din 317 de surse, 142 de pagini de text de bază, declarația privind asumarea răspunderii, CV-ul autoarei.

Rezultatele tezei sunt reflectate în 23 de lucrări științifice.

Cuvinte-cheie: tautologie, pleonasm, redundanță semantică, macrologie, perisologie, trăsături intralingvistice, trăsături extralingvistice, caracter polisistem, antropocentrism, știință cognitivă, concept, conceptosferă, psihologism, logică formalizată, fenomen de limbaj, fenomen de vorbire, amfibolie, interpretare largă, sintagme, context, pragmatică, stilistică, funcționalitate, discurs publicistic, discurs artistic, desemantizare, codificare, act ilocuționar, act perlocuționar.

Domeniul cercetării: lingvistică generală; filosofia limbajului; psiholingvistică; lingvistică aplicată (limba rusă).

Scopul cercetării: identificarea posibilităților cognitive ale unităților tautologice și pleonastice, motivate de intenționalitatea utilizării de către vorbitorii nativi.

Obiectivele cercetării: analizarea istoriei problemei unităților tautologice și pleonastice; studierea acestor tipuri de redundanță semantică în lucrările lingviștilor secolelor XX–XXI; detectarea semnelor intralingvistice și extralingvistice comune și diferite de tautologie și pleonasm; aplicarea analizei polisistemice la redundanță; studierea proprietăților metacognitive ale tautologiei și pleonasmului, precum și potențialului pragmatic și stilistic al acestora în texte publicistice și artistice.

Noutatea și originalitatea științifică constă în implementarea distincției între două tipuri de increment semantic, interpretarea tautologiei în sens larg; descrierea aspectului structural al tautologiei și pleonasmului, în urma căruia se argumentează „evoluția” derivativă a formațiunilor tautologice și codificarea acestora în comparație cu reprezentanții pleonasmului; considerarea tautologiei și pleonasmului obiecte ale lingvisticii cognitive.

Rezultatele științifice principale obținute constă în diferențierea tautologiei și pleonasmului; în raportul cvasisinonimelor la tautologie, întrucât ele se bazează pe același semn care le permite să funcționeze după principiul logicii binare; în descrierea enunțurilor tautologice și pleonastice ca fenomene atât ale limbajului, cât și ale vorbirii; în descoperirea antropocentrismului în explicarea tipurilor de redundanță studiate, din care rezultă înțelegerea lor ca semn cognitiv și pragmatic.

Semnificația teoretică și valoarea aplicativă constă în anumită contribuție la teoria tautologiei și pleonasmului. Concepția dezvoltată în această cercetare face posibilă diferențierea conceptelor înrudite, ceea ce, desigur, este valoros în analiza altor unități ale limbajului care trebuie revizuite datorită caracterului discutabil al interpretărilor lor și modificării contextelor de utilizare. Mai mult, rezultatele studiului pot fi utilizate la cursurile de lingvistică generală și relația dintre limbaj și gândire.

Implementarea rezultatelor științifice. Ideile de bază ale acestui studiu au fost prezentate la conferințe din Republica Moldova și alte țări, rezultatele cercetării au fost reflectate în 23 de articole apărute în edițiile periodice de profil naționale și internaționale.

ANNOTATION

Parahonco Liudmila, Tautology and pleonasm: semantics, structure, functioning (on the basis of journalistic and artistic discourses), Doctoral Thesis in Philology (speciality 621.01 - General Linguistics; philosophy of language; psycholinguistics; applied linguistics (Russian language)), Balti, 2022

Structure of the thesis: Introduction, three chapters, general conclusions and recommendations, bibliography including 317 sources, 142 pages of main text, declaration of assumption of responsibility, author's CV.

The results of the thesis have been reflected in 23 scientific papers.

Key words: tautology, pleonasm, semantic redundancy, macrology, perissology, intralinguistic features, extralinguistic features, polysystem **theory**, anthropocentrism, cognitology, concept, concept sphere, psychologism, formalized logic, language phenomenon, speech phenomenon, amphiboly, broad interpretation, syntagm formulas, context, pragmatic linguistics, stylistics, functionality, journalistic discourse, artistic discourse, desemantization, codification, illocutionary, perlocutionary effect.

Field of study: general linguistics; philosophy of language; psycholinguistics; applied linguistics (Russian language).

The purpose of the thesis: to identify the cognitive capabilities of tautological and pleonastic units, the motivation of which is defined by the intentionality of the use by native speakers.

The objectives of the research: consideration of the history of the issue of tautological and pleonastic units; the study of these types of semantic redundancy in the works of linguists of the XX–XXI centuries; detection of common and various intralinguistic and extralinguistic features of tautology and pleonasm; application of the polysystem analysis to redundancy; **investigation** of the metacognitive properties of tautology and pleonasm, as well as their pragmatic and stylistic potential in journalistic and literary texts.

The scientific novelty and originality of the thesis consists in the implementation of the distinction between two types of semantic increment, the interpretation of the tautology in a broad sense; the description of the structural aspect of tautology and pleonasm, as a result of which the derivational "evolution" of tautological formations and their codification are substantiated, in comparison with representatives of pleonasm; in considering tautology and pleonasm as objects of cognitive linguistics.

The scientific results obtained consist in the differentiation of tautology and pleonasm; in referring quasi-synonyms to the tautology, since they are based on the same semantic multiplier, which allows them to function according to the principle of binary logic; in the description of tautological and pleonastic statements as phenomena of both language and speech; in the discovery of anthropocentrism in the explication of the studied types of redundancy, leading to their understanding as a cognitive and pragmatic sign.

Theoretical and practical importance of the thesis lies in the fact that it makes a certain contribution to the theory of tautology and pleonasm. The concept developed in this study makes it possible to differentiate related concepts, which, of course, is valuable in the analysis of other units of the language that need to be revised due to the debatable nature of their interpretations and modification of the contexts of their use. Moreover, the results of the study can be widely used in courses on general linguistics and on the problem of the relationship between language and thinking.

Implementation of scientific results. The main ideas of this study were presented at scientific conferences in the country and abroad, the results of the study are reflected in twenty-three articles published in scientific journals, both national and international.

ВВЕДЕНИЕ

Тема диссертационного исследования: «Тавтология и плеоназм: семантика, структура, функционирование (на материале публицистического и художественного дискурсов)».

Развивающиеся коммуникационные и информационные технологии, находящиеся в тесной взаимосвязи с познанием субъекта, формирующие и транслирующие гносеологическую функцию, мотивировали создание необходимости повышения его культуры, а также информационного уровня в сфере настоящего поля культурного пространства. При этом важно акцентировать внимание на прагматической роли компонентов «чрезмерности» в семантике: соотнести результаты познания как вербализованные, так и имплицитные потенции в информационном портале.

Как известно, тавтология и плеоназм характеризуются частотностью употребления на всех уровнях языковой системы, следовательно, составляют ядерную часть конситуации. В соответствии с этим данные типы семантической избыточности маркируют интенциональность сознания индивида и, согласно данному обстоятельству, являются лингвоспецифическим феноменом, который направлен на выявление особенностей достаточно большой сферы значимых для культуры сигнификатов, касающегося области понятого и пережитого. Это положение, в свою очередь, отсылает нас к антропоцентризму. Именно данное обстоятельство обусловило **актуальность** предложенной темы, суть которой в необходимости по-новому взглянуть на тавтологические и плеонастические выражения, определить их прагматические характеристики. Это позволяет нам идентифицировать языковую личность, объективировать собственное коммуникативное намерение, что способствует созданию некоего диссонанса между интенционалом экспликанта и интенционалом экспликандума, т.к. тавтология и плеоназм в определенных условиях устанавливают подобие предмета только с точки зрения формы, а в речи выражают иной смысл.

Изучение тавтологии и плеоназма характеризуется длительной историей. Проявление интереса к исследуемым явлениям наблюдаем уже в стилистике, античной риторике. Тем не менее исследование тавтологических и плеонастических единиц активно стало вестись языковедами XIX века (А. Мейе, Ф. И. Буслаевым, Ф.

Миклошичем, Н. И. Гречем, Г. Паулем, и др.). Однако, несмотря на это, актуализируется полярность суждений.

Объектом нашего исследования являются тавтология и плеоназм как когнитивное, метаязыковое явление.

Предмет исследования заключается в рассмотрении когнитивных особенностей высказываний плеонастической и тавтологической природы в публицистическом и художественном дискурсах на всех стратификационных языковых уровнях: фонемном, морфемном, лексическом и синтаксическом.

Цель работы – обнаружение когнитивных возможностей тавтологических и плеонастических единиц, обусловленность которых определяется интенцией носителей языка.

Данная цель предопределила решение следующих **задач**:

- исследовать историю вопроса тавтологических и плеонастических единиц;
- изучить данные типы семантической избыточности в трудах лингвистов XX–XXI вв.;
- выявить их интегральные и дифференциальные интралингвистические и экстралингвистические признаки;
- дать полисистемное описание редундантности;
- изучить метакогнитивные свойства тавтологии и плеоназма, а также их прагматический и стилистический потенциал в публицистическом и художественном текстах.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что в нем

- осуществляется разграничение двух видов семантического приращения,
- формируется четкий понятийно-терминологический аппарат, позволяющий объективно рассмотреть случаи информативности/неинформативности исследуемых единиц семантической избыточности;
- дается трактовка тавтологии в широком плане;
- описывается структурный аспект тавтологии и плеоназма, вследствие чего обосновывается деривационная эволюция тавтологических образований и их кодифицированность, по сравнению с репрезентантами плеоназма;

- убедительно доказывается следующее положение: тавтологию и плеоназм можно исследовать как объект когнитивной лингвистики – концепт, что делает ложным высказывание многих ученых, лингвистов об их пустых знаках; актуальное членение речевого произведения может распространяться на сверхфразовый уровень.

Научная проблема заключается в отсутствии четких общих и отличительных признаков тавтологии и плеоназма, одностороннем взгляде на смысловую чрезмерность, двойственности оценки данных семантических знаков, а также во фрагментарности изучения тавтологии и плеоназма на всех стратах языка. На защиту выносятся следующие **основные положения диссертации:**

- тавтология и плеоназм – смежные, но не одинаковые явления, отличающиеся набором интралингвистических и экстралингвистических признаков;

- к тавтологии относятся и квазисинонимы (знать, ведать), т.к. в их основе – один и тот же семантический множитель, который позволяет им функционировать по принципу бинарной логики: сигнификат можно представить расчлененно, двумя языковыми знаками, объединение которых способно выражать новое собирательное значение, т.е. семантему;

- использование высказываний плеонастической природы чаще считается неверным, истинно избыточным, полностью исчерпывающим себя в отличие от тавтологии;

- тавтология в большей степени относится к диссипативным структурам, т.к. благодаря взаимодействию языковой системы с внешней средой внутри нее происходит рассеивание элементов хаоса, вызывающих колебания. Несмотря на то, что флуктуации (любые случайные отклонения какой-либо величины) могут быть очень сильными, диссипативные структуры способны их выдержать, «отрегулировать» и привести в систему, т.к. являются организациями более высокой степени сложности;

- тавтологию можно интерпретировать с позиции Булевой алгебры. Следовательно, тавтологические конструкции получают наибольшее формализованное описание, по сравнению с плеоназмом;

- спрессованность интенционала тавтологии и плеоназма приводит к их когнитивному воплощению;

- тавтологические и плеонастические высказывания – это явления и языка, и речи;
- причиной когнитивного аспекта исследуемых типов редундантности является антропоцентризм, что, в свою очередь, эксплицирует экономию речевых средств, их прагматизм.

Методологической базой диссертационного исследования служат в области исторического освещения проблемы (Греч, 1827; Миклошич, 1895; Евгеньева, 1949; Архангельский, 1964; Потебня, 1968; Горбачевич, 1978; Милехина, 1978; Лихачёв, 1987; Колесов, 1989; Веселовский, 1989; Фоменко, 1994; Витгенштейн, 1994; Лопутько, 2000; Пешковский, 2001; Пименова, 2007, 2013, 2016 и др.), работы, посвященные стилистике и прагматике (Шмелев, 1977; Розенталь, 2003; Скребнев, 2003; Рахманкулова, 1985; Герасименко, 2012; Вилинбахова, 2016; Bach K., Harnish, 1980; Miki, 1996; Wierzbicka, 1987; Ruszkowski, 1995; Małocha-Krupa, 2003; Szumska, 2006; Pușcariu, 1940; Clichici, 2008; Rașcalău, 2009; Pora, 2010; Leahu, 2011 и др.), а также и когнитивистике (Лихачев, 1997; Рябцева, 1991; Булыгина, Шмелев, 1997; Попова, Стернин, 2002, 2007; Попова, 2002; Пименова, 2006; Колесов, 2012; Прохоров, 2008; Неретина, 2010; Шулятиков, 2015 и др.).

Для достижения поставленных задач в работе используются общенаучные и специальные лингвистические **методы**: анализ литературы (до описания проблемы и в течение), анализ (при обзоре фактического материала), синтез (в выводах по главам и в общих выводах), классифицирование (для характеристики тавтологии и плеоназм на различных уровнях языковой системы), моделирование (при построении структурных моделей компонентов семантической избыточности), непосредственное наблюдение (в ходе всей работы), статистический метод (во второй и третьей главах при количественном подсчете тавтологических и плеонастических выражений), сравнение (в сравнительном анализе употребления тавтологии и плеоназма в исследуемых текстах), метод концептуального анализа (при выстраивании структурного и когнитивного концептов с использованием полевой модели), метод компонентного анализа – семемный (при анализе лексикографических источников), метод сплошной выборки фактов (при выборе фактов), а также прагматический анализ (при изучении функционирования тавтологии и плеоназма в публицистическом и художественном дискурсах), анализ словарных статей (для

описанию семантики плеонастических единиц и при уточнении дефиниций понятий «жизнь и смерть» в третьей главе), контекстуальный анализ (на протяжении исследования для интерпретации редундантности, затрагивающей когнитивные потенции языковой личности).

Фактическим материалом исследования послужили лексикографические источники, дидактические пособия, интернет-ресурсы, а также примеры из публицистического и художественного (конца 20- начала 21-го вв.) дискурсов. Количество рассмотренных примеров составляет 506 единиц.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она вносит определенный вклад в теорию тавтологии и плеоназма. Разработанная в данном исследовании концепция позволяет дифференцировать смежные понятия, что, безусловно, является ценным при анализе других единиц языка, нуждающихся в пересмотре в силу дискуссионности их толкований и модификации контекстов их употребления.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что результаты исследования могут широко использоваться при чтении таких курсов, как: когнитивная семантика, прагмалингвистика, общее языкознание, лингвистика текста, стилистика. Кроме того, собранный материал может быть использован при проведении практических занятий по современному русскому языку, теории текста, филологическому анализу текста, по курсу «Современные лингвистические теории», при описании лицензионных и магистерских работ.

Апробация работы. Результаты, полученные в ходе исследования, были представлены на различных научных мероприятиях: национальных и международных конференциях. Тезисы и выводы исследования отражены в 23 статьях, опубликованных в коллективных научных сборниках и в специализированных лингвистических журналах, из которых 4 – в журналах из реестра Журналы национального профиля (категория В, С), 2 – журнале «Мова» Украина, категория В, 1 – в МНИЖ, ВАК, Россия. Также они были представлены в виде сообщений на 20 национальных и международных научных конференциях (Государственный университет Алеку Руссо в Бельцах; Тираспольский Государственный университет, Молдова; Ясский университет «Ал. И. Куза», Румыния; Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Украина; Санкт-

Петербургский Государственный университет, Россия; Астраханский государственный университет, Россия; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Россия; Псковский государственный университет, Россия; Минский Государственный университет, Белоруссия).

В структурном плане работа состоит из введения, трех глав, заключения и рекомендаций, а также списка использованных источников.

Во Введении обосновывается актуальность и научная новизна исследования, определяется объект исследования, формулируются цели и задачи, дескриптируются использованные методы и область применения.

В первой главе «Тавтология и плеоназм в лингвистических исследованиях» говорится о том, что современные лингвисты педализируют коммуникативный аспект дублирования компонентов высказывания. Тавтология как коммуникативный феномен подразумевает дискурс, его перлокуцию и, наконец, эрудицию участников коммуникативного акта. Именно рассмотрение данных факторов позволяет правильно интерпретировать содержание синтаксических структур в узком смысле и текста – в широком смысле. Тавтологические сочетания в древнерусском языке не рассматриваются как лексически избыточные, т.к. их функционирование обосновано лексическими и синтаксическими особенностями языковой системы. Это значит, что сочетания с повторяющимися компонентами изначально были лексически наполненными и служили для выражения определённой семантики (ограничение, подновление значения и др.). Кроме этого, в литературных памятниках они использовались для приращения смысла.

Плеоназм так же, как и тавтология, освещается в диахронии:

1) данный термин известен со времен античной риторики и античной стилистики и означает избыточность;

2) плеонастические сочетания в древнерусском языке и русской риторике XVIII века рассматриваются как стилистическая фигура, нагруженная определенными смыслами, – «фигура разумения», но, несмотря на это, существует релятивное отношение к оценке плеоназма – его правильности и неправильности употребления (Н. Греч, И. Давыдов, Н. Кошанский, В. Классовский и др.).

На синхронном уровне эмплазируется все еще не существует четкой дифференциации плеоназма и тавтологии, что и послужило уточнению и созданию более четкой дефиниции, распредметившую суть одной и другой редувантности.

Во второй главе «Средства вербализации тавтологии и плеоназма на различных уровнях языковой системы в русском языке XX–XXI веков» производится полный анализ плеоназма и тавтологии на всех уровнях языка, что позволило заключить следующее: по числовому превосходству нормированности употребления тавтологии, данная «содержательная избыточность высказывания» характеризуется большей интенциональностью. Плеоназм, в свою очередь, воспринимается как явление речи, т.е. свидетельствует о низкой эрудиции языковой личности. Однако данное утверждение необходимо еще раз проверить, т.к. из-за флективной и динамической сущности языковой системы могут быть внесены определенные коррективы. Следовательно, изучаемая проблема требует дальнейшего освещения.

В третьей главе «Прагматический потенциал и функционирование тавтологий и плеоназмов в дискурсах различного типа» устанавливается тот факт, что информация, передаваемая СМИ, обуславливает поведенческие и ассоциативные стереотипы, оказывающие воздействие на сознание субъекта, обнаружение его интересов на формирование восприятия о реальной действительности и реальности жизни в социуме. Также сообщается то, что представитель определенной лингвокультуры живет в эпоху симуляции языковой картины мира. Этому положению оказывают помощь тавтология и плеоназм за счет своей билатеральности. Более этого, декларируется возможность их представления в виде концептов, удостоверяющих их употребление по интенции.

Обращает внимание в нашем исследовании определенный диссонанс в количестве страниц, отведенных на 3 главу. Это объясняется **следующими причинами**: 1) 3 глава представляет самостоятельное авторское исследование, 2) в ней рассматривается вопрос о функционировании исследуемых концептов в публицистическом и художественном дискурсах, что вызывает необходимость учета более широкого контекста при определении роли тавтологии и плеоназма.

В заключении изложены основные результаты проведенного исследования, приведены выводы обобщающего характера, а также рекомендации по детальному изучению данной проблемы.

Библиография содержит перечень использованной литературы (317 источников) по проблеме исследования.

1. ТАВТОЛОГИЯ И ПЛЕОНАЗМ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Теоретический экскурс в проблему тавтологии

Явление тавтологии имеет длительную историю изучения: у него греческие корни, буквально означает «то же самое слово» [125, с. 479].

Необходимо отметить, что первое упоминание об этом лингвистическом явлении мы находим в античной стилистике. Античную стилистику составляли три главных понятия: 1) периссология – накопление синонимов; 2) макрология – обременение речи придаточными пропозициями; 3) тавтология. Современная же стилистика объединяет все перечисленные аспекты многословия в один общий, родовой повтор – тавтологию [122, т. 11, с. 408].

В лингвистических источниках высказываются гипотезы о причинах возникновения данных этимологически родственных конструкциях. Наиболее интересна точка Ф. Миклошича: «... мысли дублируются народным певцом, т.к. являют собой представление, охватившее его. Многократная итерация детерминирована необходимостью откорректировать свое высказывание» [52, с. 208]. Здесь вербализуется мысль об уточняющей функции реитерации.

В научном освещении истории вопроса тавтологии закладываются основы для ее понимания в узком смысле: как лексемную близость, или изонимическую реитерацию; постоянное объединение однокоренных лексических единиц [112].

К данной точке зрения присоединяется А. А. Потебня, который обращает внимание на семантическую сторону парных соединений, констатируя, что усугубление (повторение) в речи одного и того же дает новую семантику. Более того, исследователь выделяет не только объективную составляющую значения, которая заключается в дифференциации признаков обозначаемого, но и субъективный аспект (аффективные образования говорящего, влияющие на повтор, уточнение мысли, что, в свою очередь, создает перлокутивный эффект на реципиента коммуникативного акта) [30, с. 179]. Далее А. А. Потебня уточняет, что подобное употребление конструкций следует рассматривать

как результат реликтового (остаточного, древнего) способа мышления [53, с. 106]. Данное положение отсылает нас к синкретизму мироощущения (термин В.В. Колесова), который состоит в спаянности чувственного созерцания и логической деятельности мышления человека, что на языковом уровне проявляется в наличии семантического синкретизма [67, с. 426].

Так, этимологические фигуры (темень темнеется, дело делается, век вековать, красотою украсить и др.), называющие количественно и качественно денотат, отражают древнюю концептуальную форму ментальности (ментализацию, выражающуюся в использовании метонимии, сходстве по смежности). Это первый этап в развитии мышления человека [67, с. 431]. На наш взгляд, в данном примере также реализуется семасиологический тип семантического синкретизма в широком смысле, т.е. проявляется движение от вещи к мысли.

Следующим шагом в развитии мыслительного аппарата, по В.В. Колесову, является идеация (XIV/XV–XVII вв.), состоящая в употреблении метафор, которые рождают ассоциации по сходству, отношения аналогии [67, с. 428]. Мы полагаем, что в этом случае реализуется ономасиологический тип семантического синкретизма в широком смысле, в отличие от предыдущего подхода, идет движение от мысли к вещи. И последний этап – это идентификация (XVII/XVIII–XXI вв.), которая связана с «сопряжением результатов ментализации и идеации», согласованием объема и содержания понятия в словесном знаке, а значит, и соединении интенционала и экстенционала.

Таким образом, – продолжает профессор В.В. Колесов, – «закончилось формирование лексического состава «общерусского языка»» [67, с. 428]. Поэтому формулы-синтагмы, или синкретичные сочетания слов, знаменуют переход от сенсорной абстракции к абстракции интеллектуальной и представляют собой рече-языковое единство. Следовательно, устойчивое сочетание – это синкретичный компонент мысли-речи, явление психики и языка [49, с. 86]. Так, реализуется потенция для прагматики, говорящая об интенциональности использования подобных конструкций в речи.

Считаем важным обратить внимание на то, что к формулам-синтагмам, которые участвуют в семантико-структурной организации древнерусского текста, могут

относиться и парные именованья – двухкомпонентные сочинительные соединения слов, чаще всего субстантивной принадлежности (род и племя, рать и сила, огонь и пламя), – или просто биномы, имеющие один и тот же семантический множитель (путь-дорога).

Компоненты паратаксических сочетаний сочленены формальным равноправием. Номинальная паритетность отношений слагаемых соединений заключается в детерминации: зависимости одного компонента от другого. При этом, по замечанию В.Л. Архангельского, данная логическая субординация является двусторонней, взаимной, что, в свою очередь, и обуславливает их нерасчлененность и устойчивость [4, с. 111–112].

Кроме того, древнерусские формулы-синтагмы построены на принципе бинарной логики: сигнификат можно представить расчлененно, двумя языковыми знаками, которые при объединении в сочинительное сочетание выражают новое собирательное значение: объем двух понятий входит в объем третьего, тем самым дает возможность создания гиперонима – цельного, обобщенного понятия, с помощью которого развоплощается семантема, т.е. совокупность всех компонентов её содержания, которую хотел выразить говорящий [3, с. 10]. Также данные синкретемы закладывают фундамент для подобословия, т.е. понимания тавтологии в широком смысле: повтор однокоренных лексем и таких синонимических пар слов, как путь-дорожка, знать-ведать, беда-горе. Указанная причина появления такого подобословия, по словам А. А. Потебни, коррелирует с совпадением значения сочетаний в мысли говорящего [30, с. 181]. Однако данные семантические дублиеты иллюстрируют двойственный характер тождества: с одной стороны, квазисинонимичные парные сочетания несут в себе идею общности (тождества), с другой – идею смыслового расхождения (различия) [53, с. 111]. Поэтому В.В. Колесов считает, что именно формула-синтагма являлась главным элементом древнерусского литературного текста [39, с. 138].

Академик Д.С. Лихачёв дополняет мысль В.В. Колесова, утверждая, что появление устойчивых стилистических формул мотивируется “литературным этикетом” в древнерусских текстах, в результате чего продукт дискурса рассматривается как сверхфразовое единство [46, с. 346].

Приведенный анализ специальной лингвистической литературы свидетельствует о том, что интерес к изучению тавтологии возрос в XIX веке, исследователи обращают особое внимание на функции данного вида лексической избыточности.

Так, А.Н. Веселовский относит тавтологический эпитет, «подновляющий нарицательное значение слова», к художественным средствам фольклорного текста [14, с. 78].

А.А. Потебня соглашается с А.Н. Веселовским, утверждая, что в обороте “туман туманится”, в первую очередь, меняется семантика и только потом создается оживленность и усиление речи. Языковед выделяет два типа таких биномов и определяет их значение: в сочетаниях типа “град градити” объект обозначает внешний результат действия, “пир пировати” объект существует только во время действия [73, с. 433].

Следовательно, с позиции исторического освещения вопроса, компоненты подобного сочетания нераздельно связаны, не мыслятся отдельно и не считаются речевой ошибкой. Так, Д.С. Лихачёв описывает приём “плетение словес”, который создается посредством использования однокоренных единиц, синонимов и элементов фонетики [47, с. 46]. Отсюда следует, что тавтология способна выступать как стилистическая фигура, или амплификация.

Итак, исходя из вышесказанного, можно заключить: в основе древнерусского плетения словес лежит тавтология, которая преследует цели:

- 1) использование тождественных лексем имеет всегда многогранный, сложный характер, несущий в себе определенную импликацию;
- 2) дублирование не случайных слов, а лексических единиц, «прецедентных» для данного текста;
- 3) повтор фиксирует внимание на смысле прочитанного. Здесь отмечается художественная коммуникация между автором и читателем;
- 4) однокоренные слова, применяемые к разным предметам и явлениям, оказывают автору помощь в установлении смысловой связи между ними. Данное положение, в свою очередь, отсылает нас к тому, что анализируемый вид многословия может выполнять также и функцию паронимической аттракции (например, “суд не в осуд, а в рассуд”).

Таким образом, по мысли Д.С. Лихачёва, посредством плетения словес демиург древнерусского текста «стремится создать некий «сверхсмысл»» [47, с. 387].

К.С. Горбачевич, как и В.В. Лопатин, дифференцирует подлинную и мнимую тавтологию. Под подлинными тавтологическими оборотами лингвист подразумевает такие сочетания, как моя автобиография, коренной абориген и др. Он считает, что их употребление справедливо порицается языковедами, т.к. «в данных биномах определение или зависимое слово повторяет признак, который уже содержится в главной лексеме. Подобные выражения не соответствуют нормам литературного словоупотребления, поэтому их следует избегать в речевой практике» [23, с. 80].

Тем не менее необходимо отметить, что вышеупомянутая дефиниция характеризует не тавтологию, а другое языковое явление – плеоназм. А это означает, что в данном случае не различаются рассматриваемые варианты семантической избыточности.

Другую разновидность спаянности компонентов выражения (например, монументальный памятник) К. С. Горбачевич квалифицирует как мнимую тавтологию, которая заключается в смысловой модификации (в расширении значения). Модификация проявляется в частичной замене отдельных семантических признаков, в появлении новых сем или в исчезновении старых. Важно подчеркнуть, что смысловая модификация неразрывно связана с семантической деривацией: процессом появления у слова нового значения). Следовательно, речь идет о полисемии, которая опрочинивается тем, что жизнь лексической единицы не может быть обрамлена фиксированными границами первосмысла.

Так, на базе прямого значения прилагательного “монументальный” развилось переносное значение – «поражающий своими размерами, величественностью, грандиозный». Тогда дескриптор в сочетании с существительным «памятник» не образует тавтологии, а конкретизирует обозначаемое понятие [23, с. 81]. Следовательно, дефинировать и тем самым разграничить подлинную и мнимую тавтологию помогает контекст [23, с. 80]. Из этого вытекает, что тавтология может быть и своего рода имплицатурой, связывающей явления внешнего мира в коллективном психолингвистическом процессе. Здесь прослеживается контаминация скрытого смысла с рациональностью и экономией речевых средств. Значит, данное языковое явление может

быть избыточным на смысловом уровне лишь номинально, а это, в свою очередь, доказывает, что признается его кодифицированность [23,с. 82].

И.Б. Голуб применяет термин “скрытая тавтология” к выражениям типа “главный приоритет, другая альтернатива”, употребление которых вызвано тем, что говорящий не понимает смысл заимствованного слова [22, с. 252]. В данном случае происходит путаница в понятийно-терминологическом аппарате: плеоназм выступает как разновидность тавтологического оборота.

На основании сказанного приходим к выводу, что тавтологические сочетания в древнерусском языке не рассматриваются как лексически избыточные, так как их функционирование обосновано лексическими и синтаксическими особенностями языковой системы. Это говорит о том, что сочетания с повторяющимися компонентами изначально были лексически наполненными и служили для выражения определённой семантики (ограничение, подновление значения и др.). Кроме того, в литературных памятниках они использовались для приращения смысла. Релевантным является и то, что взгляд на тавтологию как интенциональное и прагматическое языковое явление сохраняется и по направлению к современности. И только контекст речевой ситуации способен избавить тавтологический оборот от его семантической избыточности.

Как видим, намечаются два подхода к интерпретации тавтологии: тавтология как лексемная близость (узкое понимание), тавтология не только как однокоренные сцепления, но и синонимические пары слов типа “путь и дорога” (широкое понимание). Данное положение способствует разграничению двух видов излишней полисемии: тавтологии и плеоназма [57,с. 130].

1.2. Исследования тавтологии в современной лингвистике

В лингвистике до сих пор не решена проблема идентификации, определения тавтологии. Подтверждением этому является анализ лексикографических источников.

В.А. Виноградов, С.Е. Никитина и Н.В. Васильева определяют тавтологию как содержательную семантическую избыточность, проявляющуюся в полном или частичном дублировании смысла выражения. Будучи явлением речи, тавтологический оборот свидетельствует обычно о недостаточной логической и языковой эрудиции продуцента,

например, труп мертвого человека, более теплее. Поэтому данный термин в русской традиции употребляется с пейоративным оттенком [64, с. 74].

О.С. Ахманова определяет вышеуказанную редундантность как «неоправданную избыточность выражения» (самый наилучший, более красивее) [106, с. 457, 64, с. 74]. Однако подчеркиваем, что приведенные иллюстрации, свидетельствуют не о тавтологии, а плеоназме, т.к. плеоназм представляет собой словосочетание, в котором значение одного компонента целиком входит в значение другого [106, с. 315].

Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова расширяют обзор изучаемого лингвистического явления, называя три его семантических аспекта:

1. «Повтор сказанного, но другими словами, при этом суть не меняется» [125, с. 315]. Частично этому мнению придерживается Ю.Н. Караулов, т.к. говорит о возможности тождества соответствовать задачам стилистики, быть стилистически маркированным явлением и интенциональным [126, с. 553]. Аналогичный взгляд на стилистическую окраску предмета исследования находим в энциклопедическом словаре-справочнике [138, с. 329];

2. «реитерация однокоренных слов (таким образом и образовались)»;

3. «безосновательная семантическая погрешность высказывания (более лучшее решение)» [125, с. 315]. Однако данный пример является иллюстрацией плеоназма, а не тавтологической конструкции.

По данным румынского Иллюстрированного энциклопедического словаря, тавтология также трактуется как редупликация, удвоение тождественных (однокорневых) лексем (с разными синтаксическими функциями): «*tautologia* (în lat. *tautologia*; cf. gr. *Tauto „același+logos” vorbire*, т.е. тавтология восходит к латинскому языку и означает то же слово) [140, с. 1009] *ar fi folosirea aceleiași cuvânt sau a unor cuvinte din aceeași familie lexicală: am lucrat la această lucrare, работал на той же работе; am cimentat casa cu ciment, я цементировал дом цементом*» [94, с. 37].

Приведенные дефиниции позволяют сделать вывод о том, что тавтология может служить как способ организации стихотворной речи (аллитерация, тавтологическая рифма и т.д.), и тогда ее употребление оправдано. А может относиться к речевому недочету, аберрации, что вызвано незнанием семантики лексемы (например, сумма зарплаты,

возобновиться вновь). Эта семантическая сочлененность компонентов выражения способствует повышению выразительности текста, поэтому часто используется в фольклоре и функциональных стилях речи (публицистическом, разговорном, художественном и др.). Следовательно, возникает неоднозначность в рассмотрении когнитивного потенциала данного вида семантической избыточности.

Так, Л. Витгенштейн видит в тавтологии “исчезновение знаков” [18, с. 59-60] и заключает, что «тавтология ничего не говорит» [18, с. 132]. Данная концепция оказала влияние на представителей логического направления в лингвистике. Например, Ю.Д. Апресян, а вслед за ним и Т.Б. Радбиль описывают тавтологические конструкции как языковую и логическую аномалию [76, с. 259]. Исследователь Е.А. Яшина добавляет к изложенному, что тавтология в художественном тексте является средством создания алогизма [89, с. 101].

Иной взгляд на тавтологию характерен для исследователей стилистики и культуры речи в XX веке. Д.Э. Розенталь и И.Б. Голуб описывают стилистические функции тавтологии в тексте [79, с. 33-38]. Их точку зрения разделяет и Е.В. Хворостянова, исследователь оправдывает тавтологию в поэтических целях [86, с. 1 – 4]. В связи с этим современные лингвисты интерпретируют тавтологию в рамках трех подходов: радикально прагматическом (Grice 1975; Levinson 1983; Ward, Hirschberg 1991), радикально семантическом (Wierzbicka 1987, 1988; 1991) и семантико-прагматическом (Fraser 1988; Escandell-Vidal 1990; Miki 1996; Gimbel 2001 и др.). Согласно сторонникам первого подхода, значения тавтологических структур выводятся благодаря универсальным прагматическим принципам: чтобы объяснить говорящим максимы количества (не говори меньше, чем следует) или релевантности, актуальности (не отклоняйся от темы). Именно поэтому реципиент коммуникативного акта должен искать в тавтологическом выражении другой, переносный смысл [15, с. 62, 317, с. 74].

А. Вежбицкая придерживается второму подходу, которая по сути является оппонентом. Исследователь допускает, что могут встречаться и противоположные интерпретации. Так, в русском языке выражение «что было, то было» несет импликацию: то, что действительно было и нельзя отрицать [12, с. 445]. Польский эквивалент «co było, to było» означает забыть прошлое, т.к. его нельзя исправить, изменить [15, с. 62].

Третий подход отображается в работах Л.К. Рахманкуловой. Исследователь утверждает, что английские конструкции типа “N cop N” чаще всего анализируются из-за своей стереотипности. Их анализ привел ее к выводу о том, что данные тавтологические репрезентанты «богаты информативным содержанием» [77, с. 138]. Подобные виды тавтологий считаются ядерными для английского языка, в связи с этим они подвергаются детальному лингвистическому анализу и получают различные трактовки. Так, Etsuzo Miki предлагает рассматривать тавтологии типа «Kids are kids» как формы самоидентификации [104, с. 635]. А Johannes Bulhof и Steven Gimbel в статье «A tautology is a tautology (or is it?)» выделяют среди соответствующих конструкций «глубинные тавтологии», общие для большинства языков, а потому переводящиеся без потери смысла [37, с. 28]. Со стилистической точки зрения английские глубинные тавтологии признаются синтаксическим средством выразительности [104, с.80, 317, с. 74].

Следовательно, по справедливому замечанию Ю.М. Малинович, Л.М. Ковалевой, подобные конструкции выступают как квазитавтологические предложения, где «одно и то же имя занимает две позиции – подлежащего лопата 1 и именной части составного сказуемого (предикатива) лопата 2, ср.: Лопата 1 есть лопата 2. Без неё в хозяйстве нельзя» [36, с. 17]. Н.А. Герасименко рассматривает их в качестве разновидности бисубстантивных предложений отождествительного типа [21, с. 186].

Когнитивные процессы, лежащие в основе употребления номинальных тавтологий английского языка, были рассмотрены и исследователем О.А. Зайц. Автор описывает прагматические особенности употребления явлений избыточности, а также предлагает соответствующее определение тавтологии: «экспликационные сочетания, в которых интенционал экспликандума содержательно равен интенционалу экспликанта» [34, с. 25]. Однако проводить параллели с трактовкой функций тавтологии и её роли в английском языке не всегда представляется адекватным, т.к., по мнению А. Вежбицкой, «нет общих прагматических толкований тавтологий; многие английские тавтологические высказывания могут иметь иное значение в других языках или вовсе отсутствовать» [105, с. 110, 317, с. 74].

Нужно отметить, что семантико-прагматический подход основан на глубинных тавтологиях, и это значительно упрощает редундантность, т.к. не учитываются виды тавтологии (изономия, изосемия, звуковая, фонетическая тавтология) и плеоназма

(лексический, грамматический, стилистический), поэтому мы расширяем объект данного направления, используем его для описания всей многокомпонентности тавтологии и плеоназма.

Румынские исследователи (M. Avram, V. Guțu Romalo, A. Bidu-Vrănceanu, M. Breaz, E. Dorcescu, N. Gh. Dragomirescu, Henri Wald, S. G. Malachi) также занимались изучением проблемы тавтологии. Данные лингвисты расценивают тавтологию как ненужное повторение одной и той же мысли, сформулированной одними и теми же словами или близкими по смыслу лексическими единицами. При этом отмечается недостаточная стилистическая и семантическая компетенция автора сообщения [97, с. 46; 93, с. 202].

Однако при обозначении тавтологии, как и изосемии (смыслового повтора), подтверждается наличие ее семантико-прагматических функций. Иллюстрацией данных функций являются утверждения, основанные на лексической тождественности темы и ремы, например, «Дождь есть дождь» (или «La pluie est la pluie»).

Важно заострить внимание на том, что, имплементируя функцию темы, повторяющаяся предыдущая лексема выступает как указательный элемент. В позиции «нового в сообщении» она становится информативной в силу заключенных в ней импликаций и не требует дальнейших пояснений. Именно поэтому Ludmila Clichici, рассматривая подобные тавтологические обороты, совершенно справедливо разделяет точку зрения Л. Витгенштейн, считая такие тавтологии истинными [58, с. 246]. В этом заключается одна из функций тавтологии – выражение нравственно-этической ценности – правды [91, с. 209]. Исходя из вышесказанного, Ludmila Clichici ссылается на Н.Д. Арутюнову, по мнению которой в тавтологической структуре две составляющие связаны между собой предикативностью, а предикативность неотделима от понятия истины [91, с. 210]. Значит, описываемые тавтологические конструкции являются фактом, не требующим дальнейшей экспликации или доказательств [91, с. 210, 58, с. 254]. Например: Beranger: La folie c'est la folie tout court. Tout le monde sait ce que c'est que la folie».

Или:

Беранжер: Безумие – это безумие. Все знают, что такое безумие [58, с. 255].

Приведенная тавтологическая структура подчеркивает очевидный, давно установленный характер правдивости сказанного. Данный вид семантической

избыточности является «псевдо-тавтологией», т.к. при лексической тождественности существует расхождение в объеме понятийного содержания. Следовательно, тавтология способна выполнять и когнитивную функцию: «она выражает форму познания объекта или явления окружающей действительности» [58, с. 255].

Необходимо отметить, что анализируемые тавтологические обороты обладают и коннотативным элементом. Так, во фразе, основанной на полиптотоне, – «Un fou est un fou», или дурак дураком, – действует дерогатив, выражающий отрицательную оценку, неодобрение [91, с. 212]. Очень часто такие фразы представляют собой формулу принятия реальности, которая неизбежна и не поддается корректированию, изменениям, например: «C'est mieux avec le président parce qu'on le vote. En Angleterre avec la reine c'est différent. La reine est la reine» (с президентом лучше, потому что мы за него голосуем. В Англии с королевой все по-другому. Королева есть королева).

Британский гражданин рассказывает о преимуществе выбора и в то же время выражает сожаление по поводу того, что королева не может быть избрана. Это правила его страны, и даже если он не согласен с ними, все равно должен их принять [58, с. 256].

Истинность, действительность и потому действенность тавтологии во многом определяется социальным и интеллектуальным статусом носителей языка. Тавтологические утверждения, часто выражающие правду, обязательно должны включать способность получателя интерпретировать факты относительно своей собственной системы ценностей и координат понимания, осмысления реальности [91, с. 213].

Подобные тавтологии есть и в румынском языке: «Copiii sunt copii, Legea e lege; Datoria e datorie; Cuvântul e cuvânt etc.». Здесь первостепенным считается следующее: данные тавтологические конструкции имеют отношение к алгебре логики, или Булевой алгебре (разделу математической логики, изучающем высказывания и операции над ними): «формула называется тавтологией только при истинных значениях». Исходя из этого, можно заключить, что изучаемое языковое явление функционирует по принципу эквиваленции: «эквиваленция истинна, если левая и правая части принимают одинаковые значения на некотором наборе значений букв (переменных высказывания)» [58, с. 248]. Так, данную операцию можно выразить формулой $(a \rightarrow b) \wedge (b \rightarrow a)$ – «из а следует бэ и из бэ следует а» [31, с. 6]. Например: Copiii sunt copii, или дети есть дети:

a - дети

b - есть дети.

Очевидно, что две части высказывания эквивалентны, т.е. дети будут детьми тогда и только тогда, когда они не достигли зрелости, отличаются ребячеством, наивностью и неопытностью. Или: если человек обладает набором данных характеристик, тогда и только тогда он – ребенок.

Таким образом, за счет своей фактичности (соответствию фактам, отвечающим требованиям подлинности, конкретности) вышеописанные тавтологии могут выполнять гномическую функцию, т.е. служить определенным нравоучением, образным изречением, выражающим определенную мудрость. Именно поэтому тавтологические высказывания, основанные на идентичности темы и ремы, являются функциональным аттрактором, областями притяжения элементов дискурса, который определяется авторской целью и интенцией, ради которой дискурс, или коммуникативный блок, эволюционирует, обеспечивая реализацию ведущей функции – воздействия [95, с. 142, 58, с. 257].

Наряду с этим, исследуемый вид семантической избыточности, изначально являясь языковой погрешностью, в функции аттрактора перемещается к устойчивому состоянию и перестает быть ошибкой, аномалией. Это значит, что можно говорить об отношении тавтологии к диссипативным структурам, т.к. благодаря взаимодействию языковой системы с внешней средой внутри нее происходит рассеивание элементов хаоса, вызывающих колебания. Несмотря на то, что флуктуации (любые случайные отклонения какой-либо величины) могут быть очень сильными, диссипативные структуры способны их выдержать, “отрегулировать” и привести в систему, т.к. являются организациями более высокой степени сложности [58, с. 250].

Важно подчеркнуть, что метаязыковые тавтологии, построенные по синтаксической модели “X – X в комбинации с разными глагольными связками (*Copiii sunt copiii; Războiul e război; Legea-i lege; O femeie este o femeie; Masa să vă fie masă, casa să vă fie casă; Lumea noastră este cum este*)” и выражают общепринятое значение, не содержащее таких отклонений, как эвфемизацию, иронию и гиперболу; представляют собой эссенциализм, или субстанциализм, – философскую установку, которая заключается в том, что у вещей есть некая глубинная реальность, истинная природа, которую нельзя

узреть напрямую, и поэтому важной представляется именно эта скрытая сущность. Таким образом, данный тип тавтологии можно отнести к фракталу – множеству, обладающему свойством самоподобия (одна или несколько частей той же формы, что и целое) [58, с. 258].

Однако с точки зрения эссенциализма, тавтологии типа “Trăim cum trăim; Trenul ajunge când ajunge; Eu sunt cel ce sunt; A scris ce-a scris” также способны выполнять семантико-прагматические функции, принадлежать к когнитивной лингвистике из-за свернутости понятийного аппарата, и, кроме того, они способствуют экономии речевых средств [95 с. 144].

Представляется важным обратить внимание на то, что тавтология функциональна только в контексте, только в контексте она содействует подновлению смысла всего высказывания в целом. Доказательством является высказывание румынского исследователя, ученого N. Leahu, его оценка молдавского правителя Александр Лэпушняну: «... voievodul moldovean este un personaj **pozitiv**, iar cum **pozitivismul (Că nu August Comte!)**!»[189, с. 17] (букв. молдавский воевода – персонаж **положительный**, но как **позитивизм (не как Огюст Конт)** являет собой источник сложности, он охвачен так фрагментарно, изучаем редко и описан сдержанно своим писателем пашоптистом (отсылка к К. Негруци, молдавско-румынскому писателю, лингвисту и автору исторической повести «Александру Лэпушняну»; кроме того, К. Негруци разделял идеологию участников Революции 1848 в румынских странах, а именно: сознание национальной индивидуальности, создание историографии и склонность исследовать прошлое в целях пропаганды и т. д. [141], что наше произведение является клеопатро-донжуанским).

Посредством тавтологической пары “pozitiv и pozitivismul” выражаются отношения энантиосемии (внутрисловной антонимии в широком смысле, т.к. “позитивизм”, с точки зрения онтологии, и есть положительный) [123]: противопоставляются Константин (Костаке) Негруци и Огюст Конт, один из основоположников позитивизма и социологии. Речь идет о философском учении, которое истинным признает знания, полученные эмпирическим путем. Таким образом, проходит водораздел между уже названным автором исторической повести и родоначальником позитивизма. Получается, что образ Александру Лэпушняну под пером К.Негруци является исключительно положительным;

создается элатив, или абсолютная превосходная степень признака, которая приводит к искажению, недостоверности представления характерологических черт молдавского господаря, и потому он выглядит слишком изнеженным.

Работа Nicolae Leahu представляет интерес в том плане, что она содержит случаи фонетической тавтологии: «...**Smirnov**, nu ăl cu rachiul, **Smirnoff** adică, ci ăl cu vodka și sprîncenele răsucite ca secera, separatistul ciriliko-metodik și sovietik fără de soviete sau, și mai exact, numai cu Sovietul clanului său kaghebeo-kremlinez (букв. Молдавский воевода, от которого происходят и такие молдавские политики, как Ткачук, Тодорогло, Мишин и др., не говоря уже о приднестровских последователях Молдеи, **Смирнова**, не того, что с ракиу (номинация водки на румынском языке), а **Смирнофф-а** с водкой (акцент на русский референт – название русской водки) с закрученными бровями, как серп, кириллиста-методиста и советского сепаратиста без Советов, или, точнее сказать, только с Советом своего КГБ-кремлевского клана)» [189, с. 17]. Так фонетическая тавтология “Smirnov и Smirnoff”, а именно оглушение шумного согласного “в” на конце слова, приводящее к образованию данных омофонов, является выразителем идеологии, порицания единения первого президента Приднестровской Молдавской Республики, И.Н. Смирнова, с Россией.

Основываясь на приведенном фактическом материале, считаем корректным утверждение румынского лингвиста Sextil Pușcariu: «Nu există vorbitor, oricât de umil ar fi, care să nu adauge la expresia uzuală o notă individuală (букв. Нет говорящего, пусть и простого носителя языка, который не добавил бы своей индивидуальной нотки к общеизвестному выражению)» [96, т. I, с. 3, 58, с. 259].

Таким образом, современные лингвисты делают акцент на коммуникативном аспекте дублирования компонентов высказывания. Тавтология как коммуникативный феномен предполагает контекст, включающий в себя конситуацию (экстралингвистические условия) и коэмперию (уровень лингвистических и энциклопедических знаний коммуникантов), что помогает воздействовать на сознание адресата, вызывая определенный перлокутивный эффект. Именно рассмотрение данных факторов позволяет правильно интерпретировать содержание синтаксических структур в узком смысле и текста – в широком.

1.3. История изучения плеоназма

Н.И. Греч дефинирует плеоназм «как повторение тех слов или выражений, на которые желаем остановить внимание читателя или слушателя: я видел это собственными своими глазами» [26, с. 349]. В данном случае прилагательное «собственные» включает в себя содержание выражения «своими». Далее лингвист отмечает, что «плеоназм выходит из пределов, предписываемых рассудком, когда в оном повторяются отношения, не служащие к усилению мысли, следственно, вовсе не нужные» [26, с. 350].

Как видим, подчеркивается, что следует отличать “правильный, или законный”, плеоназм (стилистически или семантически нагруженный) от “неправильного”, ведущего к паралогизму. Мысль о правомерности использования плеоназма высказывается в русской риторике XVIII века: следует подразумевать под плеонастической единицей “фигуру разумения” [50, с. 60] либо фигуру речи, которая заключается в «прибавлении слов» [43, с. 188].

Словосочетания, построенные на плеоназме, могут получить устойчивый характер. Отношение к плеоназму маркируется эпохой [85, с. 32]. Из этого вытекает, что так же, как при анализе тавтологии, уничтожается, стирается очерченная односторонность и при изучении когнитивно-стратегического потенциала плеонастических выражений.

Об этом говорит и А.А. Потебня: «...сочетание слов, близких по значению, но разного происхождения, формируют новое значение» [73, с. 433]. Следовательно, использование синонимов не только украшает древнерусский текст, делая его более выразительным, тем самым формируя эмоциональный эффект на реципиент коммуникативного акта, но и превращается в определенный стилистический прием [60, с. 170]. По И.Р. Гальперину, стилистический прием представляет собой «интенциональное усиление типической структурной единицы», достигшей обобщения, типизации, а также впоследствии ставшей порождающей моделью [20, с. 26]. Это значит, что эмфазирована намеренность и целенаправленность употребления синонимов.

При этом имеем в виду следующее: синонимы не подходят для образования смыслового повтора (семантической тавтологии), т.к. являются репрезентантами частичной тождественности элементов речевой цепи; есть семантический отросток – смысловое расстояние между компонентами высказывания [60, с. 170].

В.В. Колесов, анализируя древнерусские тексты, выделяет плеонастические выражения, что “удваивают смысл”. Они, «накладываясь друг на друга, не только усиливают смысл, но и усложняют язык»: “нечистых и скверных”, “пожигаеть огнемъ”, “в настоящем сем житии” и т.д. [39, с. 36, 60, с. 170]. Это значит, что, помимо выразительности, усиления смысла, выражения разных семантических оттенков, уточнения смысла, подчеркивается и отрицательная сторона плеоназма – отягощение языка. Однако исследователь не отрицает и полезность, и потому целесообразность изучаемых бинарных формул – матриц (по Ф.Н. Двинятину) [68, с. 440]. Так, В.В. Колесов акцентирует внимание на их продуктивности и экономности, а значит, – и “смысловой вместительности” [68, с. 145]. К плеонастическим оборотам ученый относит и тождество, или повтор однокоренных (тождественных) лексем, например: “стрѣлами стрѣляти”, “дары дарити”, “свѣтъ свѣтлый” и др. [39, с. 165].

Некоторые исследователи (А.А. Потебня, А.М. Пешковский, А.И. Васильев, М.В. Пименова и др.) данную семантическую избыточность относят к тавтологии, а не к плеоназму. Кроме того, неоднозначным является и положение подобословия в научном обиходе: существует мнение о том, что парные выражения типа путь-дорога являются плеоназмами [52, с. 218, 65].

Целесообразным представляется признать, что плеонастичными могут быть не только словосочетания, но и отдельные лексемы: местоимения, наречия и частицы.

Так, избыточность местоимений указывает на паратактичность древнерусского языка: «Отправляется Добрыня свет Никитичь Он ходить-гулять по городу по Киеву» [74, с. 158]. В данном случае местоимение «он» идет после подлежащего и сказуемого. Наречие может выступать в роли плеонастического союза: «Оставлялося да чадо милое, Ай милое дитя да что любимое Ещѣ молодой Василий да Буслаевич». Частица «вонъ» также может быть отнесена к плеоназму, т.к. она указывает на лицо, предмет, действие и т.п. в отдалении: «И только не ходи вонъ за Олешу за Поповича и за бабьяго да пересмешника» [73, с. 219].

Таким образом, данные лексемы органично «живут» в древнерусском тексте и не являются отклонением от нормы.

К плеоназму иногда относят способы номинации, основанные на использовании уточняющих имен при местоимениях. Это встречается преимущественно в фольклоре «Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест...» [126, с. 344]. Необходимо отметить, что данное явление в настоящее время является чертой кодифицированного современного литературного русского языка и называется приложением, которое относится к личному местоимению, выполняющему функцию уточнения [60, с. 171].

Плеоназм в художественном произведении преследует стилистические задачи, а именно служит для интенсификации значения посредством градации «Все, все по-старому, бывалому, И будет так всегда» и др. [126, с. 344].

Обобщая сказанное, отметим, что плеоназм дефинирован не совсем точно – как нетождественно повторяемые компоненты. Это значит, что слова с одинаковым лексическим составом, корнем и звуковым оформлением имеют оттенки значения, т.е. являются семантически различными. Но при этом данное определение не позволяет дифференцировать тавтологию и плеоназм. Подчеркивается интенциональность и уместность изучаемой избыточности, но граница между плеоназмом как стилистической фигурой, ментальным явлением и плеоназмом как речевой ошибкой очень тонка.

Более того, такие устойчивые словосочетания, как “путь-дороженька”, относятся к плеоназму, хотя некоторые лингвисты (М.В. Артамонова, А.П.Евгеньева, В.И. Милехина и др.) определяют их в широком смысле как элементы тавтологии.

Проанализировав представленный в лингвистической литературе теоретический материал, посвящённый изучению истории плеоназма, можно сделать следующие выводы:

1. данный термин известен со времен античной риторики и античной стилистики и означает избыточность;
2. плеонастические сочетания в древнерусском языке и русской риторике XVIII века рассматриваются как стилистическая фигура, нагруженная определенными смыслами (Е. Маркасова, А. Курилова);
3. неоднозначность статуса повтора однокоренных (тождественных) лексем и подбословия “путь - дорога” (В. Колесов, Ф. Миклошич и др.);

4. релятивное отношение к оценке плеоназма – его корректности и некорректности употребления (Н. Кошанский, И. Давыдов, Н. Греч, В. Классовский и др.).

1.4. Вопрос о плеоназме в трудах лингвистов XX–XXI вв.

Языковые явления «тавтология и плеоназм» достаточно давно (начиная с античности) были объектом исследования многих ученых (Артамонова, М.В.; Архангельский, В. Л.; Буслаев, Ф.И.; Веселовский, А.Н; Витгенштейн, Л.С.; Голуб, И.Б.; Евгеньева, А.П.; Зайц, О.А.; Ковалева, Т.А.; Радбиль, Т.Б.; Тутаришева, М.К.; Małocha-Krupa, Rhodes, R.; Wierzbicka, A. и др.). Но благодаря интегральным признакам тавтологии и плеоназма (например, известны со времен античной стилистики и риторики; имеют связь с обременением речи, излишним пояснением; для них приемлема амфиболия (двойственность) в оценке: с одной стороны, воспринимаются как речевая ошибка, с другой стороны, являются стилистически маркированными и семантически наполненными; элементы избыточности выполняют функции усиления, украшения текста, уточнения смысла, реализацию коммуникативной цели; связаны с когнитивной лингвистикой и антропоцентризмом) в лингвистике до сих пор не существует единой дефиниции, дифференцирующей эти элементы семантической избыточности 60, с. 167].

Доказательством тому являются также определения, приводимые в следующих лексикографических источниках.

О.С. Ахманова считает, плеоназм – это «оправданная избыточность», а тавтология – «неоправданная » [106, с. 467]. Здесь отмечается отсутствие системы оценивания семантического излишества.

В «Большом энциклопедическом словаре. Языкознание» под редакцией В.Н. Ярцевой плеоназм интерпретируется « как выразительное излишество, а тавтология, в свою очередь, как – «содержательное»» [121, с. 501]. Считаем необходимым отметить, что при этом неясно, подразумевается под средствами изобразительности [88, с. 159].

В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова плеонастический оборот коннотируется отрицательно, выступает в качестве «речевого излишества» [120, с. 841].

В дополнение к сказанному, подчеркиваем, что в некоторых случаях плеоназм и тавтология рассматриваются как одинаковые лингвистические явления [66, с. 307]. В связи с этим Н. Махкамов, полагает, что плеоназм представляет собой гипероним, а тавтология – гипоним [51, с. 9].

Несмотря на то, что еще не выявлены критерии, дифференцирующие «истинную и ложную семантическую чрезмерность», Марэк Рушковски предлагает учитывать их функциональность в тексте: нагруженность данных единиц скрытыми смыслами и украшение ими речи мотивирует их психологичность [101, с 23 – 24]. Именно человек оценивает экстралингвистическую действительность [100, с. 80]. Так, обуславливающими причинами возникновения плеоназма, являются: 1) коллаборация [100, с. 53] 2) желание подчеркнуть свою индивидуальность, личность [100, с. 80]. Плеоназмы также способны «копировать» значение квантитативности: «приотворить чуть-чуть» [99, с. 9, 63, с.61].

В исследовании Дороты Шумской отмечается связь функционального аспекта с компонентным методом анализа и теории прототипа, признающей существование абсолютного (полного) и относительного (частичного) плеонастического образования [102, с. 9, 150-152].

Таким образом, изучив специальную литературу XX–XXI вв. по исследуемой проблеме, заключаем:

- 1) граница между плеоназмом и тавтологией очень зыбка;
- 2) нет точности и однозначности в описаниях понятийного статуса данных типов избыточности;
- 3) в некоторых концепциях наблюдается закономерное и правомерное использование плеоназма;
- 4) анализируются обстоятельства нейтрализации избыточности как речевой погрешности [63, с.63].

Следует также отметить, что опредмечивается и корреляция плеоназма с морфологией. Представляют интерес классификации, предложенные В.Н. Ярцевой и Gheorghe Pora. G. Pora учитывает уровневую характеристику языка, выделяет лексический, грамматический и лексико-грамматический плеоназм (например, союз “dar

însă”, или лишь только, может функционировать в качестве частицы; наречие “mai și”, или все лучше, выполняет функцию союза; однако данная классификация применительна только к румынскому языку) [142, с. 9– 10] . А В.Н. Ярцева строит ее на двух критериях: учитывает морфемный страт и коннотативную окраску [121, с. 379]. Мы, вслед за румынским лингвистом G. Pora, анализируем вербализацию на основных уровнях, но только русского языка.

Рассмотрим освещение данного вопроса в румынском языкознании.

Проблема плеоназма становилась предметом исследования и известных румынских ученых: Th. Hristea , I.-Șt. Rădulescu, Al. Graur, V. Guțu Romalo, M. Avram, I. Condrea, R. Bogdan, V. Marin, E. Grosu, I. Melniciuc, D. N. Uritescu и др. Данные языковеды трактуют плеоназм как «речевое излишество», при котором одна из двух лексем отображает избыточную информацию [92, с. 97]. Например: «Importanța lui Beethoven în muzică este semnificativă și din perspectiva transformării rolului compozitorului în societate. Русский перевод: «Значимость такого композитора, как Бетховен, является более важной в связи изменившейся точкой зрения на роль композитора в социуме» [92, с. 97; 63, с. 62]. При таком понимании в качестве плеонастических оборотов выступают отвлеченные имена существительные “importanța (важность)” и атрибутивы “semnificativă (значимая)”, ибо компонент релевантности уже является составной частью семантики слова. Лингвист Eugenia Dodon утверждает, что приведенные выше плеонастические структуры представляют собой логическую ошибку, которая относится к узусу. И именно это послужило причиной редакторской правки в одной из ее статей: « Importanța (oți semnificația) lui Beethoven în muzică e relevantă» [92, с. 97, 63, с. 62].

С целью убедительной аргументации концепции исследователь Е. Dodon приводит следующие примеры, доказывающие частотность употребления изучаемого явления, а также их некорректность: 1) в предложении «... Patricia Kaas se retrage din lumina reflectoarelor, preferând să petreacă o **perioadă de timp**» она считает, что нужно оставить только одну лексему (период или время), 2) из аффирмации «... Brian May **s-a întors înapoi** la studio...» необходимо удалить наречие “înapoi”, назад, т.к. возвратный глагол “**s-a întors**, вернулся ” уже содержит вышеуказанную сему [92, с. 98]. Из этого фактического материала становится ясно, что Eugenia Dodon относит подобные апроприации к ошибке. Но мы позволим себе оспорить выдвинутое положение. Бином «o

perioadă de timp», русский эквивалент «период времени», по сути, плеонастичен. В пользу этого говорит определение слова «период» в известном словаре русского языка, автором которого является Д.Н. Ушаков: «1. Промежуток времени, в течение которого заканчивается какой-н. повторяющийся процесс (науч.).». «2. Промежуток времени, противопоставляемый другим, определенный срок, в течение к-рого что-н. происходило, произошло» [132, с. 228 –229].

Однако приведенный пример убеждает нас, что здесь более корректным будет принадлежность его к полисемии, т.к. речь идет о дистрибуции, которую, согласно существующим классификациям, относят к разряду привативных (внутрисловная гипонимия): «период = время = гипероним или период = промежуток, интервал, отрезок времени = гипоним (видовое наименование), вносящий уточнение в семантику данной лексемы». Таким образом, данное словосочетание имеет отношение к ложным плеоназмам [63, с. 62].

Второй бином **«s-a întors înapoi**, иначе вернулся обратно» также выполняет роль семантического конкретизатора. Это обославливается тем, что значение возвратного глагола не сводится только к инвариантному. Наречие «обратно» может обозначать локатив «туда, откуда взяли, или передать субъекту, который вам это дал» [134, 63, с.62];. Следовательно, происходит процесс семантической дифференциации.

Получается, что плеоназм необходимо анализировать в двух аспектах: 1) как несоответствие нормам литературного языка, 2) уместность его применения. При этом обязательно учитывать тот факт, что мотивированность функционирования выражения плеонастической природы детерминирована следующими задачами: а) конкретизацией семантики: «a reveni din nou: «a venit – a plecat – a venit iarăși – a plecat – a revenit / a venit a doua oară/» – este vorba de o nouă revenire» [94, с. 38];

б) интенсификацией значения, признака: «La I. Creangă («Harap Alb»), întâlnim: «Fiul craiului... numai iaca se trezește dinaintea lui cu o babă gârbovă de bătrânețe»» [187, с. 6 – 7];

в) просодической функцией, формирующей новое значение: «Cobori în jos, Luceafăr bland» [188, с. 9]. Акцентируя внимание на адвербативе «în jos, русский аналог «вниз»» в

контексте, автор способствует появлению у данной лексемы новой смы: смена направленности движения и значение чрезвычайно большого расстояния [94, с.39];

г) функцией стилистической фигуры. К этой роли можно отнести использование плеоназма с целью гиперболизации, экстериоризации [94, с. 39], а также идиомы: «vai și amar (быть несчастным и горьким)».

И, наконец, считаем немаловажным, что возможны индивидуально авторские плеоназмы, так называемые, поэтические: «Verzi sunt dealurile tale..., limpede și senin cerul tău, т.е. твои холмы зеленые ... ясное и безмятежное небо твое» [190, с. 210, 63, с. 63].

1.5. Интралингвистические и экстралингвистические признаки тавтологии и плеоназма

Опираясь на проанализированный нами материал, мы пришли к выводу о том, что между тавтологией и плеоназмом есть общие и отличительные признаки. Для обобщения наших наблюдений мы предлагаем таблицу (Таблица 1.1.), в которой впервые четко фиксируем их особенности.

Таблица 1.1. Интегральные и дифференциальные признаки тавтологии и плеоназма

Интегральность		Дифференциальность	
тавтология	плеоназм	тавтология	плеоназм
Интралингвистические признаки:			
1) Семантические		1) «от греч. tauto – то же самое и logos – слово»; 1а) «повтор однокоренных слов или одних и тех же лексем»; 1б) «изосемия (смысловой повтор), т.е. семантическая тавтология» [81, с. 160 -161];	1) «от греч. pleonasmus – избыток, избыток, излишество»; 1а) «повтор близких по значению слов, синонимов»; 1б) «повтор разнокоренных лексем, сочетаний (один из компонентов сочетания содержит сему другого компонента, входящего в словосочетание»;
2) Структурные		2) «многокомпонентная»; 2а) «чаще всего относится к макрологии, т.е. обременению придаточными предложениями»;	2) «двухкомпонентная»; 2а) «связь с периссологией»; 2б) «работает, как правило, на уровне лексики и

Таблица 1.1. (Продолжение)

	2б) «в основном, функционирует на уровне лексики и синтаксиса».	морфологии (грамматический плеоназм)».
Экстралингвистические признаки		
1) эпоха, время, культура речи; 2) амфиболия (двойственность) в оценке: с одной стороны, воспринимаются как речевая ошибка, с другой стороны, являются стилистически окрашенными и семантически наполненными;	2а) неоправданная избыточность.	2а) оправданная избыточность.
3) элементы избыточности выполняют функции усиления, украшения текста, уточнения смысла, реализацию коммуникативной цели; 4) связь с когнитивной лингвистикой и антропоцентризмом.		

Мы, вслед за А.П. Евгеньевой, Т. А. Ковалевой и другими учеными (М.А. Теленкова; Д.Э. Розенталь, Ю.Н. Караулов; С.А. Кузнецов; Д.Н. Ушаков; В.В. Иванов и т.д.), разграничиваем данные явления избыточности, наиболее корректной считается дефиниция, описывающая сигнификат плеонастических выражений: «Плеоназм – это избыточность, состоящая в намеренном или ненамеренном полном или частичном дублировании компонентов высказывания посредством разнокоренных лексем или грамматических форм, а также отсутствие семантической и стилистической нагрузки одного из компонентов высказывания» [38, с. 158]. Предлагаемая дефиниция плеоназма наиболее адекватна, т.к. обобщает все то, что было сказано ранее; кроме того, в ней даны критерии разграничения плеоназма.

Что касается тавтологии, наиболее уместным является определение Т.Г. Крапотинной: «Термин «тавтология» имеет «широкое» и «узкое» значение. «Широкое» понимание включает в поле тавтологии не только однокоренные сцепления, но и

синонимические пары слов (огонь и пламя). В «узком» понимании этот термин подразумевает повтор одинаковых корней или словоформ» [41, с. 9, 60, с. 172].

Мы считаем данную дефиницию тавтологии наиболее точной, т.к. в ней содержится, на наш взгляд, чрезвычайно точное замечание: к тавтологии можно отнести и подобословие, синонимические пары типа “путь и дорога”, отличающиеся от других синонимов типа “честь и слава” семантическим отростком.

Так, по данным Толкового словаря русского языка Д.Н. Ушакова, путь означает:

- 1) «Полоса земли в значении **дорога**».
- 2) «То же, что **дорога**».
- 3) « Орган в виде канала (только во множественном числе)».
- 4) «Путешествие, движение».
- 5) «Маршрут».
- 6) «Направление деятельности, развития, образ действий, жизни (совпадает с 1, 5 и 3 ЛСВ)» [132, с. 1079].

Это значит, что в сознании человека путь – дорога воспринимаются практически как одно и то же. Следовательно, их семантический отросток является минимальным.

Об этом говорит и коэффициент сходства и близости. С.Г. Бережан первый доказал смысловое подобие лексем при помощи формулы [7, с. 65]:

$$V = \frac{2C}{m + n},$$

где С – число общих семантических компонентов, или значений двух слов, а m или n – число семантических компонентов, или значений каждой из этих лексем.

Итак, поместив данные в формулу, приходим к следующим результатам:

$$V = \frac{2 * 5}{6 + 5} = 0,9$$

Синонимы “честь и слава” относятся лишь к плеоназму, т.к. в значение лексемы «слава» может входить сема чести, т.е. семантическими коррелятами их делает

семантический множитель (уважение), указывающий на повтор множимых «честь и слава» слагаемых [60, с. 172] .

По данным этого же словаря, «честь» означает: 1) «Достоинство, то, что сопровождается **уважением**».

2) « **Почет, уважение**».

В свою очередь, «слава», по данным вышеуказанного лексикографического источника, имеет следующие значения: 1) «**почетная**, широко распространенная известность...».

Более того, лексема «слава» допускает градацию признака: 3) «**Репутация** (хорошая или дурная)».

Это значит, что между синонимами «честь и слава» семантическое расстояние растёт, ещё больше увеличивается [60, с. 173].

Данную достоверность мысли подтверждает и следующее исчисление:

$$V = \frac{2 * 2}{3 + 7} = 0,4$$

1.6. Выводы по 1 главе

Рассмотрена история вопроса о двух типах семантического дублирования – тавтологии и плеоназма.

В нашем исследовании разделяем «широкое толкование» тавтологии, т.е. относим к данному лингвистическому явлению такие синонимические сцепления, как «путь - дорога», ибо в сознании человека эта синкретичная парность воспринимается практически как одно и то же, о чем свидетельствует коэффициент их сходства и близости.

Соответственно, предлагаем иной взгляд на эту проблему, т.е. мотивирует обстоятельство, что речь влияет на язык и, как следствие, «освобождает» изучаемые семантические сцепления из оков древнерусского текста. Подобное употребление конструкций следует понимать как результат реликтового (остаточного, древнего) способа мышления.

Плеоназм, в свою очередь, тоже имеет многогранный, сложный характер, несущий в себе определенную импликацию, но при надлежащих условиях, а именно: наличии дополнения (хлеб падает маслом вниз) и определения (жестикулируют правой рукой). Важно учитывать контекст, наделяющий плеоназм дополнительной информацией. Так повтор акцентирует внимание на самых значимых положениях сообщаемого.

Не отрицается и возможность ненормативного употребления данных типов семантической избыточности в силу отсутствия достижения стилистических целей, окказионального характера апроприации, незнания богатства словарного аппарата и его сигнификата. Таким образом, возникает антиномия, указывающая на релятивность в языке.

2. СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ТАВТОЛОГИИ И ПЛЕОНАЗМА НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XX–XXI ВЕКОВ

2.1. Тавтологические единицы: фонетические особенности

В соответствии с широким пониманием тавтологии представляется целесообразным рассмотреть своеобразие ее вербализации на всех уровнях языковой системы, что позволит дать многокомпонентную характеристику этому явлению языка и речи.

Исследователь Т.А. Ковалева, используя метод полисистемного анализа, подробно описала тавтологические и плеонастические единицы как продуктивное многофункциональное и многокомпонентное явление русского языка XXI века, ярко проявляющееся в устных и письменных текстах различной стилистической принадлежности. Однако, несмотря на внушительную эмпирическую базу исследования, многие вопросы, связанные с многообразием структурно - семантических типов тавтологии и плеоназма и с особенностями их функционирования, остаются до конца не решенными. Это объясняется как методологическим подходом к рассматриваемому явлению, так и его имманентными свойствами, отражающими особенности когнитивно – эмотивной деятельности языковой личности.

На фонетико - фонологическом уровне тавтология представляется следующими реализациями: 1) звуковыми повторами – системой форм звуковой организации речи (прежде всего поэтической), т.е. стилистически значимым использованием в тексте звукового состава языка, а именно аллитерацией и ассонансом [138, с. 340].

Аллитерация: «**П**енится **п**ень/**П**лощади **пл**ещут»[160,с. 104].

Повтор выделенных звуков [п, н, $\overline{ш}'$] создает многоголосую «перекличку», встречу шума воды и гула, что манифестирует оживленность нарисованной поэтической картины.

Аллитерация входит в состав и пословиц, и поговорок, например: «**Т**и**ше** ед**е**шь, даль**ш**е буд**е**шь». Здесь итерация консонанта [ш] формирует у читателя яркое впечатление бесшумности действия, его «шепот». «**К**ос**и**, **к**ос**а**, пок**а** рос**а**, рос**а** дол**о**й – и ты дом**о**й»

[138, с. 19 – 20]. Дублирование фрикативного (щелевого) зубного переднеязычного – палатального и твердого звуков – [с, с'] рождает имитацию свиста. Таким образом, чем больше согласных фонем встречается в тексте, тем выше его эстетическое звучание, его образно – стилевая информативность.

Ассонанс: «Взложу на тетиву тугую/Послушный лук согну в дугу» [168,с. 128].

В данном стихотворении многократная апроприация гласного верхнего подъема [у] передает динамичность, поступательность и продуманность телодвижений, обрекающих врага на горе, гибель.

Или «не для муки, для науки. Наука – не мука (не бука)». Как видим, что копирование той же лабиализованной фонемы в поговорке иллюстрирует игру слов, порождающих разные смыслы. «Тара – бара – и вышло ни два, ни полтора» (повтор сонанта [а] актуализирует возникшую неопределенность; кроме того, к строкам добавляется музыкальность). «Тепло, тепло, да не лето – добра, добра, да не мать родна» (гласный среднего подъема заднего ряда [о] создает протяжность, вызывает чувство печали из-за того, что неродной человек иногда бывает ближе родного) [138, с. 72];

2) повторами однотипных морфем, т.е. посредством гомеологии; так происходит наращивание семантики за счет актуализации определённых оттенков в значении:

а) повторениями корня:

«...при описании дневного рациона Климова, главного действующего лица, используется тавтологический оборот «**на столе стоял**»: Климов оглядел тарелки и оценил ситуацию: перед ним **на столе стоял** его дневной рацион» [176, с. 4]. Отметим, что на историческом срезе (учитывая дальнюю онтологию исследуемой леммы) прослеживается связь с праславянской формой «*stati, *stojǫ» в значении стоять [133, с. 3, 748, 769]. Это значит, что на уровне диахронии вычленили в морфологической структуре слова большое количество морфем: корень «сто» и суффикс «л» – стол. Однако произошла морфемная абсорбция – количество морфем сократилось из-за слияния корня и суффикса в одну морфему. Каузирующим импульсом данного процесса является затемнение внутренней формы слова [59, с. 108].

б) повторениями префикса:

«Прозвучало над ясной рекою/ Прокатилось над рощей немой» [180, с. 66].

Выделенный тавтологичный префикс «про» выражает значение однократности действия;

б) повторениями суффикса:

«А еще, несмотря на бритость/ Сытость, питость (моргну – и трачу!)» [182, с. 214–215].

Повтор словообразовательной форманта «ость» усиливает сему абстрактности, а потому и неосвязаемости желаемого;

в) повторениями постфикса: «Давайте же **мыться, плескаться / Купаться**, нырять, **кувыркаться**» [184, с. 10].

В тексте посредством четырехкратной реитерации постфикса «ся» обозначаются ожидаемые с нетерпением возвратность и взаимность акциональности;

г) повторениями окончания: «Ночка ясна. Степь привольна» [138, с. 101]. «Усиление» гласного [а] задает тон произведению, формирует его напевность, звучность, рифму;

3) частичным повторением формы одной лексической единицы: 1) дублируются две формы одного слова: «Ведь **война войной**, а жизнь никто не отменял» [216]. Выполняя функцию темы, рекуррентная лексема (повторяющееся предыдущее слово) выступает как указательный элемент. В позиции ремы она становится информативной в силу заключенных в ней импликаций и не требует дальнейших пояснений. 2) В пределах одного предложения воспроизводятся три формы одного глагола: ««**Пел, пою и буду петь!**» [300]. Полиптотон актуализирует категоричность действия.

Таким образом, тавтология на фонетико - фонологическом уровне языка реализуется посредством целого ряда повторов: звуковыми повторами, повторами однотипных морфем, частичным повторением формы одной лексической единицы. Все названные типы повторов обладают стилистической коннотацией – эмоционально-экспрессивной и образной, возникающей в результате взаимодействия со всеми художественно-эстетическими средствами текста как единого системно – речевого целого.

Данный тип «мнимой» тавтологии характеризуется референциальной непрозрачностью (интенциональностью), выражающей, наряду с другими языковыми единицами, авторскую интенцию.

2.2. Словообразовательные модели тавтологических единиц

На морфемно-морфологическом уровне языка тавтологические единицы образуются тремя способами: морфологическим, морфолого - синтаксическим и лексико-синтаксическим. Наиболее продуктивным является морфологический способ, в частности следующие его варианты:

1) префиксальный вариант:

а) основа прилагательного + префикс «не»: «**Неслабый слабый** пол.. Однако не все представительницы так называемого **слабого пола** следуют стереотипам» [270]. На базе антонимов «неслабый слабый пол» в языке закрепляется противоположное значение: иницируется мысль о силе женщин;

б) однокоренные глаголы и глагольные формы с различными префиксами:

«...я пешком к тебе **пойду**/То не **дойду** – на землю упаду» [296, с. 2].

Материальное различие префиксов «по и до» обуславливает и различие в их семантике. Так, по данным толкового словаря русского языка Т.Ф.Ефремовой, глагол “пойти” означает «начать передвигаться, ступая ногами» [118], за глагольной словоформой “дойти” в этом же словаре зафиксировано следующее значение: «достичь цели или места» [118].

Употребление однокоренных глаголов в одном контексте способствует актуализации конкретных свойств предмета или явления, подчеркивающего его типичные признаки беспечности водителя, “наивность”, что, с точки зрения продуцента, является непозволительным, неприемлемым. Например: «Большая скорость иногда вызывает состояние, которое называют «опьянением скоростью». Возникает чувство азарта. При этом водитель **переоценивает** свои возможности» [11,с. 136];

2) суффиксальный вариант:

а) основа существительного + суффикс «-Н-»: «...И в **мирном мире** жить» [222, с. 1]. «... получить **ответный**, смертельный **ответ**» [286]. В данной тавтологии

эксплицируется абстрактно-образное (коннотативное) значение: в первом случае речь идет об усилении признака – мира, во втором – интенсификации страха;

б) основа прилагательного + суффикс «-ОСТЬ-» выражает значение проявления признака, т.к. подчеркивается его градация (первая и вторая молодость): «Лена была **молодая**, но не первой, а, пожалуй, второй **молодостью**, когда все, что должно было **расцвести**, – **расцвело**, а кое-что даже **чуть-чуть** повяло» [176, с. 6].

Первая пара тавтологических единиц «молодая – молодостью» содержит значение проявления признака, т.к. есть его градация (первая и вторая молодость). Вторая пара (расцвести – расцвело) выражает значение типичности, логичности, неслучайности действия. И, наконец, третья «чуть-чуть» актуализирует меньшую интенсивность признака; представляет собой тавтологическое наречие. В приведенных примерах наблюдается детерминация кодифицированности тавтологии [59, с.115].;

в) основа существительного + суффикс «-СК-»: «Администрация **сельского** поселения **села** Мокрое» [278]; «... Самый **зверский зверь** и другие авантюры» [307]. В данном случае дуплексив «сельское и село» является ошибкой, т.к. в семантику предыдущего компонента высказывания «сельское поселение» уже входит сема села;

г) основа прилагательного + суффикс «-ОСТЬ-»: «**Безопасная безопасность** – низкие цены, бесплатная доставка» [304];

д) основа прилагательного + суффикс «-О-»: «В Новосибирске **дружные** пассажиры **дружно** толкнули троллейбус в горку» [203]. В тавтологических единицах (зверский зверь), (безопасная безопасность), (дружные, дружно) удваивается семантический признак, выявляется его градация: реализуется значение «очень», что интенсифицирует перлокутивный эффект за счет выражения определенных идеологических установок, в частности подведение читателя к желаемому, запланированному.

е) основа существительного + суффикс « - И -»: «**Практик** знает свое дело **практически...**» [30]. «Руководство Генеральной прокуратуры **фактически** не признает **факта** создания Совета прокуроров Украины» [261]. Реитерация родственных единиц (фактически и факт) приводит к нейтрализации и негации самого факта одобрения создания Совета прокуроров Украины, тем самым представляет собой слитность

предметного и качественного значений: актуализируется превосходная степень адвербума «вообще» (в значении никогда);

ж) основа глагола или формы глагола + суффикс «-ТЕЛЬ-»: «... **писатель - пишущий** попадает в товарищество интеллигенции» [6, с. 140]. «Фантаст – **писатель, пишущий** сказки для взрослых» [257]. В данных иллюстрациях лексемная близость уточняет следующие значения: 1) приложение (писатель - пишущий) подчеркивает, что писатель является действующим, т.е. пишет художественные литературные произведения; 2) причастный оборот (пишущий взрослые «сказки») выражает категоризацию в области вышеуказанной профессии;

и) основа глагола + суффикс «-К-»: «Никому слух не режет, когда в автобусе произносят: «А на **остановке остановите?**»» [242]. Подобное проявление семантической избыточности не является речевой погрешностью, тавтология неизбежна, т.к. в языке нет другого равнозначного эквивалента. Кроме того, происходит конкретизация значения;

й) основа глагола + суффикс «-ОК-»: «Еще одна фигуристка **прыгнула** четверной **прыжок**» [262]. Тавтология является логической ошибкой, т.к., по данным Толкового словаря Т.Ф. Ефремовой, «прыгать – делать прыжок» [118]. «Ты нырнёшь и **свистнешь** в **свисток**» [298];

к) основа глагола + суффикс «-НИj-»: «В момент **вбрасывания** мяча игрок: находится лицом к полю; ... производит **вбрасывание** обеими руками; **вбрасывает** мяч движением из-за головы» [181]. Данный тип смыслового излишества является уместным, т.к. отглагольное имя существительное “вбрасывание мяча” (или возобновление игры [118]) относится к спортивным терминам. Следовательно, при замещении другой лексической единицей со сходным сигнификатом нейтрализуется особенность спортивного дискурса: модифицируются смыслы, определяющие спортивную деятельность. «Что же делать, чтобы не **разочаровываться** в любимом человеке? Как избавиться от **разочарования** в обществе...?» [241]. Автор маскирует призыв клиентов, переживающих разочарование, посредством выделенного выше повтора;

л) основа глагола + суффикс «-ЕНИj-»: «Киев не стремится **выполнять** минские договоренности, т.к. их **выполнение** не в его интересах» [273]. Приведенная изонимическая реитерация говорит о своей принадлежности к паралогизму, т.к. она не нагружена дополнительными денотативными признаками. «...нужно ли **менять** устав и

регистрировать **изменения?**» [283]. Субституция корневого повтора «мен'» не была бы уместной, т.к. исчезла бы природа и качество экономических знаний;

м) нулевая суффиксация (производящее – глагол, а производное – существительное; оба слова называют процесс): «О чём **рассказывает рассказ?**» [255]. «Правильно **переходить** дорогу по пешеходному **переходу**» [232];

3) конфиксальный (от лат. *confixum* – совместно взятое; префикс и суффикс, одновременным присоединением образующие слово):

а) основа прилагательного + префикс «ПО-» и суффикс «-ОМУ-»: «Я придумал гипотезу, согласно которой голова **по-разному** устроена у **разных** людей» [155, т.3, с. 124]. «...он очень **по-доброму** относился, у нас были очень **добрые** отношения...» [272]. В этих примерах происходит интенсификация признака: 1) в поле зрения попадает разность, отличительные характеристики; в случае подбора синонима-эквивалента «другой» непохожесть людей бы сохранилась, однако была бы завуалированной, т.к. только пятый лексико-семантический вариант прилагательного «другой» означает что-нибудь не то, иное, отличное от данного [124, с. 184]; 2) делается акцент на дружеских, очень теплых и близких отношениях между президентом России и покойным президентом Узбекистана, несмотря на авторитет и возраст последнего, о чем свидетельствует личное местоимение 2 лица «ты» (отсутствует дистанция между субъектами, но при этом соблюдается уважение и признание статуса В.В. Путина: «...он ко мне все время по имени обращался, на «ты», когда мы были вдвоем» [268];

б) основа существительного + префикс «-БЕЗ-», выражающий значение противопоставления, и суффикс «-Н-»: ««Ноев» ковчег: так функционирует система рабочих и социальных **домов** для **бездомных**» [260]. Происходит перераспределение знака библейской притчи: при помощи однокоренных лексем “домов и бездомных” смещается, расставляется акцент не на спасении “парных категорий”, а на предоставлении крова бездомным. Так реализуется рекламный ход, который своей звучной, ритмичной организацией провоцирует нуждающихся и общество в целом на определенные реакции;

4) постфиксальный способ (основа глагола + постфикс «-СЯ»): «Мать **обнимает** свое дитя, друзья и родные **обнимаются...**» [200]. «...злом не туши зла, **не суди и не судись...**» [177, с. 265].

В данном случае наблюдается актуализация возвратно-ирвариантного значения среднего залога, морфологическим показателем которого является аффикс «-ся»,

прибавляемый к основе переходного глагола. Это значит, что глагол возвратно-среднего залога «не судись» выражает следующее значение: обозначает действие, распространяющееся на носителя действия, то есть действие, при котором субъект и объект представляются одним и тем же лицом; являющимся неким инициатором действия. Так, “не судись”, являясь глаголом собственно-возвратного значения, в сочетании с императивом “не суди” становится причиной десемантизации тавтологии; приобретает смысловую нагрузку. При этом вышеуказанный “симбиоз” перерастает в моральное правило, формулируемое Кантом: «максима воли должна стать принципом всеобщего законодательства» [35, с. 347];

5) способ сложение:

аббревиация – способ образования сложносокращенных слов, при котором в качестве производящего выступают начальные буквы или начальные звуки, или слоги производных слов: «...через несколько шагов **на стене** – не менее патриотическая **стенгазета** «Шаги истории»» [239]. Выделанная тавтология воспринимается как паралогизм, т.к. не имплементирует прагматические функции, а также исчерпывается собственным интенционалом: «стенгазета – это вывешиваемая на стене газета» [133, с. 507];

а) сложение при помощи асемантической структуры (соединительной гласной, которая выделяется в сложных словах, на стыке корней): «Чтобы быть хорошим **тяжелоатлетом**, нужны специальные навыки, которые развиваются **тяжелым** трудом на тренировках» [284];

б) сложно-суффиксальный способ (это смешанный способ словообразования, при котором новое слово образуется путём сложения основ с одновременным присоединением суффикса): «**Долгожительница** сеньора Блюмфельд **пережила** своего мужа» [235].

Менее продуктивны такие способы образования тавтологических единиц, как морфолого-синтаксический и лексико-синтаксический. Иллюстрацией морфолого-синтаксического способа образования является:

а) основа существительного + суффикс «а/ графически -я-»: «Климов оглядел тарелки и оценил ситуацию: перед ним **на столе стоял** его дневной рацион» [176, с. 4]. Тавтологичное образование «на столе стоял» не воспринимается как семантически

избыточное, т.к. относится к этимологическим бинамам, т.е. только на уровне диахронии выражение является «перегруженным» смысловым излишеством. По данным этимологического словаря Фасмера, лексема «стол» произошла от праславянской формы *stati, *stojǫ (стоять) [135, с.: 3, 748, 769];

б) основа существительного + суффикс «-ОВ-»: «...в **столовую** вошли его соседи по **столу**» [176, с. 2]. Выделенная тавтология относится к номинации (в основном, официальное именование организаций, должностей), в которых один из предшествующих компонентов фрагментарно копирует основное название, потому что посредством повтора корня «стол» возникает конкретизация значения – Климов (главное действующее лицо), Олег и Лена соседствуют, встречаются только за одним столом [59, с. 112].

в) конверсия (переход из одной части речи в другую): «... **битый** жизнью – за **битого** двух небитых дают...» [32, с. 181]. Тавтологичность конверсии оправдана, потому что подчеркивается аксиологический характер опыта и тем самым важность человека, обладающим им: один бывалый человек стоит двух неопытных.

Лексико-синтаксический способ деривации:

а) сращение (используется при образовании только имен прилагательных и только в результате склеивания компонентов двух типов словосочетаний: 1) словосочетания, состоящего из наречия и прилагательного, 2) словосочетания, которое состоит из наречий и причастия): «То ли дело с **быстрорастворимыми** – **быстро растворились**, моментально перемешались с водой» [311]. Тавтологические выражения, образованные посредством сложения и сращения, часто являются основой построения такой словесной игры, как каламбур (тяжело тяжелоатлетам, быстрорастворимые растворились);

Итак, наиболее продуктивным способом образования тавтологических единиц является морфологический способ, в частности такие его варианты: суффиксальный, префиксальный, конфиксальный, сложение и сложно-суффиксальный способ.

Это объясняется, с одной стороны, определяющей особенностью русской словообразовательной системы в целом, для которой характерно морфологическое производство новых слов, с другой – дифференциальными признаками самих тавтологических единиц – их принадлежностью к диссипативным структурам,

характеризующейся устойчивостью, открытостью, пространственной системностью и гетерогенностью [19, с. 31].

Данное обстоятельство, в свою очередь, утверждает, что тавтология контекстуальна и поэтому не всегда демонстрирует алогизм. Детерминирующим фактором является анализ 35 случаев осознанного использования тавтологического оборота, что делает его кодифицированным, и только 3 примера оценивают изучаемое языковое явление со знаком минус.

Менее продуктивны морфолого-синтаксический и лексико-синтаксический способы образования тавтологических единиц.

2.3. Типы тавтологии с учетом семантики

Тавтологическая единица, с одной стороны, представляет собой явление языка и речи, а значит, и мыслительной аберрации, с другой – это лингвистический термин, имеющий отношение к позитивной прагматике особого информационного знака, репрезентирующего знание, и обладающего оттенком оценочности: «удачная/неудачная», «мелиоративная/ пейоративная» [44, с. 14]. Поэтому имманентная сущность тавтологии наиболее ярко проявляется на лексико-семантическом уровне, поскольку именно смысл, стоящий за словами, способен актуализировать коммуникативную интенцию говорящего, его «иллокутивные силы».

Анализ фактического материала позволяет выделить следующие наиболее частотные семантические типы тавтологических единиц:

1) конвенциональные тавтологии (принадлежащие кодифицированному современному русскому литературному языку; отвечают требованиям нормы), например: «Среди первых книг были сказки Демьяна Бедного «Диво дивное» и др.» [277]. «Зачастую постоянное общение “глаза в глаза” раздражает собеседника» [291]. «Я обернулся и сразу встретился лицом к лицу с девушкой» [143, с. 7]. «Лицом к лицу лица не увидать» [153]. «Если в формулировке сочетаются слова “артрит – воспаление”, это одно и то же, что **масло масляное**» [145, с. 29]. Данные тавтологические обороты, по Т.Г. Крапотиной, являются фразеологизированными, т.к. им присущи устойчивость – неизменность (ни один из компонентов тавтологического сочетания не может быть

опущен или заменен другим), идиоматичность (значение выражения не связано со значениями составляющих его компонентов) и, наконец, воспроизводимость (использование в речи в фиксированном виде, как готовая единица) [41, с. 5].

К конвенциональной тавтологии относятся и тавтологические сочетания, построенные по модели устойчивого выражения, в этом случае возможна субституция одного из традиционных элементов: «**Поколение за поколением** ученики Кочергина становятся признанными мастерами» [281]. В таких тавтологиях дублируется смысл фразеологизма: “шаг за шагом” (поэтапность, одно за другим);

2) номинации (в основном, официальное именование организаций, должностей), в которых один из предшествующих компонентов фрагментарно копирует основное название: «**Общественная** организация «**Общество** немецкой культуры ...»» [265]. «**Батон нарезной нарезанный** в упаковке» [305]. Редупликация части слова может быть использована и как игра слов для передачи иронии;

3) действие, повторяющее субъект или объект, на который оно направлено: «Как **капать** в глаза глазные **капли**» [237]. ««**А не спеть** ли мне **песню** о любви» является всенародным хитом» [234];

4) этимологические биномы, которые не воспринимаются носителями языка как семантически избыточные, т.к. происхождение лексем, входящих в их состав, им может быть неизвестно: «...единственный цветок, которому разрешено цвести в Иерусалиме, – **розовая роза**» [301]. По данным этимологического словаря Г.А. Крылова, лексема “роза” означает розовый [119, с. 343]. С другой стороны, указанное словосочетание выполняет коммуникативно-прагматическую функцию – экономию речевых средств с учетом того, что существуют разные виды роз. Это еще раз подчеркивает тот факт, что языковая деятельность преимущественно имеет отношение к индивидуально-психологическому аспекту, т.к. «выводит наружу» заточенного внутри системы знаков человека – деятеля, оратора;

5) тавтология со значением типичности:

а) удвоение одной и той же лексической единицы: «Но **корни есть корни** ...» [172, с. 9]. «Ну, **жили и жили**... **Город как город**...» [171, с. 83];

б) реитерация (повтор) одного и того же слова со значением, актуализированным противительным союзом «а»: «**Война войной, а** обед – по расписанию» [299];

в) удвоение значения типичности: имя прилагательное эксплицирует основную сему имени существительного, посредством чего создается экспрессия: «...**концептуальная концепция** подарка» [306]. «Очередной **экспериментальный эксперимент** от ФТС...» [269]. Данная формально - семантическая редупликация признака переходит в разряд атипичности, т.е. возникает корреляция с наречием меры и степени “очень”, выражающим высшую степень качества, признака, превышение какой-либо меры;

г) типичный объект: «Сверхмарафонцы начинают **забег** рано, продолжают **бежать** сутки» [193, с. 22]. «Как **чувствовать чувства?**» [249];

д) типичность действия, при котором определенная операция характерна только для самого субъекта; нет у субъекта возможности, способности функционировать как-то иначе: «Почему же **писатели** именно **пишут?**» [192, с. 33].

Отметим, что «тавтологичность» процессуальности может быть вызвана не только субъектом, но функциональным критерием – лексической экономией: «Московская **административная** дорожная инспекция **администрирует** штрафы» [202]. (Ср. Московская **административная** дорожная инспекция руководит выдачей штрафов, т.е. информация носит более продолжительный характер, звучит дольше, менее емко).

е) типичный способ действия: «Если хотите **жить** полной **жизнью**...» [195, с. 21]. «...это колдовство **криком кричало** о мелочности...» [156, с. 13], по данным МАС, крик – это «громкий, напряженный звук голоса» [30];

ё) обозначение типичного обстоятельства – локальности: «... на следующем **повороте** нужно **повернуть** налево» [297]. «**В разговоре** не все **говорится**» [209, 309];

б) значение исключительности:

а) тавтологический оборот со значением «лучшего, выдающегося из ряда подобных» лица или предмета: «Разве Дюма не **храбрец из храбрецов?**» [191, с. 4]; «Сметана Рыбинского молочного завода **всем сметанам сметана**» [236];

б) тавтологический оборот со значением «наиболее качественный, настоящий продукт»: «...сегодня я убедилась, что бывает **шоколадный шоколад!**» [253]. «**Белоснежная белизна** без труда!» [316];

7) проявление признака:

а) тавтологический оборот, выражающий отрицательную степень имени прилагательного: «...глупо до такой **крайней крайности**, что дальше уже некуда» [37, с. 104];

б) сравнительная степень прилагательного: «**Чья зелень зеленее**» [259]. «Изучать статью «**Какая зелень зеленее?**»» [263];

в) превосходная степень прилагательного: «Книга «**Самая таинственная тайна**» поступила в продажу» [308];

г) копирование признака, который заключен в собственном имени существительном: «**Простаков** от слова “**простак**”» [289];

д) тавтологичный признак, содержащийся в метонимии, построенной путем стяжения (эллипсиса), а именно на основе смежности или результата действия коллектива и номинации его участников: «...будто бы произошел **военный переворот**, власть перехватили **военные**» [246];

е) на основе наименования действия – его места: «**Рекламная компания** «Venus» обучает созданию **рекламного ролика**» [315];

ё) на основе наименования места, населенного пункта и его жителей: «**Польша для поляков!**» [42, с. 51]. «**Россия для русски**» [293];

ж) посредством номинации места и растения, принадлежащего данной местности: «**В Ливане** спасают **ливанский кедр**» [254,];

з) тавтологическая синекдоха, т.е. синекдоха как вид метонимии, основанный на тавтологии, со значением отношения части и целого: «Когда на половине **сахарницы сахар** не сыпится, откручиваю дозатор» [312];

8) значение последовательности, очередности действия:

а) тавтологическое сочетание, построенное по следующим моделям: 1) «preposition +N2+ preposition +N4»: «**И изо дня в день...**» [186, с. 72]; 2) «N1+ preposition +N5»: «Доктор раскрывал перед ней **шаг за шагом** изнанку той жизни ...» [159, т.7, с. 399];

б) повторяющиеся действия, указывающие на их длительность и многократность: «Человека нужно **научить учиться**» [29, с. 18].

В приведенной семантической классификации были рассмотрены только случаи намеренного, интенционального использования тавтологических единиц. В нее не вошли тавтологические конструкции, которые действительно устанавливают тождество объекта самому себе и поэтому в речи являются семантически избыточными, представляют собой логические отклонения, например: «Предмет «Литература **изучаемого**» посвящен **изучению** китайской литературы...» [82, с. 3].

Таким образом, семантическая классификация тавтологических единиц разнообразна. Тавтологические обороты могут выражать следующие наиболее частотные значения: номинации, типичности признака и процесса, исключительности, проявления признака и его градации, длительности, сукцессивности и др.

Семантическая классификация тавтологий является открытой, поскольку продуцирование тавтологических сочетаний есть результат речемыслительной деятельности носителя языка, отражения его когнитивно-эмотивной картины мира. Тавтологические единицы при преднамеренном, прагматически мотивированном употреблении могут представлять собой жемчужины мысли, т.к. они условно избыточны, конвенциональны.

2.4. Синтаксические типы тавтологических структур

Тавтологические единицы, состоящие из однокоренных слов и форм слова, проявляют себя как и нормативные свободные словосочетания на высшем, синтаксическом уровне языка. Реализация на типовых синтаксических значений не входит в противоречие с теми типами значений, закрепленных за свободными словосочетаниями в системе языка, которые строятся по устоявшимся отвлеченным структурным схемам – моделям.

Рассмотрим и охарактеризуем инвариантные структурные особенности тавтологических конструкций.

I. 1) а) И.п. со значением объекта: «...**сказка сказывается, дело делается...**» [165, с. 229]. «**Сны сняты** не всегда» [282];

б) (Numeralia card. 1+ N2 + Vf): а) Р.п. со значением субъекта: «Почти 150 **сотрудников трудятся** на предприятии» [282];

2) (N1 + краткое Adj): «Яшма – **Краса**, яшма – **красна**» [313]. «... **даль далека...**» [258];

3) (N1 + N1): 1) глубинные тавтологии, 2) сопоставительные тавтологии (цветы – это цветы, а конфеты – это конфеты):

а) (N1 сор N1): два существительных без уточнений, позволяющих сжато изрекать мысль: «Мечта» – **это мечта**» [288];

б) (N1 сор N1): два существительных с глаголом-связкой, эффузирующим семантическое сходство и подводящим итог сказанному: «...**мечта есть мечта**» [288];

в) (N1+грер+N1): два существительных поясняются циркумстантивными отношениями: локальными и темпоральными (подразумеваемая абсолютность явления, всегда или везде и т.п.), которые «выполняют дейксис (указание) на универсальность явления» [83, с. 248]: «**Му-му** и в Африке **Му-му!**» [247];

г) (N1+ N1+ N2): предложение, грамматическая основа которого выражена двумя существительными, распространено таким образом, что понятие, обозначенное грамматической основой, конкретизируется, а его объём сужается: «В ЗАГСе проведена акция «**Особый талант – талант материнства**»» [221];

д) (N1 + conjunctio+ N1): два существительных связаны союзом «как», посредством чего выражается значение типичности признака, однородность класса: «С виду **дом как дом** [221]. «**Вот это улов так улов!**» [196, с. 406]. Необходимо отметить, что при помощи частицы «вот» создается элатив (безотносительно высокая степень качества) предмета;

е) (N1 + N5): существительное в форме Им. п. и существительное в форме Т. п.:

1) тавтологический творительный со значением усиления сопоставления: «...богатый, а если разобраться, то **мужик мужиком**» [183, с. 501)];

2) (N1+ Vf+ N5): два существительных с глаголом-связкой (быть, оставаться и т.п.) со значением уступки: «**Друг остается другом**» [195, с. 72]. Как отмечает Т.А. Тулина, подобные коммуникативные единицы представляют собой «спрессованную сложную мысль» [84, с. 249];

II. полупредикативные модели: (Vf + Gerundia (герундий)): однокоренные глагол и деепричастие: «**Слушая** оперу, вы **услышите** разную высоту звучания музыкальных инструментов» [267];

III. модели с однородными компонентами:

1) (Vf + Vf): две спрягаемые формы глагола в форме прошедшего и настоящего времени, указывающие на развитие акциональности (действия) во времени:

а) (Vf + V imperfectum): глагол в настоящем времени + глагол в прошедшем времени: «... что **делают и делали** эти люди во Франции...» [220];

б) (V imperfectum + Vf): глагол в прошедшем времени + глагол в настоящем времени со значением действия в его течении, без указания на предел, границу: «... дети **читали и читают** книги великой шведской писательницы» [230];

2) (Inf + conjunction «и» Inf reflexa): возвратный и невозвратный глаголы в форме инфинитива, обозначающие релевантность действия участников коммуникативного акта: «...**учить и учиться** в свободном от произвола мире» [219].

IV. Модели с подчинительной связью:

а) **согласование** (по О.А. Зайц и Т.С. Остапенко, атрибутивная тавтология):

1) (Numeralia cardinalia 2 + N2): количественное числительное в форме родительного падежа и существительное в форме родительного падежа: «...тратить столько энергии и сил во имя **одной** реплики **одного** полдурка!» [176, с. 5].

2) (N4 + Participium): однокоренное существительное и причастие: «Реализовываю **планы, запланированные** на данный период,...» [314];

3) (N + Adj), номинатив с адъективом, обозначающим:

а) (Adj1+N1): степень проявления признака, при этом прилагательное в препозиции: «Краб – **вкуснейшая** **вкуснятина**» [310];

б) (N1 + Adj1): интенсификация типичного признака, если прилагательное следует за существительным: «**Горе** **горькое**» [163, с. 112].

б) управление: 1) (Vf + Inf): спрягаемая форма глагола и однокоренной инфинитив: «...вузы, которые **учат учиться**, ...» [223];

2) (Vf + N6): спрягаемая форма глагола и существительное в форме предложного падежа: «... перед ним **на столе стоял** его дневной рацион» [176, с. 4];

3) а) (N6 + N4): существительное в форме предложного падежа и существительное в форме винительного падежа: «... в **столовую** вошли его соседи по **столу**» [176, с. 2];

б) (Nomen adiectivum + N5): имя прилагательное + имя существительное в форме творительного падежа: «Лена была **молодая**, но не первой, а, пожалуй, второй **молодостью**, ...» [176, с. 6];

4) (V inf + Vf): неопределенная форма глагола и глагол в прошедшем времени со значением однократности действия: «... все, что должно было **расцвести**, – **расцвело**, а кое-что даже чуть-чуть повяло» [176, с. 6];

5) Р.п. (Vf + N2): спрягаемая форма глагола и существительное в форме:

а) Р.п. с предлогом со значением причины: «... остров продолжает **сотрясаться от землетрясения**» [252];

б) Р.п. со значением объекта при глаголе с отрицанием: «... ни разу **не писал писем** на высочайшее имя ...» [228];

6) (Vf + N3): спрягаемая форма глагола и существительное в форме Д. п.:

Д.п. со значением косвенного объекта: «... **переадресую** раскраску нужному **адресату**» [248];

7) (Vf + N4): спрягаемая форма глагола и существительное в форме В.п.:

а) В.п. со значением прямого объекта: «... и **испеките печенье**» [250];

б) В.п. с предлогом «в» со значением косвенного объекта: «... зверята **играют в игру...**» [206];

8) (Vf + N5): спрягаемая форма глагола и существительное в форме Т. п.:

а) Т.п. со значением орудия действия: «... неизвестные **закрасили** черной **краской**» [251];

б) Т.п. со значением образа действия: «Бизнесмены **любят** свое дело отцовской **любовью**» [294]. «... **любят любовью** в тех отношениях» [178, с. т.67, с. 216];

9) (Vf + N6): спрягаемая форма глагола и существительное в форме П.п.:

а) П.п. со значением локальности действия (с предлогами «на и в»): «**В** беседке не только **беседуют...**» [276];

б) П.п. со значением орудия действия: «... **качаются на качелях...**» [225, с. 52];

в) П.п. со значением предмета действия: «**В** звуке коронавируса **звучит** сложная мелодия аминокислот» [198; 264];

10) (Participium + N5): краткое причастие и существительное в форме Т.п. со значением тождественного (однокоренного) орудия действия: «... была **разорвана взрывом**» [285];

11) (Participium + N2): краткое причастие и существительное в форме Р. п. с предлогом со значением объекта: «...сильное место **рассказа ...**» [185, с. 17];

12) (N1 + N2):существительное в форме И. п. и существительное в форме Р. п.:

а) Р.п. с субъектно-объектным значением с предлогом «после»: «... мгновенно наступает **отдых**, а **после отдыха** – бодрость» [179, т.І, с.183];

б) Р.п. с предлогом «из» со значением носителя «яркого» признака, выделяющего предмет из класса однородных: «... самый очаровательный **подлец из подлецов**» [213];

в) Р.п. со значением посессивности: «...**отец отца**, их дед, повешен» [209];

г) Р.п. со значением отношения части к целому с предлогом «от»: «...**плоть от плоти и кровь от крови** двух российских деревень, но и **дух от духа** их...» [157, с. 22];

13) (N1 + N3): существительное в форме Им. п. и существительное в форме Д. п.:

а) Д.п. с семой выделения явления из ряда однородных: «... Это была всем **собакам собаки**» [144, с. 22];

б) Д.п. со значением сопоставления с использованием существительного «рознь»взначении сказуемого: «...**любовь любви рознь**» [243];

в) Д.п. со значением контактного расположения семантически связанных компонентов с предлогом «к»: «... **волосок к волоску**» [211, с. 6];

14) (N1 + N4): существительное в форме Им. п. и существительное в форме В. п. с предлогом «в» с семой определенной точности, последовательности: «... шли заключённые ...**след в след** за ними» [173, с. 172];

15) (N1 + N5): существительное в форме Им. п. и существительное в форме Т. п.

а) Т.п., выражающий субъектно-объектный смысл посредством предлога «с»: «**Гора с горой** не сходится, а **человек с человеком...**» [205];

б) Т.п. со значением сукцессивности действия с предлогом «за»: «Юра делал **фильм за фильмом**» [166, с. 40];

16) (N2 + N2): два существительных в форме Р. п.

а) контактное управление с семой конкретизации: «Прерогатива **специалистов рабочих специальностей...**» [256];

б) со значением абсолютности выполнения действия (с предлогами «от и до»): «...читаем, **от корки до корки**» [152, с. 33];

17) (N2 + N3): существительное в форме Р. п. с предлогом «от» и существительное в форме Д. п. с предлогом «к», обозначающие значение периодичности: «...**от урока к уроку...**» [45];

18) (N2 + N4): существительное в форме Р. п. с предлогом «из» и существительное в форме В. п. с предлогом «в» со значением места или времени: «Педагогический принцип определяется ...**из года в год...**» [45]. «...переезжает **из страны в страну...**» [174, с. 257];

19) (N5 + N3): существительное в форме Т. п. и существительное в форме Д. п. с предлогом «к» в значении близости нахождения явлений, предметов: «... чтобы встретить Бога **лицом к лицу**» [175, с. 70];

20) (N6 + N2): существительное в форме П. п. с предлогом «в» и существительное в форме Р. п. со значением «в конечном счете» или места: «**В конце концов**, любовь не заключается в утехах» [167, с. 18];

в) примыкание:

а) (Vf + Adv): глагол и тавтологичное наречие, которое актуализирует качество действия, его процессуальность: «**Удаляю дальше** материалы» [302];

б) (N1 + prep. + N5): существительное в форме Им. п. + предлог + существительное в форме Тв. п. – способ выражения – неморфологизованный: «... едва сводились **концы с концами**» [176, с. 4];

Таким образом, на синтаксическом уровне тавтологические обороты представляют собой хорошо развитое разветвление различных моделей, которые объединены типовыми синтаксическими отношениями (атрибутивными, субъектно-предикативными, субъектными, объектными, обстоятельственными) и синтаксическими связями (координация, согласование, управление, примыкание). Это означает, что исследуемое явление прочно вошло и в научный, и обычный обиход и характеризуется высокой частотностью употребления. Кроме того, в некоторых атрибутивных тавтологиях, построенных по модели «N4+ Participium» (1 случай), проявляется смысловая погрешность, граничащая с нарушением стиля, а такие структурные модели с подчинительной связью – управлением, как Vf +N3 (1 случай) и Vf+N6 (с предлогами «на, в» локального характера) (1 случай), являются семантически избыточными. Остальные примеры (52 реализации) дескриптируют тавтологию как стилистически мотивированную, уместную.

2.5. Фонетические особенности и словообразовательные модели плеонастических единиц

Фонетическое своеобразие плеоназма, в отличие от тавтологии, особенность которой репрезентируется монолитностью формы и присутствием значений и смыслов, заключается в нетождественности звучания компонентов. Для плеоназма релевантным является план содержания.

Однако не всегда плеонастические единицы характеризуются семантикой сообщения, которая предопределена дискурсом и предсказуема для интерпретатора. Поэтому также, как и тавтология, плеоназм может считаться нормой. Так, в предложении «... везде **беспорядочный хаос**» [169, с. 63] наблюдается интенсификация признака, крайняя степень проявления хаоса. Это возникает потому, что сема “беспорядок, неразбериха” заключена в лексическом элементе “хаос” [98, с. 398]. Следовательно, плеоназм замещает объект внеязыковой реальности и тем самым сигнализирует о конвенциональности значений, т.к. логика восприятия мира апеллирует к носителю знака, априорному факту: знаковые системы (языки и тексты) стоят между человеком и миром.

Данное положение является значимым для согласованного плеонастического биннома, т.к. семантика одного компонента не полностью входит в семантику другого. Исходя из этого, формальное описание плеоназма возможно лишь на морфемно-морфологическом уровне.

Рассмотрим наиболее продуктивные способы словообразования плеонастических единиц в русском языке XXI века:

1) префиксальный способ:

а) основа прилагательного + префикс «НЕ-»: «...это **незаконная бандитская организация**» [238]. (По данным Толкового словаря С.И.Ожегова, бандит – это тот, кто «принадлежит к банде», т.е. сема незаконности уже заключена в единице адъективного характера [124, с. 41]);

б) основа прилагательного + префиксы «БЕЗ-» или «БЕС-»: «...найти **безопасное укрытие**» [153]. (Укрытие – «место, **защищающее** от чего-нибудь; безопасный – это не угрожающий опасностью» [124, с. 47]). «Как **бесплатные подарки...**» [150, с. 49]. (Подарок – «предмет, который получают даром» [132, с. 358–359]; бесплатный – «без оплаты» [130, с. 128]). В данном предложении актуализируется следующий смысл: подарки не совсем бесплатные, за них кто-то платит. Таким образом, плеонастическая формула «бесплатные подарки» характеризуется не избыточным переосмыслением, а служит сигналом о наличии партитурности текста, речи;

2) суффиксальный способ:

а) основа существительного + суффикс «-Н-»: «...богатый **народный фольклор**» [149, с. 25]. (Фольклор – «устное народное творчество» [133, с. 1098]);

б) основа существительного + суффикс «-СК-»: «Гранд-коклет – **актерское амплуа...**» [244]. (Амплуа – «характер ролей, исполняемых актером» [130, с. 3]);

в) основа существительного + суффикс «-ОВ-»: «...сформировались **базовые основы**» [214]. (Базовый означает «основной» [30]);

г) основа существительного + суффикс «-ЕНН-»: «...состоялась **торжественная церемония**» [226]. (Церемония является «торжественным обрядом» [124, с. 872]);

д) основа наречия + суффикс «А/ (-Я-)»: «Становится возможным **повторять многократно**» [215]. (Лексема “повторять” выражает следующее значение: «сообщать уже известное» [134]). Следовательно, в имени – компоненте высказывания – есть градация, вариация, выполняющая квалификативную и экспликационную (уточняющую) функции внутри текста, ситуации. Поэтому вышеуказанный плеоназм считается ложным, несмотря на лексическую избыточность (отсутствие предела действия), переданную грамматически: префиксом «по» и суффиксом «я» при адвербиуме «многократно», т.к. аффирмация «при определенных условиях являет собой игру в знаки, а жизнь – приключение, нацеленное на их расшифровку» [10, с. 6];

е) основа существительного + суффикс «-ТЕЛЬН-»: «... **действительная реализация**... зависит от институциональных преобразований» [224]. Данное выражение является плеонастическим, т.к. в лексическую единицу «реальный» уже входит сема предшествующего языкового элемента [123];

ж) основа существительного + суффикс «-ЕНИj-»: «...**лицензии и разрешения** выдает Росгвардия» [246]. (Лицензия – «разрешение на что-либо» [124, с. 329]);

3) сложение:

а) сложносуффиксальный (сложение основ и одновременное присоединение ко второй основе суффикса): «... были **неглавные, второстепенные** роли» [295]. (Второстепенный – «не ведущий» [118]). В данном случае реализуется психологическая функция: подчеркивать, выделять важные представления путем употребления синонимов;

б) сложносокращённые слова: «... Тоже мне **вип-персона** нашлась!» [231]. (ВИП – «особо важная персоне») [120, с. 825]);

4) неморфологический, морфолого-синтаксический способ образования – конверсия: «...**перспективы на будущее**...» [208]. (Перспективы и есть «будущая реализация чего-либо») [133, с. 286]).

Итак, в современном русском языке репрезентантом плеоназма является корень производной лексемы в сочетании с аффиксами, что повышает степень смыслового перекрещивания с другими лексемами.

Плеонастическая формула (высказывание) представляет собой словообразовательную категорию, т.к. в качестве производной использует весь деривационный материал русского языка, а значит, – и морфологический способ образования (префиксальный, суффиксальный, сложение), а также неморфологический способ – морфолого-синтаксический (конверсию), что говорит о принадлежности знака плеонастического характера и языка в целом к феномену нашего сознания – коммуникативно-речевому пространству, в котором продуцируется, транслируется и абсорбируется информация. Несмотря на это, 10 словообразовательных моделей из 13 свидетельствуют о том, что преимущественно плеоназм считается неоправданной, стилистической ошибкой. Однако это положение на данный момент является недостаточно доказанным. Нельзя отрицать и мотивированного употребления плеоназма, т.к. если тело человека «живет» в физическом мире, то как мыслящий, рефлексирующий субъект человек «живет» в языке.

2.6. Семантическая классификация плеоназмов

Лексико-семантический уровень является определяющим для реализации плеоназмов, поскольку вторичное воплощение значения выступает доминантной чертой излишества.

Охарактеризуем плеоназм с учетом его семантической нагрузки.

1) К плеонастическим выражениям, основанным на отношениях частичной синонимии компонентов, относятся пропозиции (предложения), в которых содержится:

а) конкретизирующее означаемое: «... развитие **эмбриона (зародыша)**...» [207, с. 40]. (Эмбрион – «организм на начальной стадии развития, 2) зародыш некоторой задумки (в переносном смысле)» [118]);

б) один из компонентов дополняет и уточняет семантику другого: «А ты **свободный, эмансипированный**...» [274]. (Эмансипированный – «1) произвести эмансипацию кого-чего-нибудь», «2) свободомыслящий, достигший эмансипации» [133, 1419–1420]). «Он **гибкий и эластичный**» [303]. (Эластичный – «упругий и гибкий; растяжимый» [124, с. 905], гибкий – во 2 ЛСВ «сдобренный оттенками» [124, с. 133]). Как правило, синонимический способ толкования выполняет функцию конкретизатора

обозначаемого, т.е. поясняемый синоним называет понятие, тот же круг предметов, что и поясняемое слово, поэтому оно точно транслирует экстенсию определяемого класса;

в) семантика процессов или действий фрагментарно дублирует понятийное содержание друг друга: «...**шутил, балагурил...**» [201]. (Балагурить – «шутить, острить» [120, с. 56]).

Совпадение в семантике происходит только в первом лексико-семантическом варианте вербальной единицы «шутить»: «совершать действия ради смеха, увеселения» [120, с. 1508]. Отсюда следует, что данная лексема отличается экспликационным свойством – логико-синтаксическим отношением между именем вещи и именем его квалификатора или отношениями, соединенными в подчинительное сочетание. Так, например, глагол «балагурить», в отличие от шутить, не требует наличия актанта-объекта (участника ситуации). Тогда как такие глаголы, как «поддевать» этого требуют. [120, с. 1508].

Таким образом, вербум «шутить» по своему денотативно-сигнафитивному содержанию является глубинной, полипредикативной структурой. Рассматриваемые языковые единицы характеризуются и различной функциональной коннотацией: балагурить имеет разговорную окраску, а шутить – нейтральную. Это означает, что данные глагольные лексемы представляют собой квазисинонимы, заменяют друг друга не во всех контекстах.

г) индивидуализирующие плеоназмы: «**Лично для меня ...**» [151, 328]. Выделенный индивидуализирующий плеоназм имплементирует психологическую функцию; приобретает антропоцентрическую мотивированность [100, с. 80].

2) Плеонастические выражения, которые заключаются в полной включенности семантики одного компонента в семантику другого:

а) избыточная семантика предмета или явления включена в значение другого предмета и поэтому не требует уточняющих добавлений: «...продолжается **нерест рыбы...**» [287]. (Нерест – «метание икры рыбами-самками» [131, с. 547]). «**Где же откровенность и искренность...?**» [169, с. 38]. (Откровенность – «искренний, не скрывающий тайн» [131, с. 934 – 935]);

б) копирующие понятийное содержание словесного знака, т.е. семантика признака избыточна, т.к. включена в лексическое значение слова, обозначающего предмет или явление, о котором идет речь: «**Банальный, тривиальный**, каких было много и еще будет» [199]. (Тривиальный – «неоригинальный, банальный» [124, с. 809]). «**Белокурого блондина** знают везде» [218]. (Блондин – «белокурый, светловолосый мужчина» [130, с. 156]);

в) семантика признака предмета не нуждается в расширителе или другом качественном утверждении с учетом конситуации (экстралингвистических условий), не существует иного определения у означаемого: «... препараты **полыни горькой** используют для активности пищеварения» [212, с. 3]. (Полынь – «эфироносное растение с сильным запахом и горьким вкусом» [124, с. 556]). Данный бином не является логической ошибкой и семантически избыточным, т.к. реализует дейктическую функцию – указывает на вид растения: существует полынь Гмелина, полынь горькая, полынь луизианская и т.д. [271].

Следующий плеоназм, в отличие от предыдущего, является репрезентантом алогизма, т.к. свидетельствует о нарушении взаимного приспособления слов по линии их вещественных значений: «**Детская няня** ответственна за ребенка» [275]. На это указывает словарная дефиниция субстантива «няня»: «женщина, присматривающая за детьми» [131, с. 608];

в) избыточная семантика признака действия: «...они **спускаются вниз**» [158, с. 73]. (Спуститься – «переместиться сверху вниз» [124, с. 757]). «...все **безупречно, безукоризненно**» [170]. (Безупречный – «ничем не компрометированный, безукоризненный» [124, с. 48]);

г) абсолютно семантически избыточное дополнение или обстоятельство, т.к. их значения целиком входят в значение глагола: «...продукты... которые **импортируются из-за границы**». (Импорт – «ввоз из-за рубежа» [130, с. 1197]);

д) избыточная семантика времени, заключенная в значении процесса или действия: «Мне не нравится менять **уже сделанное**» [290, с. 4]. (Уже – «произошло» [120, с. 1377]). Здесь плеонастический оборот выполняет уточняющую функцию, т.к. подразумевает

необратимость действия, отсутствие темпорального реверса. Происходит десемантизация плеоназма;

е) семантика числа, целиком входящая в значение предмета или явления: «...**один** человек читает забавный **монолог**...» [204]). (Монолог – «речь одного человека» [124,с. 362]);

ё) избыточная предикативная единица: «Покупатели испытали **минутную** радость, но **вскоре** от нее ничего не осталось» [197, с. 55]. (Минутный – «кратковременный») [131, с. 222]).

Итак, анализ семантики плеонастических конструкций свидетельствует о том, что в современном русском языке плеоназм функционирует как разнородный феномен, актуализирующий излишество, которое проявляется по-разному: на основе полной или частичной синонимии, вхождении одного семантического признака в значение другого, избыточности отдельных единиц высказывания. Эксплицирующее значение не всегда содержательно равно интенционалу эксплицируемого, поэтому необходим контекст, позволяющий распознать «присутствие» нового смысла в семантике экспликандума (имени вещи). Плеонастические фигуры обладают контракцией (стяжением) смысла, плеонастические сочетания гиперсемантизированы. В противном случае возникает «конфронтация» с простым дублированием интенционала; такой бином неэкономичен и логически аномален.

Стилистически мотивированными можно считать плеонастические выражения, построенные на неполной синонимии. При этом каждый синоним указывает на новый, дополнительный оттенок смысла; неизвестное становится явным, раскрывается близким по значению словом.

2.7. Классификация плеонастических конструкций на синтаксическом уровне

Плеонастические единицы, как и тавтологические строятся по устоявшимся в синтаксической системе русского языка инвариантным структурным схемам.

Приведем модели построения плеонастических конструкций и охарактеризуем их морфологическое выражение и лексико-семантическое наполнение.

1) Модели с субъектно-предикативными единицами. Связь координация: (N1 + Vf), существительное в форме Им. п. и спрягаемая форма глагола, семантика которого входит в значение объекта или субъекта: «... **освободилась вакансия кассира ...» [217]. (Вакансия – «свободное место» [130, с. 219]);**

2) Модели с однородными компонентами со значением лица, явления, качества, состояния: (Vinf + Vinf):

а) два глагола, соединённые союзом «и», семантика одного близка по значению другому: – объединение инфинитивных форм: «... ему пришлось **врать и лгать** ...» [146, с. 13]. (Врать в первом значении – «искажать достоверность информации» [124, с. 106]);

б) (Vf + Vf): сочетание спрягаемых форм: « ...**хитрил, юлил**, время тянул...» [162 с. 45]. (Юлить в третьем значении – «изворачиваться» [124, с. 911]);

в) (N + conjunctio и + N): два существительных, связанных союзом «и», семантика одного из которых синонимична семантике другого: «Время воспитало в авторе... **настойчивость и упорство**» [161, с. 247]. (Настойчивый – «упорный, целеустремленный» [124, с. 392]);

г) (N + N): два существительных с бессоюзной связью – смысловая общность одного компонента является частью другого: «...шарм, **обаяние, очарование!**» [279]. (Обаяние – «очарование, притягательность» [131, с. 611]);

д) (Adj1 + Adj1): два качественных прилагательных, соединённых союзом «и», с синонимичной семантикой: «Мой **ласковый и нежный** зверь...» [245]. (Нежный в первом значении – «проявляющий ласку по отношению к кому-либо» [120, с. 622]);

е) (Adj1 + Adj1): качественное и относительное прилагательные без средства связи – союза, имеющие общую сему, что делает одно из них семантически избыточным: «**Частные индивидуальные уроки** дают возможность хорошо написать контрольную работу...» [292]. (Частный в 5 ЛСВ – «связанный с индивидуальным собственничеством» [133, с. 1240]).

3) Структурные модели с подчинительной связью со значением предмета, признака, действия:

а) согласование:

1) (N1 + Adj1): сочетание существительного и прилагательного, в котором прилагательное лишено смысловой нагрузки: «**Музыкальная филармония** ... появилась благодаря просьбам родительского комитета» [266]. (Филармония – «музыкальное учреждение» [133, с. 1079]);

б) управление:

1) (Vf + N2): спрягаемая форма глагола и существительное в форме Р.п. с предлогом «от», где семантика глагола предсказывает семантику объекта: «.. **лечили от несуществующих болезней**» [240]. (Лечить в первом своем основном значении – «применять медицинские средства для оздоровления» [124, с. 325]). Отметим, что имя существительное “болезнь” является гиперонимом, следовательно, создается ложная избыточность, предполагающая вариативность смысла;

2) (Vf + N4): спрягаемая форма глагола и существительное в форме В.п., при этом глагол не нуждается в дополнительных уточнениях: «**Им пришлось эмигрировать в другие страны**»» [246]. (Эмиграция – «переезд в другую страну») [133, с. 1420]);

3) (Vf + N6): спрягаемая форма глагола и существительное в форме П. п.: «...беспомощно **барахтается в воде**» [164, с. 31]. (Барахтаться – «совершать хаотичные движения в воде» [124, с. 42]);

4) (N4 + N2): существительное в форме В. п. и существительное в форме Р. п. лишённое смысловой нагрузки: «...**меню блюд** составлено...» [280]. (Меню – «список яств» [131, с. 183]);

5) (N5 + N2): существительное в форме Тв. п. и существительное в форме Р. п.: «...**главным бестселлером продаж** стала трилогия «Миллениум»» [231]. Приведенная синтаксическая конструкция полностью нейтрализовала своюзначимость, т.к. бестселлер – «книга, которая рассчитана на массовый спрос» [118]);

6) Vf + N5: устойчивые плеонастические выражения, включающие в свой состав спрягаемую форму глагола и притяжательное местоимение в форме Тв. п., которые указывают на предмет действия и функционирует как экспрессивное средство, выражающее эмоционально-оценочное значение: слышать своими ушами, видеть своими глазами, топтать ногами и т.д;

в) примыкание:

1) (Vf + Adv): спрягаемая форма глагола и наречие; смысловая транзакция одного из компонентов выражения избыточна: «...сход села **наглядно демонстрирует** одиночество людей...» [233]. (Демонстрировать – «показать наглядно» [124, с. 163]).

Таким образом, в плеонастических моделях с субъектно-предикативными смысловыми отношениями семантика является избыточной. Данные конструкции обычно встречаются в разговорном и публицистическом стилях, что не соответствует действующей лексической норме современного русского литературного языка.

Модели с однородными компонентами со значением лица, явления, качества, состояния обычно дополняют, уточняют понятийное содержание выражения.

Структурные модели с подчинительной связью – согласования – со значением предмета, признака, действия считаются семантически излишними.

При управлении, так же, как и при примыкании, главный компонент не несет смысловой нагрузки. Это означает, что частотность апроприации большинства структурно-синтаксических моделей плеоназмов свидетельствует о низком уровне культуры носителей русского языка. Решение этой проблемы кроется в формировании и развитии функциональной грамотности и метакогнитивных компетенций – понимание своего непонимания, умение восстанавливать, поддерживать свое понимание на должном уровне.

2.8. Тавтология и плеоназм как явление когнитивной лингвистики – концепт

В силу того, что тавтологические и плеонастические конструкции устанавливают тождество объекта самому себе лишь формально, а в речи несут иной, «нетавтологический» смысл, исследуется особенность данного семантического дублета, механизм его функционирования, порождающий эффект «свернутости» понятийной структуры. Признается интенциональность в использовании данного типа многословия, его причастность к ментальным явлениям. На этом основании тавтологические конструкции можно соотнести с понятием «концепт», отвечающим в когнитивной

лингвистике представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание его опыта и знания.

В XX в. идеи концепта находят свое отражение в персоналистических философиях, которые помогают понять, правильно истолковать произведение. Так, например, для М.М. Бахтина любой человек по отношению к другим людям – «автор», а они по отношению к нему – «герои». Он предлагал воспринимать человека как говорящего («слово») и как выглядящего («тело»). Так, монолитный сплав идеального и материального формируют билатеральность знака, способных породить и развить мысль во всей ее экстенсии, развоплощающей объем коммуникативной цели [7, с. 9–11].

В постмодернистской философии концепт структурируется речью, так как речь, по мнению философов, представляет собой игру разных смыслов, ассоциаций. Один текст имеет множество толкований: сколько читателей, столько и смыслов, так как каждый понимает его по-своему. Именно речь ведет к различной интерпретации текста. Концепт в постмодернизме являет собой поле распространенных в пространстве суггестивных знаков [55, т.2, с. 307].

Таким образом, если учесть все слагаемые, получим сумму знаний о концепте, которая и определяет его сущность: смысл, внутреннее постижение вещи в уме, сочетание идеального и материального, соотношение с душой (динамичность, историческая память), суггестия как особый вид психического воздействия (главным образом словесного) на психику человека с целью создания у него определенного состояния, побуждения к какому-л. действию.

В сферу современного знания С.А. Аскольдов вводит понятие «концепт» и определяет его как зародыш мыслительных операций [5, с. 273].

Д.С. Лихачев трактует концепт как «алгебраическое» выражение значения, собирающее в целое все человеческие понятия о предмете [46, с. 281]. Мысль Д.С. Лихачева развивают такие лингвисты, как: Ю.Е. Прохоров, Ю.С. Степанов, М.В. Пименова, Н.К. Рябцева и др.

Ю.Е. Прохор определяет концепт как «сложившуюся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса бытия», которая очерчивает деятельность лиц,

принадлежащих к определенному культурному пространству, зафиксирована в языке и транслируется посредством гносеологической функции [108, с. 159].

Ю.С. Степанов трактует данное мыслительное явление как «основополагающую ячейку культуры в ментальном мире человека» [129, с. 41]. М.В. Пименова именуется концепт «ментальным образованием, своеобразным фокусом знаний о мире» [69, с. 45–46]. По мнению Н.К. Рябцевой, концепт – это квант, единица знания человеческого, которая способна накапливаться, изменяться и потому отражать опыт человека [80, с. 77].

Таким образом, концепт – это основополагающая ячейка культуры, ментальный мир человека, фокус знаний о мире, конгломерат правил и оценок, ассоциаций, организующий мир.

Понятие «концепт» является междисциплинарным, «зонтиковым» элементом, покрывающим различные области человеческой деятельности, которые по-разному описывают «отрезки», фрагменты действительности, а именно: философию, литературоведение, когнитивную лингвистику, культурологию и переводоведение.

В современной концептологии сложилось несколько наиболее распространённых подходов к интерпретации понятия «концепт».

Первый подход – лингвокогнитивный, который заключается в интерпретации его как мыслительных частиц, подвергающихся обработке разума: экспликация ментальных единиц и психологических данных нашего сознания, памяти, а также составляющих ментальный лексикон всей картины мира [118, с. 90], или «принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности» [70, с. 21]. Сторонниками такого подхода являются Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.В. Красных.

Второй подход к пониманию концепта – лингвокультурный – основан на «вхождении» его как сознания, сгустка в культуру, который впоследствии находит свое воплощение в языковых средствах, в результате чего и осуществляется апроприация (присвоение) материальной оболочки «окультуриванного» сознания. Его поддерживают Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, В.В. Колесов, В.А. Маслова, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин и т.д. [64, с. 20].

Существует и третий подход к толкованию концепта – психолингвистический: основу концепта составляет информация, полученная посредством пяти чувств – зрения,

обоняния, слуха, вкуса и осязания. Передача сведений контролируются психикой и поэтому зависит от закономерности психической жизни личности [33, с. 99].

Однако, следует отметить, что концепт как многофункциональный феномен представляет собой синтез всех обозначенных содержательных составляющих и может исследоваться с позиции лингвокультурологии, когнитивистики и психолингвистики (Рис. 2.1.). На это нацеливает Логос, что в переводе с греческого означает «задумано – сказано, сказано – сделано», т.е. является воплощением триады: единство мысли – слова – дела = вещи. Данные отношения связаны с синергетикой (теорией самоорганизации), «которая объединяет, анализ заменяет синтезом и, как целостное, создает смысл целого» [40, с. 9]. По верному замечанию В.В. Колесова, «логическое и языковое представляют собой две стороны одного листа, на котором записаны знаки культуры» [40, с. 15]. т.к. дух, духовность (logos= язык) приводит мысль (ratio) в движение. Эту триаду можно представить в виде треугольника:

Рис. 2.1. Триада: единство мысли – слова – дела = вещи

Вершиной, центром данного треугольника является язык и мысль; это нулевая точка триады, обеспечивающая её целостность; язык и культура, а также язык и психика, в свою очередь, представляют основания треугольника.

Язык и мысль ограничиваются культурой, потому что у каждого представителя национально-культурного пространства существуют реалии, которые отсутствуют в другой языковой культуре, что, как результат, приводит к асимметрии (лакуарности) языковых средств. Культура отражается в психике, которая в общем смысле являет собой системное свойство высокоорганизованной материи (мозга), заключающееся в активном

отражении субъектом объективного мира; это психическое отражение материальной действительности, в результате которого формируются идеальные (психические) образы реальной действительности, необходимые для регуляции взаимодействия организма с окружающей средой [24, с. 18]. Другими словами, реализация номинативной функции осуществляется посредством органов чувств – специализированной периферической анатомо-физиологической системой, что обеспечивает, благодаря своим рецепторам, получение и первичный анализ информации из окружающего мира и от других органов самого организма, то есть из внешней среды и внутренней среды организма. Следствием данной «обработки» окружающего мира является психический образ знака. А синтез языковой культуры и психики заверяется языком и мыслью, что коррелирует с осуществлением гносеологической, или когнитивной, функцией языка, проявляющейся в использовании языка в процессах мышления и обмена мыслями, в ходе познания действительности.

Таким образом, сочлененность лингвокогнитивного, лингвокультурного и психолингвистического начал порождает концепт. Об этом свидетельствует и синергическая формула категории «Концепт», разработанная профессором В.В. Колесовым (Рис. 2.2.):

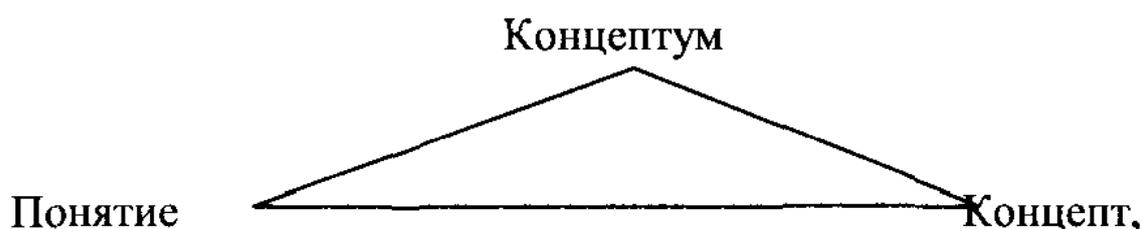

Рис. 2.2. Синергическая формула категории «Концепт»

Как видим мысль движется от концептума, который представляет собой исходный смысл, помысленную «вечность», исчезающую точку, – до понятия (точки на линии концепта, или явленного концептума, в данный момент понятного всем), затем от понятия – до концепта, выступающего в виде скорлупы ядра [40, с. 46]. Однако данное движение мысли можно «замкнуть», обратив его в сторону концептума. Так мы восходим

к энергии аристотелевской энтелехии – самодвижения смысла к собственной цели: к зерну первосмысла (концептума) [40, с. 29].

Это означает, что идея синергии может быть подкреплена законом математики, что в очередной раз удостоверяет языковую объективацию (нечто ментальное, облакаемое в форму; процесс фиксации абстрактных ментальных конструкторов в значении языковых единиц), связь Логоса и рацио. Окружность может описывать треугольник, а также быть вписанной в него (Рис. 2.3.). Так намечается интегративное направление в изучении концепта.

Мысль в данном случае материальна и приобретает форму круга, что отсылает нас к полевой модели З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которая состоит из ядра и периферии [71, с. 60].

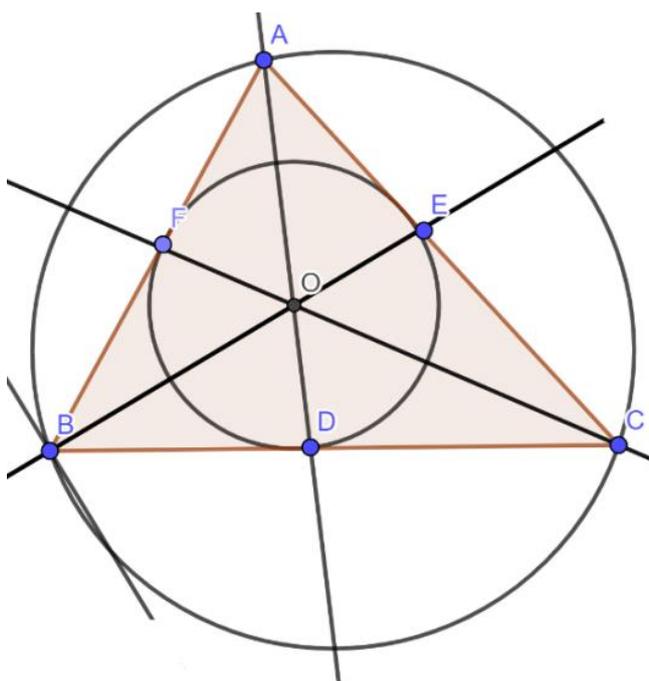

Рис.2.3. Геометрическое строение полевой модели концепта

Поскольку концепт – это динамичное явление, которое постоянно актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, его перемещающиеся слои нельзя зафиксировать. Статике поддается лишь ядро. В этом и заключается смысл мышления [71, с. 61].

Таким образом, когезия содержательных слоев концепта приводит нас к языковому сознанию, под которым необходимо понимать квант, или часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности [72, с. 10].

Опираясь на понятия об ядре и перифериях, выстроим структурные концепты моделей реализации тавтологии (Рис. 2.4.) и плеоназма (Рис. 2.5.), при этом к ядру будет относиться наиболее частотное воплощение избыточного дублета, к ближней периферии – редкие «опредмечивания», к дальней периферии – еще наиболее редкие их репрезентации.

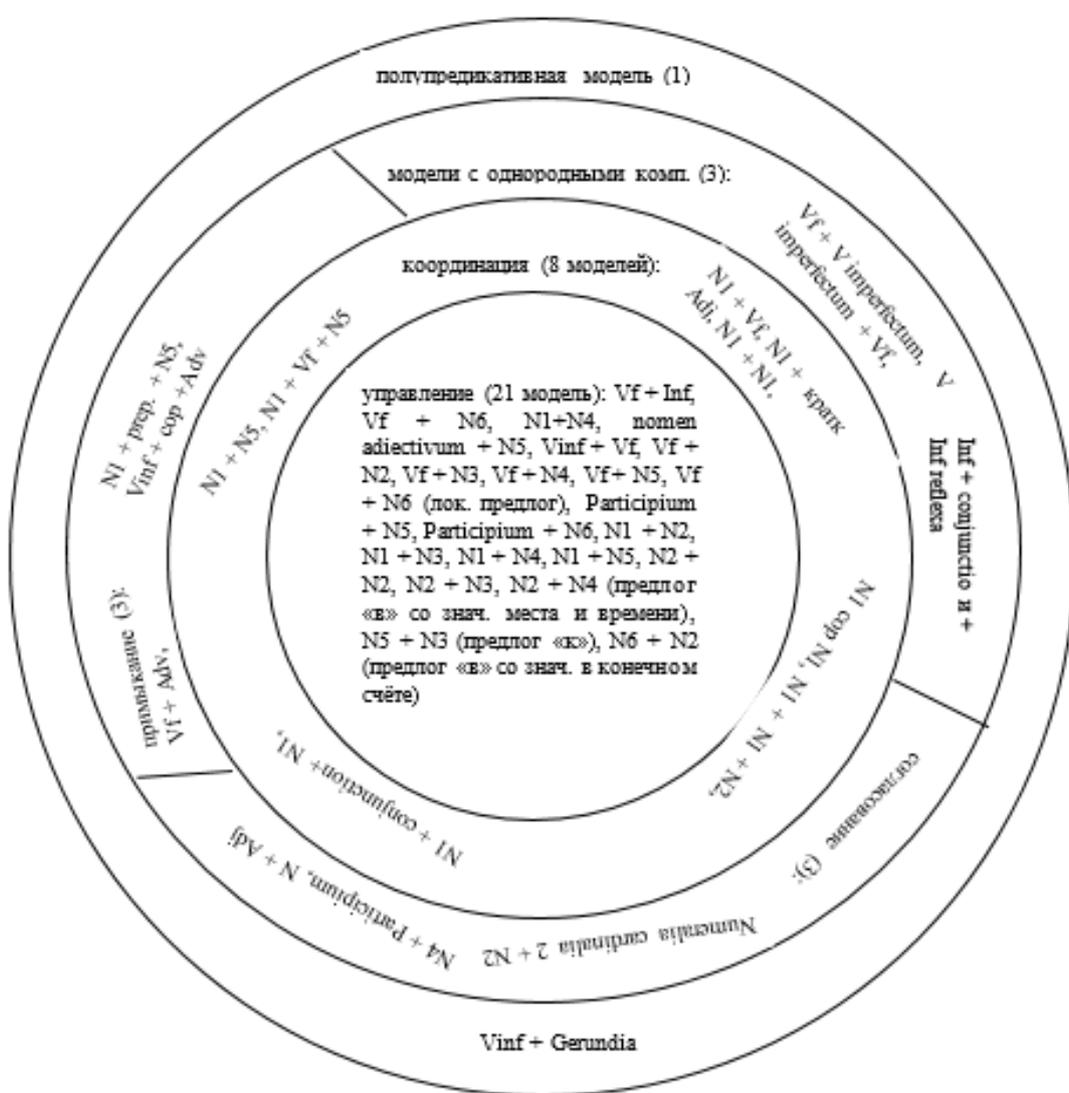

Рис. 2.4. Структурный концепт «тавтология»

Ядро: управление (21 модель), **ближняя периферия:** координация (8 моделей), **дальняя периферия:** модели с однородными компонентами (3), согласование (3 модели), примыкание (3), **крайняя периферия:** полупредикативная модель (1).

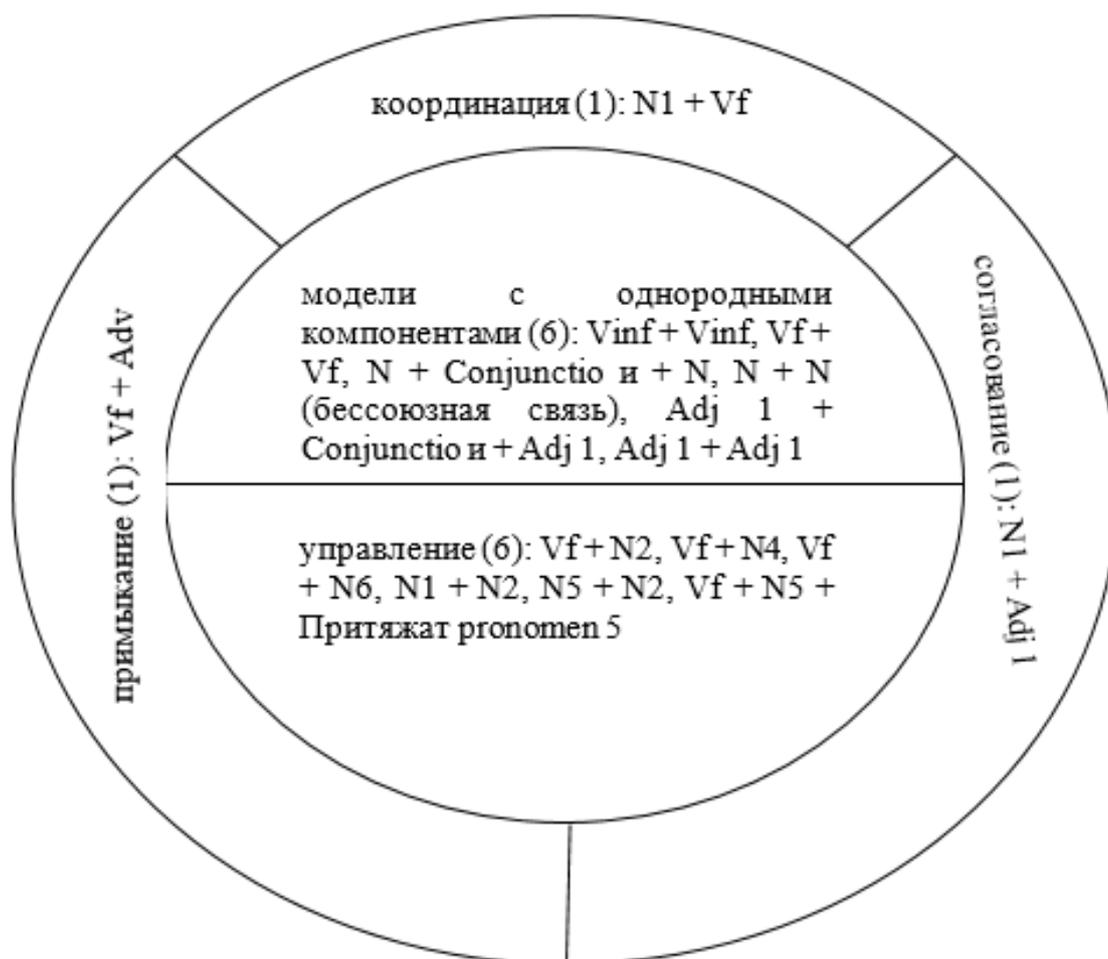

Рис. 2.5. Структурный концепт «плеоназм»

Ядро: модели с однородными компонентами со значением лица, явления, качества, состояния (6) и управление (6 моделей); **ближняя периферия:** координация (1 модель), согласование (1) и примыкание (1 модель).

Сравнительный анализ данных двух структурных концептов позволяет заключить: тавтология является более культуронагруженным и приоритетным языковым феноменом (благодаря дальней и крайней перифериям) для представителя русского национально -

культурного пространства, в отличие от плеоназма (есть только один базовый когнитивный слой – ядро и ближняя периферия).

2.9. Выводы по 2 главе

Тавтологические и плеонастические выражения представляют собой производные категории: используют весь деривационный потенциал русского языка. Наиболее продуктивным способом словообразования является морфологический, что обуславливается синтетической языковой природой. Семантическая классификация тавтологии в большей степени разнообразна, по сравнению с плеоназмом. Это подтверждает ее сильное когнитивное воплощение, которое доказывается вербализацией на синтаксическом уровне: 52 реализации описывают тавтологию как стилистически оправданную. Что касается плеонастических оборотов, то они, в основном, немотивированны. Только модели с однородными компонентами со значением лица, явления, качества, состояния дополняют, конкретизируют сигнификат сообщения.

Обобщив фактический материал, представленный в таблице (Таблица 2.1.) и диаграмме (Рис. 2.6., Рис. 2.7., Рис. 2.8.), делаем вывод, что в общей сложности было проанализировано 184 источника, из которых 48 относится к художественному дискурсу, что составляет 26% исследуемых источников, 15 – научному (8%) и 121 – к публицистическому (66%).

Таблица 2.1. Сравнительная характеристика тавтологии и плеоназма

Источники	Оправданная тавтология	Оправданный плеоназм	Тавтология как ошибка	Плеоназм как ошибка	Итого
художественная литература	40	4		4	48
научная литература	12	3			15
публицистика	81	8	7	25	121
Всего	133	15	7	29	184

Сравнительная характеристика тавтологии

Рис. 2.6. Сравнительная характеристика тавтологии

Сравнительная характеристика плеоназма

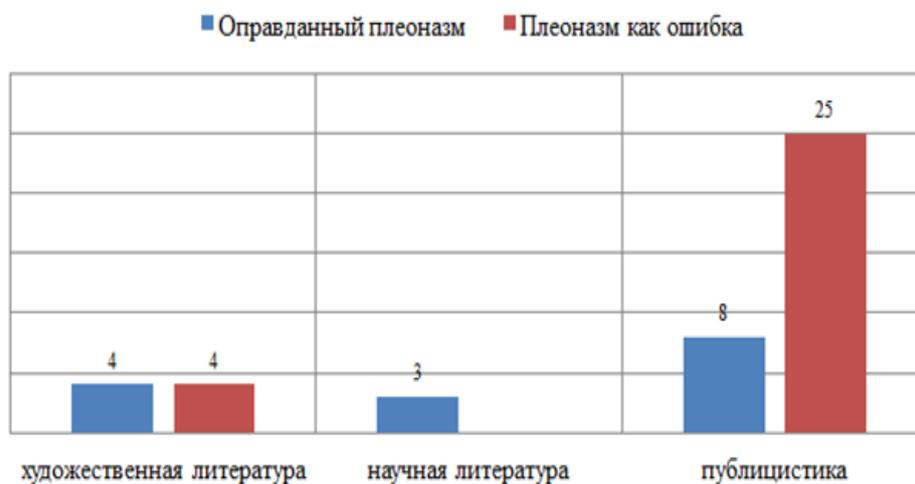

Рис. 2.7. Сравнительная характеристика плеоназма

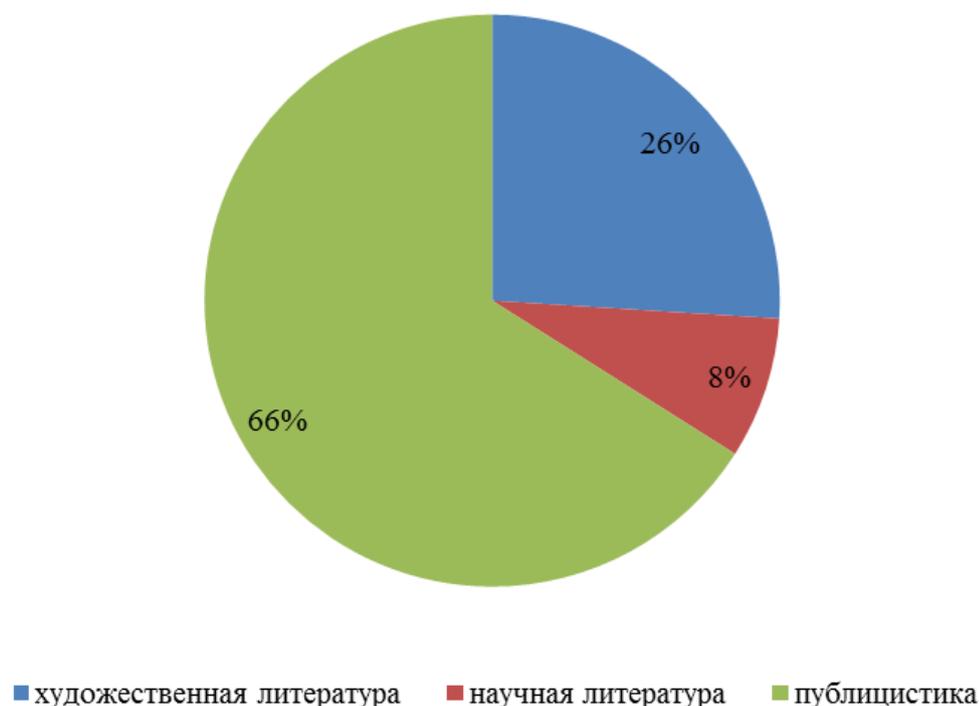

Рис. 2.8. Процентное соотношение проанализированных источников в работе

Также релевантным представляется указать на следующее обстоятельство: по числовому превосходству нормированности употребления тавтологии, данная «содержательная избыточность высказывания» характеризуется большей интенциональностью. Плеоназм, в свою очередь, воспринимается как явление речи, т.е. свидетельствует о недостаточной логической и языковой грамотности говорящего. Однако данное утверждение необходимо еще раз проверить, т.к. из-за флективной и динамической сущности языковой системы могут быть внесены определенные коррективы. Следовательно, изучаемая проблема требует дальнейшего освещения.

Важно подчеркнуть, что тавтология и плеоназм чаще всего встречаются в публицистическом стиле. Это эксплицируется его природой: сочетает в себе лексемы с экспрессивной окраской, книжных и разговорных лексических единиц и конструкций. Данное положение связано с агитационно-массовой деятельностью и СМИ, т.е. каузируется воздействие на мысли и чувства получателя информации через призыв.

Невзирая на то, что такие пары плеонастической природы, как неглавные, второстепенные роли; откровенность и искренность; банальный и тривиальный;

безупречно и безукоризненно, – в нашей работе относятся к абберрации, многословию на том основании, что они являются полными семантическими дублетами. Однако плеоназм может действовать и по интенции, т.е. характеризоваться сознательностью и целенаправленностью апроприации. Данная суггестия манифестирует корреляцию плеоназма с антропоцентризмом: человек в языке решает, что является нормой, а что – нет.

Следовательно, возникает двойственность в оценке (Рис. 2.9.), интерпретации когнитивно-стратегического потенциала плеонастических оборотов (14% от общего количества ошибок).

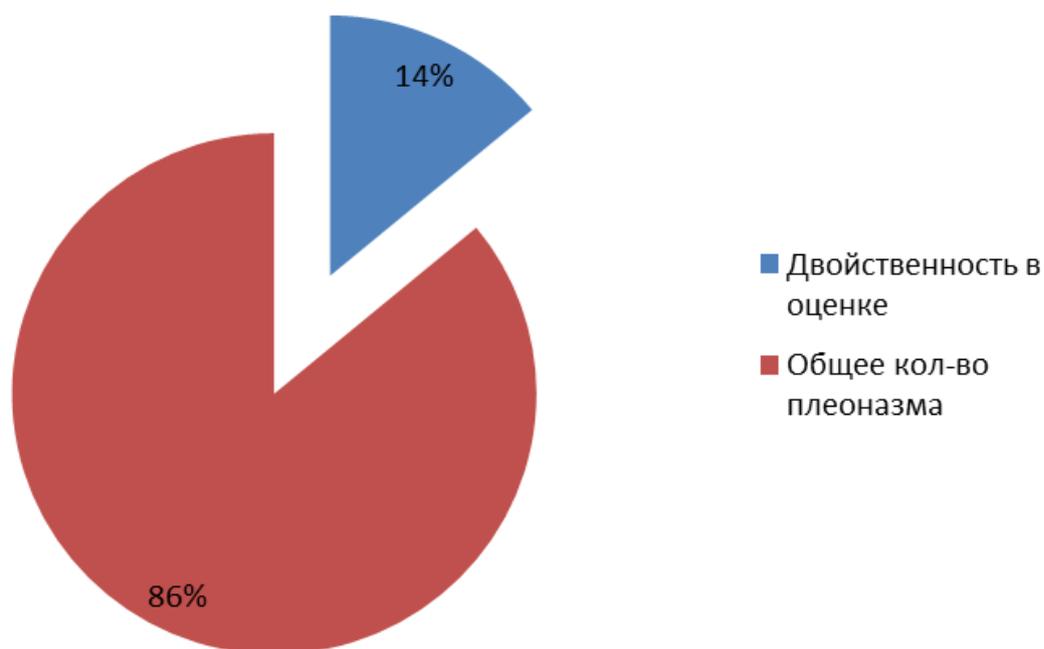

Рис. 2.9. Неоднозначность в оценочности плеоназма

Таким образом, тавтология и плеоназм могут рассматриваться как импликатура, явление когнитивной лингвистики – концепт, под которым следует понимать многомерное ментальное образование, имеющее значение только для определенного национального культурного пространства, находящее отражение в коллективном сознании. Средствами выражения концепта являются лексические единицы. Тавтология гораздо чаще обслуживает носителей русского языка, их обиход, чем плеоназм. Поэтому

усиливается ее закреплённость, привычность в системе знаковых координат. Более того, маркируется эволюционный характер этого вида излишества.

3. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТАВТОЛОГИЙ И ПЛЕОНАЗМОВ В ДИСКУРСАХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА

3.1. Тавтология и плеоназм в публицистическом дискурсе

Абсолютно каждый компонент языка информативен и обусловлен, т.к. знак является объектом референциального указания. Но не всегда знак включает в себе только один референт. Выходит, что тавтология и плеоназм – репрезентанты языковой избыточности – могут формировать мелиоративный аксиологический компонент, сопутствующий ложному инкорпорированию пейоративной оценки.

Докажем имманентный характер лексической избыточности, степень конвенциональности редундантных выражений.

Уместное употребление тавтологии:

1. **Тавтология как стилистическая фигура** – при помощи повтора родственных сигналов актуализирует важные смыслы высказываний, при этом тавтологические компоненты могут «сосуществовать». Нельзя заменить лексему «**супруга**» на жену, т.к. теряется стиль, патетика: «Приветствия **супругам** адресовали ... **супруга** Чрезвычайного и Полномочного посла России ...» [227].

2. **Оценочная функция** (функция выражения личных отношений и оценок); постсуппозиция (это имплицитные суждения, которые относятся к эксплицитному выражению, как следствие к условию: городок появился в результате празднования семейных ценностей) [56, с. 671– 672]: «...в рамках фестиваля «**Семейный** городок», посвященного Дню **семьи**...прошел славянский праздник...». «... **принцип** примата «самовыражения», **принцип** «опрошенной новизны», **принцип** «удиви, а не вдохнови»...» [227].

3. **Тавтологический локатив**, уточняющий пространственные координаты (город Дрокия – городской парк); резюмирующая функция – подводит итог сказанному ранее (что еще надо для успеха мероприятия!) [34, с. 109]; функция радиальной направленности контекстуальных связей: «... община **города** Дрокия. В **городском** парке с успехом

выступил ансамбль... Представителей **разных национальностей**, ждали **народные** песни,... **разных национальностей** и содействовал укреплению славянских **народных** традиций...» [227].

4. **Функция конкретизации значения:** «... определяется не талантом, а **рекламой** и **саморекламой**». «... **Молилась** за Димочку, **молила** Господа... **Я отмолила сына!**» [227]. «... **украинская** армия ... по южному побережью **Украины**». «**Жили. Просто жили**». «... **Спасибо** людям, которые застраивают И **спасибо** огромное всем ..., вкладывают **свои** средства и **свои** силы...». В этом случае выполняется функция конкретизации значения. «И, очевидно, основной дискомфорт создается для **тех** пассажиров, которые **вынуждены** ждать ..., **вынуждены** ... проходить контроль и... для **тех**, кто опаздывает ... **рейсы**,...у них есть стыковочный **рейс**...» «...они отдыхают на **танцах**: «... **танцуем**. Мы **танцевали** и в прошлое воскресенье, и в это. Это традиция...кто хочет **танцевать!**» [229]. «... он стал **зарабатывать** **Зарabоток** ... был явно тяжелым...». «... ему предложили подписать ... контракт **футболиста**, ... никакого **футбола**. любил **учить** товарищей Корану. За что его называли “**учителем**”». В данном примере наблюдается типичность действия, при которой определенная операция характерна только для самого субъекта; нет у субъекта возможности, способности функционировать как-то иначе. «... двести **раз** по ... **переходу** **ходила** и проезжала ... десятки **раз**». В этом предложении дается обозначение типичного циркумстантивного обстоятельства – локальности, а также выполняется функция интенсификации смысла. «**Целовалась**... нужно **смотреть на дорогу**. Был ли **поцелуй** или девушка ушла с головой...» [210]. Функция конкретизации значения: поцелуй – «прикоснуться губами ...» [124, с. 572]; маркируется одностороннее действие. Глагол “целовалась” имплицитно подразумевает двусторонность и многократность акции. «...осознать, почему **ошибается**. Обнаруживайте **ошибки**...» [210]. В этом случае имплементируется функция конкретизации значения: ошибаться – «совершить ошибки» [124, с. 486]. Следовательно, ошибка – это результат неправильных действий, мысли.

5. **Сатисфактивная функция (представляет собой ответ, обоснование):** «**Не поздно** ли ходить на **любственные** свидания? ...отвечает автор: « **Любить** никогда **не поздно!**»» [227].

6. **Функция усиление эмоциональности и эстетического эффекта:** «... они ...чудесный ансамбль. Ансамбль ... образов... все исполняют главную роль». «Необходимость выбора, необходимость ... ради продолжения рода, ради любви» [227].

7. **Функция экономии времени и усилий говорящего; конвенциональная тавтология:** «... есть возможность **работать и работать**. Здесь ...сталкиваются... и реальный мир, и мир воспоминаний, и мир безвременно ушедших» [227].

8. **Экспрессивная функция и функция конкретизации значения:** «Это .. любовь вечная. **Любовь**...сильнее смерти! ...не умел тратить деньги, не умел заботиться о себе... развелся с женой и женился на Валентине» [227]. «**Каждый. Каждый** “освободитель” разрушает... » [229].

9. **Пропозициональная тавтология**, имплементирующая инкорпорирующую функцию: дублируются знаки, с одной стороны, вторящие вербализованному смыслу, с другой стороны, расширяющие его; элементы смысловой тавтологии A^1 (первая предикативная единица) и A^2 (вторая предикативная единица) окаймляют данные фрагменты, как правило, соединенные бессоюзной связью: ««...она была красивой – ...подтянутая,.. с длинной... косой, уложенной бубликом». «... приятный голос и красивая речь. ...не слышала от нее ругательных слов». «Жила ... скромно – ... готовила простую пищу, ходила пешком. ...получала очень маленькую нищенскую пенсию...» «... была верующей. В квартире иконы, постоянно молилась и ходила в церковь»» [227]. «Аккуратно водила: двумя руками держала руль... Безответственной она не была... не из тех, кто гонял...» [210].

10. **Тавтологический аргумент:** средство (посредство, медиатив) – то, при помощи чего совершается действие [34, с. 83]; предмет в таких оборотах “существует” только во время самого действия: «... «**Пение песен**»...» [227].

11. **Функция радиальной направленности контекстуальных связей; резюмирующая функция:** «... десяток куриных яиц стоит 31 лей, .. домашние яйца продают по 40 ... Поставщики подняли нам цену на куриные яйца. ... Все дорожает... Корма для кур подорожали, топливо подорожало, дорожает и конечная продукция. ... в Пырлице цена варьируется на десяток яиц – 30–32 леев. ... поднимались цены на

подсолнечное масло, молочные продукты и хлеб. ...повышенные тарифы на газ и электроэнергию, подорожание сырья...» [229].

12. **Функция интенсификации смысла:** «Используйте ... стиральную машину только при полной загрузке; используйте кухонную посуду рационально...» [229]. Необходимо отметить, что в сознании говорящего очень редко глагол “использовать” взаимозаменяем на вербум “употреблять”, т.к. употреблять можно только еду, лекарства, вещества и средства языка в речи. Но все же это многозначная лексема, возможна субституция в первом лексико-семантическом варианте: употребить – «использовать для определенной цели» [133, с. 966]. «Я ... **грузин**, наша **семья** – это **грузинская семья**...». Кроме функции интенсификации, здесь происходит **конкретизация** мысли: «грузинская семья». Аналогичную действенность тавтологии находим и в данной иллюстрации: «.. для родителей **важно**, это становится **важным** и для ребенка» [229].

13. **Функции интенсификации значения и радиальной направленности контекстуальных связей:** «Размораживайте продукты ... не под струей **воды**; ...в наименьшем количестве **воды**: это сохраняет витамины; используйте **воду**...после **мытья** фруктов для полива цветов; сократите время принятия душа: это **экономит** 500 л **воды** в месяц; ... **вода** не расходуется без надобности; ...детей поощряйте за **экономиию воды**; избегайте **мытья** автомобилей и др.». «... в **неприятном запахе** виноват **пищевой комбинат**: «... во время работы **пищевого комбината** сбрасывались **отходы**. **Комбинат** не функционирует, **отходы** не исчезли. Нечистоты накрыла **корка**. ...под **коркой** происходит брожение. Из-за осадков **корка** разъедается. Издаётся **неприятный запах**. ... распространяется **запах** по всему городу». «... мероприятия **нужны**. **Нужно** отвлечься от проблем. ... можно насладиться культурой и жить чуть-чуть иначе». «... клуб **всегда** ждет **танцев**... **всегда** посещают их, **всегда** согласны. **Танцуют** народные и другие **танцы**, **поют песни**»» [229]. «...**смотреть по сторонам** пешеходы не стали... по ней **ехала** «Мазда»... водитель тоже по **сторонам не смотрел**... **Ехал** напролом... Он **проехал** по ним ... Впечатал детей в асфальт, от них ничего не осталось...» [229]. В последнем предложении конкретизируется результат наезда на детей.

14. **Функции сатисфактивная, интенсификации значения, радиальной направленности контекстуальных связей:** «Уполномоченные органы отвечают: «...процесс очистки подразумевает хранение **отходов** на фильтрационных полях.

Неприятный запах возникает при высоких температурах и “анаэробном брожении”. **Температура** ночью падает, холодный **воздух** с этим **запахом** движется в направлении автовокзала... мониторинг качества **воздуха** является обязанностью Центра здравоохранения»» [229].

15. **Репрезентативная функция: «Факт остается фактом: на дороге Башкирова не смотрела»** [210]. Репрезентативная функция: констатация утверждения и заверения со стороны говорящего [34, с. 119]. Кроме того, выделяются следующие функции: инкорпорирующая, радиальной направленности контекстуальных связей.

16. **Интродуктивная функция (катафорическая направленность контекстуальных связей): «Ослепила любовь или солнце? (подзаголовок)»**. В этом случае открывается текстовый фрагмент, «погружающий» читателя в предметную суть сообщаемого, готовящий к дальнейшей перцепции информации [34, с. 108].

Неуместное употребление тавтологии (фатическая функция):

I. **Семантическая избыточность**, не вносящая в структуру интенционала ничего нового; повтор однокоренных слов. 1. «... время **Апостольского** поста считается серединой лета... **апостолы** приняли смерть». 2. «... казнили в **Риме**...он являлся **римским** гражданином...».

3. «... чествовали **супружеские пары** ... Приветствия **супругам** адресовали ... и **супруга** Чрезвычайного и Полномочного посла России...». 4. «Петр Первый **стремился** осуществить **стремления**...». 5. «в 1944 г. **наступил** этап битвы. Солдаты перешли в **наступление**...». 6. «... очень **афористична**... Выразительная **афористичность** ...» [227].

7. «... **обеспокоены**.. наше **беспокойство** возрастает...».

8. «... советник **рассказал**... все делается постепенно, – **сказал** он...».

9. «... причиняя неудобства для **микрорайона**....Контролем качества воздуха в жилом **районе** занимается специальная служба» [229].

II. **Повтор одной и той же лексемы или формы одного и того же слова**. 1. «...считал, что недостойн быть **распятым**, ... его **распяли**... Кроме того, люди считали, что...». 2. «...пастухи, **кроме того**, зажгли факелы...». 3. «...из-за **сложной региональной ситуации** стороны отметили необходимость **конструктивного** подхода к

выстраиванию двухсторонних отношений и... прагматической дипломатии, основанной на взаимовыгодных интересах. В условиях сложной региональной ситуации стороны отметили возможность конструктивного подхода ... прагматичной дипломатии, основанной на взаимовыгодных интересах». 4. «... танкисты несли потери... понесли ущерб». 5. «... русские потеряли 500 танков, немцы потеряли 300 танков». 6. «...переводить научные исследования в вузы, чтобы повысить уровень вузов». 7. «...популярность автора определяется... рекламой автора». 8. «... предложили возглавить ЛГ, которую он возглавлял... Он доверенное лицо Он член Совета ..., член Президиума Общества русской словесности». 9. «... вышел его сборник стихотворений...в ЛГ вышла остро полемическая статья, которая актуальна по сей день, в которой он резко ...» 10. «... любимый муж и отец семейства ...хвалила своего мужа... Мужа называла по имени-отчеству». 11. «...был педагогом... Он был ее педагогом...». 12. «...багаж знаний, полученный им за годы учебы ... Хорошую ... подготовку получил в учебном учреждении...» [227]. 13. «Также мы узнали цены на куриные яйца ... в Бельцах также росли цены...». 14. « ... был нанесен ракетный удар... Ракетный удар был нанесен на следующий день...». 15. «... найти родных или получить о них какую-то информацию, люди получают... отписки». 16. «По информации ведомства, ... раненый молдаванин По информации местного издания, ... погиб один гражданский, три человека пострадали». 17. «...недалеко находится русскоязычный лицей им. Горького, который сможет покрыть все потребности детей, которые будут там учиться. Лицей рассматривает возможность открытия классов...». 18. «...если будет необходимость и количество людей будет..., то мы найдем возможности и откроем 19. «.. спасибо людям, которые сегодня строят целые районы... которые вкладывают свои средства и силы... будет целый спальный район и инфраструктура». 20. «... радостно рассказала, как они отдыхают на танцах: ... рассказала, что считает такие мероприятия важными...: Такие мероприятия нужны... Фрекэуцан рассказала... рады и всегда идут на такие мероприятия». [229]. 21. «Она проехала ..., она сбила братьев». В данном примере фатическая речь обусловлена аффективным состоянием говорящего в момент сказывания [34, с. 141]. 22. «... усилия врачей, которые провели операцию были напрасными. Мальчишек, которые были не разлей вода, похоронили...». 23. «Она никогда не была безответственной. Она не из тех, кто гонял...». 24. «... Лера знает. А еще знает полицейский протокол...». 25. «Валерия пояснила, что со своим бойфрендом....

Объяснения Башкировой из протокола...» 26. «**Бойфренд** дал **объяснения** полиции». 27. «... **чтобы** пропустить пешеходов... **Чтобы** проверить,...». 28. «... смотришь в телефон, который находится не **на уровне** глаз, а внизу, **на уровне** колен...». 29. «... какая психологическая **готовность**? ...к семи годам ребенок **готов** к научению, а до этого школьное **развитие** даже вредно», – считает Евгений, сотрудник Центра исследования **развития** одаренности». 31. «...родные говорят о том, что для них **важно**, и это становится **важным** и для тебя. И еще **важный** момент – не оценивать ребенка...» [229].

Уместное употребление плеоназма:

1. «... танкисты несли **большие потери**. Обе стороны понесли **огромный урон**» [227]. Урон – «потеря» [124, с. 836], однако присутствует **сема градуальности, элатива**

2. **Функция конкретизации значения:** «...нас ждали народные песни, зажигательные **танцы, хороводы ...**» [227]. В данном случае конкретизация заключается в разъяснении: хоровод – «движение людей по кругу с пением и пляской» [124, с. 865]. «Жила скромно:...**много** ходила **пешком**» [227]. Здесь подразумевается редкое использование транспорта. «...они находятся в статусе **пропавших без вести**» [132, с. 279]. Пропавшие без вести – «юридический термин, определяющий положение человека; о котором нет точной информации» [124, с. 81].

3. **Функция интенсификации авторской оценки событийности или предметности:** «... вытеснили талант, **мастерство и профессионализм...**». Профессионализм – «хорошее владение профессией» [124, с. 624]. Мастерство – «высокое искусство» [124, с. 343]. «... стремился быть **самостоятельным, независимым. Самому распоряжаться своей судьбой**» [227]. «... он стал **зарабатывать сам**». «...он всегда советуется со своей **супругой**, Эмине Гюльбаран, на которой **женат...**» [210].

4. **Функция усиления выразительности:** «... поддерживалась легкая, **веселая, радостная атмосфера**» [227].

5. **Психологическая функция: желание подчеркнуть личность:** «... кто опаздывает на **свои рейсы...**». «**Сам зарабатывает...Сам управляет жизнью**» [210, 227].

Неуместное употребление плеоназма (фатическая функция):

1. «... содействовал укреплению славянских **народных традиций...**» [227]. Традиция – «это наследство от предшествующих поколений» [124, с. 805]; так нивелируется модус, присутствует элиминация стохастических образований.

2. «В этом **румяном, здоровом яблочке...**» [227]. Абсолютно избыточные словосочетания с точки зрения диахронного уровня.

3. «... строила **планы на будущее**» [227]. План – «это ряд предварительно обдуманных действий для достижения целей» [132, с. 279].

Таким образом, исследование употребления плеоназма и тавтологии в публицистическом дискурсе позволило доказать, что данные явления обладают имманентным характером лексической избыточности и входят в число иллюкутивных актов.

3.2. Употребление тавтологии и плеоназма в художественном дискурсе

Рассмотрим функционирование тавтологии и плеоназма как концепта на материале романа Е. Водолазкина «Лавр» [147, с. 448].

Релевантным представляется упомянуть, что появление на свет Арсения введено магической цифрой «7»: «Это произошло... 1440-го от **Рождества Спасителя нашего... Семь дней** спустя во имя Арсения **он был крещен. Эти семь дней его мать не ела мяса, чтобы подготовить новорожденного...**» [147, с. 7].

Необходимо сделать акцент на том, что Богослужбная жизнь Православной Церкви циклична и содержит три богослужбных круга: годовой, седмичный и суточный. Годовой представляет собой подвижные и неподвижные праздники, которые **повторяются** ежегодно; седмичный – 7 дней недели, посвященные самым важным событиям земной жизни Спасителя и его святым; суточный круг составляют 9 богослужений, которые также содержат в себе ежедневное **повторение** [25]. Соответственно, **цифра 7** – это леймотив жизни, которая структурирует кольцевую композицию и предвосхищает откровение: ценностный смысл экзистенции. Отсюда также вытекает, что приход Арсения, “переживание” им времени от рождения до смерти было предзнаменовано.

О цикличности мироздания говорят и следующие “вторящие” компоненты нумеративной системы: «...**седьмой** десяток его лет, **семитысячный** год от Сотворения мира» [147, с. 7] или «...плакал **семь дней и семь ночей**» [147, с. 12] (ситуация, повествующая о том, что Арсений почувствовал болезнь отца своего).

На фонетическом страте языка данная тавтология реализуется как гомеология: повтор корня “семь, седьм”.

Морфемный уровень тождественен фонетическому. С точки зрения семантики, – тавтологичный оборот принадлежит конвенциональной тавтологии (относящейся к кодифицированному современному литературному русскому языку; отвечающей требованиям нормы) и представляет собой изонимическую реитерацию, или корневой тип многословия. Эта лексемная близость воплощается посредством удвоения структурно-цельного обстоятельства, **модель с однородными** обстоятельствами, состоящими из Ordinalia numeralia + N2 (порядковое числительное и имя существительное в форме Р. п.). Данные семантические отношения возникают вследствие потребности некоторых слов обладать дополнительным (обязательным) уточнением, при этом зависимая словоформа восполняет информативно недостаточный стержневой компонент.

В романе последовательно проводится мысль о бинарности, дихотомии (раздвоенности и связности жизни и смерти: за Эросом следует Танатос). Следовательно, возникает антигенеративная направленность: «... чтобы подготовить **новорожденного** к первому причастию... после **родов** она ...ожидала **очищения своей плоти**. Когда **плоть ее очистилась**, она пошла на раннюю службу... просила для своего младенца... **жизни**. **Родившиеся ранее не пережили** первого года. Арсений **пережил**. ...ответил старец: « ... **живи, друже**, поближе к кладбищу...**живи один**» [147, с. 7].

Или: «... люди... сами **рождают** своих детей. Впоследствии же они **умирают**, потому что с даром **рождения** обрели дар **смерти**» [147, с. 17].

Таким образом, формируется связь между жизнью и смертью, что образует их сложное семантическое единство, которое называется семантической структурой концепта «Жизнь». Это значит, что две фазисные формы существования, определяющие начало и конец действия человека, имеют единоначатие и единое завершение. Так, с одной стороны, устанавливается радиальность (все вторичные значения связываются с

основным значением – первым и мотивируются им), с другой стороны, – всепоглощающая исходная точка, формирующая мироздание.

Например, старец Никандр описывает смерть Арсению как жизнь в христианском осмыслении: «Там (на кладбище) ведь лежат **живые** люди.

– Я видел только **мертвых**.

– **Для Бога все живые** [147, с. 17].

Каждый из нас ...**смертен... смерть – это не только горечь расставания. Это и радость освобождения**» [147, с. 17]. Соответственно, появляется аллюзия на психею – душу, вечную жизнь, или бессмертие: «... **Душа** делает нас **живыми**. **Душа же человеческая телу иноприродна и с телом не умирает, несть бо душа человеческа от вещи иныя, но от самого Творца вдуновена благодатию**» [147, с. 16–17]. Отсюда следует, что особая форма существования материи абсорбирует прекращение жизнедеятельности организма. Более того, здесь действует изосемия (смысловая тавтология), т.е. упомянутая разновидность многословия характеризуется «пересказом» предыдущей мысли, используя другие языковые средства. Однако новизна смысла не является кажущейся, т.к. мысли об онтологии жизни и смерти эмплазируют их родственность. В соответствии с этим положением изосемия информативна в силу заключенных в ней импликаций.

Итак, разделим данный тавтологический многочлен на отдельные его составляющие: на фонетическом уровне реализуется гомеология; происходит наращивание семантики за счет итерации (повтора) корней “род и рожд”. На морфемном уровне тавтология проявляется посредством сложения при помощи асемантической структуры: “**новорожденного ... после родов... и родившиеся**”.

С точки зрения семантики выражается значение «наиболее качественный, настоящий», т.е. возникает градация, усиление признака жизни; подчинительная связь – управление, действующее по формуле «N4+ praepositio «после» + N2» (существительное, или субстантивное имя прилагательное, в форме В. п. + предлог «после» + абстрактное имя существительное в форме Р. п.).

Следующий тавтологический оборот “...**очищение, очистилась...**” эксплицирует нам ситуацию борьбы матери Арсения за его жизнь и имеет такое фонетическое

воплощение, как и в предыдущем случае, гомеологию, ее разновидность – редупликацию корня “чиш/чист” (с альтернативой на морфемном шве [ш' и ст]), что указывает на родственность этих сигналов, а также на интенсификацию признака: усиление качества стараний матери. Таким образом, устанавливается связь со значением «наиболее качественный, лучший», способ образования – суффиксальный: суффикс «ениj» (со значением абстрактности). В структурном плане вычленяется формула «N2 + V fin» (существительное в форме Р. п. + спрягаемая форма глагола прошедшего времени, **управление**).

Последний компонент тавтологического происхождения в предложенном ряду выше “**не пережили, живи**” является результатом корневого повтора “жи”, дериватологический способ – префиксальный: приставка «пере» с семой «прожить, просуществовать какое-либо время» (при помощи синтаксической роли отрицательной частицы «не» описание судьбы главных действующих лиц строится на контрасте, что нейтрализует семантическую избыточность); данный оборот состоит из следующих структурных знаков: **модель с однородными компонентами** – particula negativa «не» + V fin, perfectum + V fin, imperativus (отрицательная частица «не» + спрягаемая форма глагола прошедшего времени, совершенного вида + спрягаемая форма глагола с категориями наклонения – императив).

Необходимо отметить, что на фоне сложившейся тавтологии находит свое воплощение и плеоназм “**родившиеся ранее**”, который не ограничивает экстенционал (объем понятия); представляет релятивную дескрипцию экспликандума (имени вещи в таком сочетании), то есть свойство вещи не становится границей для совокупности знаний о вещи. Это значит, что плеоназм, согласно функциональному аспекту, является относительным [102, с. 150 – 152]: вербальное словосочетание (по морфологической классификации) допускает градацию, которую выражает темпоральное наречие “ранее”. Так, родившийся – «появившийся на свет» [124, с. 680]; компаративный адвербиум, реализует сему “одно событие предваряет другое” [134]. Таким образом, партиципant (участник действия, дейксис на время) “ранее” конкретизирует означаемое; способ образования – конверсия, структурная модель с подчинительной связью – **примыкание**: N1, или субстантивное причастие, +Adv (существительное в форме И.п. + наречие).

Далее прослеживается проблема идеи общности и идеи смыслового расхождения, т.е. смерть и жизнь интерпретируются путем указания таких свойств явления, которые у него отсутствуют. Отрицание каких-либо свойств также является существенной характеристикой, в результате чего пресечение жизнедеятельности и ее протяжение предстают антиподами.

Доказательством этому является **лексико-тематическая группа** “смерти”: кладбище, кладбищенская ограда, пустая изба, мор, выморочная изба, чумные покойники, моровое поветрие, знамение смертно, молчала, музыка чумы, чернота, холод, тишина, вой собак, мычание коров, собаки рвались, не вставал, слякоть, холодный туман дороги.

Так, например, при описании места проживания Христофора (дедушки Арсения) смерть объективирована посредством изосемии: «... **к одному из окрестных кладбищ...** у **кладбищенской ограды** он нашел **пустую избу**. ...не пережили последнего **мора**. ...в **выморочную избу** никто не решался вселиться... возле кладбища... **чумных покойников**. А Христофор решился» [147, с. 7]. Так, пропозициональная тавтология служит сигнификатом кольцевой композиции, заостряющей внимание на сукцессивности (постепенности) смерти, с одной стороны, и – диссимилиации (расподоблении) двух фазисных явлений, с другой. Отсюда следует, что вышеуказанное понимание смерти коннотатировано мирской аксиологией.

Итак, распишем изосемию на отдельные ее составляющие члены: “**кладбище и кладбищенская оградка**”. Здесь тавтология закреплена в языке фонетически, апроприируя корень “кладбищ” для интенсификации лексического значения «погребение умерших», что придает вечному покою повсеместный, вездесущий характер, и получает свое развитие и на морфологическом уровне (способ образования – суффиксальный: основа существительного+ суффиксы “-ен и ск-“), и на синтаксическом: тип связи – подчинительный, **согласование**; модель: “ N2 + Adj2” (существительное в форме Р. п. + прилагательное в Р. п.).

Настоящая тавтологическая коммуникативная единица “**мор, выморочная изба**” так же, как и в предыдущем случае, получает диалектическое развитие на всех языковых ярусах: фонетическом – гомеология, дублирование корня “мор”, “растягивающего” такую родственную сторону содержательного знака, как – всеобъемлющую смерть,

опустошенность; морфологическом – суффиксальный способ образования (основа процесса + суффиксы “-оч и н-“), синтаксическом – **управление**, контактное, слабое, создано по модели: “N2 + Adj”, или существительное в форме Р. п. + имя прилагательное.

Однако значимым является замечание, касающееся того, что негласно жизнь и смерть переплетаются, смежны (функционируют по принципу метонимии), несмотря на то, что выступают как оппозитивные структуры. Об этом свидетельствуют дескриптор “**окрестный**”, относящийся к концу жизнедеятельности и означающий «находящийся рядом» [118], а также номинатив с модальным аспектом “решился (вселиться)”, обозначающим намерение Христофора, который тем самым демонстрирует физиологический план существования человека.

Кроме того, данная антитеза составляет и акустический признак **смерти**. **Рвение, вой собак и мычание коров** подвергаются идентификации, которая впоследствии приводит к семиотизации природных звуков. Это значит, что шум животных воспринимается как информация антиципационного характера, т.к. бестиарии, особенно домашние, возможно, из-за близости к органическому миру постигаются как “другое” человека. Животные во взаимодействии с человеком выступают как спутники и помощники, а в нашем случае – как вестники, выражающие агрессивный, пугающий и зловещий эмоциональный пласт. Все это коррелирует с **музыкой чумы**, а также со знаменем, которое **смертно** [147, с. 12]. Таким образом, происходит реалистическая психологизация смерти на базе анималии.

Следовательно, у чумы как субморфа смерти (в значении семантически неотделимого от морфа “смерти”) есть свои репрезентаты: пустота, открытая изба, чернота, холод, темнота: «... лежали снопы **необмолоченной пшеницы**. **Дверь в избу была открыта**. ...прямоугольник вобрал в себя только **черноту**. **Всю возможную черноту и холод**» [147, с. 13].

Онтология тавтологии – изонимическая, лексемный дуплет “чернота”, выполняющий функцию усиления признака, его градацию.

Однако даже здесь можно усмотреть противоречие: смерть активна, и это нарушает “ее физиологическое состояние покоя и отдыха”. Отсюда вытекает, что, несмотря на то, что в данном контексте жизнь и ее пресечение работают как антонимы,

противопоставленные по общему и существенному семантическому признаку, относятся к комлементарной антонимии (противопоставление не является градуальным, т.к. вся шкала представлена только двумя членами), – между крайними точками лексико-семантической парадигмы возникает семантическая симметрия, соположенность. Следовательно, в определенных случаях жизнь и смерть употребляются в противоположном значении, функционируют как антифразис.

Демонстрацией, подтверждающей вышеизложенный тезис, является следующее: «Попав туда, как можно было остаться в **живых**? ...Этот голос напоминал голос **его сына**. ...Как будто кто-то, **не его сын**...

– Мы уже умерли, – сказал **голос**. **И непричастны живым**. Не входи, чтобы Арсений **выжил**.

– **Пить**....Он зачерпнул **из бадьи воды** ... но она **словно спала и не могла открыть глаз**» [147, с. 13].

Важно добавить, что в начале этого отрывка смерть обладает антиципацией, ирреальной модальностью (смерть почти настигла); дополняющим ее критерием является обезличивание, превращение человека в субстанцию (не человек сказал, “а сказал голос”). “Смертный” мир значений в глубине своей негативен: его специфика заключается в том, что медиаторы разного плана – пространственные, временные, эмоциональные и прочие – оказываются в нем функциональными и пейоративными, что в принципе и рождает проблему экзистенции, деление на две фазы мироздания: жизнь и смерть. Именно поэтому, с одной стороны, у смерти есть аккомпанемент (голос матери главного действующего лица), с другой стороны, – мертвые “непричастны живым”, они обездвижены, их сон вечен, и их душа оставляет мертвое тело. Смерть противоборствует жизни: тишина коррелирует с мертвым телом, а крик – с движением, жизнью: «Не входи, чтобы Арсений **выжил**. **Арсений закричал так, как не кричал никогда, но в слободке его никто не услышал**» [147, с. 13].

В первом и во втором случае тавтология построена на гомеологии; редупликация префиксов “вы и за” имеет следующее значение: приставка “вы” (в лексеме “выжил”) – «остаться в живых после несчастья» [130, с.454], префикс “за” (в глаголе “закричал”) обозначает начала ненаправленного действия и интенсификацию горя, боли утраты;

способ образования – префиксальный: основа субстантивированного прилагательного “жи” + префикс “вы” (**живым – выжил**), в паре “**закричал – кричал**” действует тот же способ образования, что и в первом случае (основа глагола “крич” + префикс “за”); модели: 1) **управление** – “субстантивированный Adj + V fin (субстантивированное прилагательное + спрягаемая форма глагола)”; 2) **модель с однородными компонентами** “V fin perfectum + V fin imperfectum (глагол в прошедшем времени совершенного вида + глагол в прошедшем времени несовершенного вида)”.

Мысль о борьбе составляющих существующего материального мира обогащается такими аффирмациями, как: расположением дома Христофора рядом с кладбищем, т.е. в мире смерти, и законом о раздельном пребывании живых и мертвых [147, с. 28].

Или: «Проводивший **дни** жизни своей в доме у кладбища, **дни** своей смерти он будет проводить на кладбище у дома. Убежден, что подобная симметрия покойным только приветствуется» [147, с. 27].

В этих фрагментах и последующих за количество выдается качество: тавтология неодносоставна, ее логико-семантические особенности конструируют языковую концептуализацию мира. Распредмечивание знака происходит в рамках изонимической тавтологии: (1) «**калитка – рядом с калиткой**», 2) «**дни жизни – дни смерти**»; форма – однокоренные дуплеты «калит и дн», фонетический план соотносителен с морфемным, смысловой знак – обозначение типичного циркумстантивного обстоятельства – локальности, синтаксическое опредмечивание – контаминация управления и примыкания: N1 + ррег. + N5, или существительное в форме И. п. + предлог «с» + существительное в форме Тв. п.) и изосемической реитерации, актуализирующей градуально (с постепенным нарастанием признака) сентенцию о релятивности исхода: жизнь не мешает смерти строить планы и наоборот. Так, суть миропонимания зиждется на параллелизме (в терминах эквивалентности), что влечет за собой положительное аксиологическое наполнение. Тем не менее такое познание начал требует отказа от своей сомнительной (селективной) эрудиции: только человек, приближенный к Богу, способен на это. Как мы видим, репрезентативная недостаточность тавтологии восполняется ее дополнительностью в любом акте коммуникации (индивид – семиотический полиглот, и только полиглотизм позволяет нам создавать многомерные репрезентации мира). В

данном случае языковая множественность культуры нейтрализует *Confusio linguarum* [10, с. 144].

Так возникает энантиосемия (внутрисловная антонимия) в языке жизни всеобъемлющей.

Причем познание бытия человеком и Богом разнятся: творец наделяет смерть революционным сознанием, которое достигнув зрелости, с эмфазой (эмоциональной выразительность) будет возвращаться к своему эстетическому истоку – жизни.

Примером этому служит дальнейшее: «Арсений ...зарыдал. С рыданиями выходили его слова. Нарушая безмолвие кладбища» [147, с. 23].

Тавтологичное образование “**зарыдал с рыданиями**” реализуется посредством фоники – гомеологии: повтора корня “рыд”, указывающего на родственность сигналов, сообщающих о типичности способа акциональности (действия), а также о конкретизации значения; морфемный ярус – суффиксальный способ образования (суффикс «ниј»); синтаксическая связь – **управление**, удостоверяющее, что в биноме реализуются отношения грамматической субординации между компонентами, в узком смысле – падежное примыкание; модель “V fin perfectum + prep. + N 5” (спрягаемая форма глагола прошедшего времени, совершенного вида + предлог + существительное в форме Тв. п.).

Отсюда конструируется одно из положений силлогизма – дефиниция смерти в романе. Она раскрывается в следующих семах: молчание (безмолвие), бездействие (обездвиживание), тишина, пустота: «...**жена его погибла... жена мертва**, поскольку только что **была живой. Он уговаривал жену встать и вернуться домой. Она молчала. И ничто не могло заставить ее говорить**» [147, с. 9].

«← Что такое смерть, – спросил Арсений.

– Смерть – это когда не двигаются и молчат» [147, с. 10].

«...Арсению казалось, что Андрон сейчас **встанет**. Но Андрон **не вставал**» [147, с. 16].

« Став полой (после смерти Христофора), жизнь настолько потеряла в весе, что Арсений не удивился бы, если порывом ветра ее унесло в заоблачные выси и, возможно, тем самым приблизило бы к Христофору» [147, с. 28].

В первой тавтологичной смысловой части, объединенной микротемой “Скоротечность жизни”, реализуется один из сегментов смерти – молчание, сдобренное невозможностью темпорального реверса (обратимостью), а именно возврата домой [124, с. 177]): Кроме того, данная реитерация живет по принципу обстоятельства уступки, что подчеркивает неизменность порядка вещей; создается аллюзия на план Всевышнего: Фонетической объективацией изучаемого тавтологического оборота является “корневая” гомеология (корень “говор”), денотатирующая расподобление двух родственных сем: уговорить – «настаивать на чем-либо» [133, с. 880], а говорить, в свою очередь, – «применять устную речь» [130, с. 582]); словообразовательная модель – префиксальная (приставка “у”); синтаксическая структура – **модель с однородными компонентами со значением явления**: два глагола, причем семантика одного близка по значению другому: объединение вербальных форм (V fin, imperfectum + Vinf).

Вторая смысловая часть с микротемой “Отсутствие акции” сопутствует разным сторонам восприятия человеком смерти, устанавливает связи на фонетической страте – редупликация корня “ста”; “дериватологическое” выражение – суффиксальное; интенционал, или понятие (значение), – проявление антонимического признака “**встанет, но не вставал**”, т.е. неподвижный; структурный план – **модель с однородными компонентами**: глагол в будущем времени + глагол в прошедшем времени (V fin + V imperfectum). Кроме того, коммуникема дескриптивна такой понятийной категорией, как ирреальная модальность, которая окрашена надеждой на победу жизнью над смертью; средство выражения – вербум “казалось”.

Третье ССЦ с семой “Пустота” представлено изосемией. По Ю.М. Скребневу, данный вид семантической избыточности выступает как “псевдотавтология”, т.к. при лексической тождественности существует расхождение в объеме понятийного содержания [81 с. 160–161].

Таким образом, на глубинном уровне негурируемая (отрицаемая) в Арсении ценность смерти активировала стимул, побуждающий его к радикальному поиску истины в инобытии, “в заоблачной выси”.

Важно зафиксировать свое внимание и на том, что смерть как помысленная вечность, вбирающая в себя любовь, – знак жизни; знак материальный, а значит,

чувственно воспринимаемый предмет, выступающий в качестве заместителя другого предмета, и наоборот [10, с.16]. «В лесу стоял полумрак. И трудно было определить, закат это или рассвет. Только когда чуть посветлело, стало понятно, что рассвет... Тело его спутника было таким же холодным, как земля. А я тепл...Я, который виноват в его смерти, тепл и жив. ... погубил его произнесенным словом. Если бы я не сказал ему, что готов, он не лежал бы здесь таким холодным. Помнил ведь Арсения Великого, неоднократно сожалевшего о словах, ... молчании. Не хочу говорить ни с кем, кроме тебя, любовь моя» [147, с. 72]. Здесь смысловая тавтология действует по принципу логического квадрата (Рис. 3.1.):

Рис. 3.1. Логический квадрат

Это означает, что отношения между “жизнью – любовью – смертью – молчанием” можно изобразить посредством квадрата, где А (общеутвердительное суждение) – жизнь, Е (общеотрицательные) – смерть, I (частноутвердительное суждение) – любовь, О (частноотрицательное суждение) – молчание [27, с. 89–92].

Исходя из контекста, умозрительным становится подтверждение относительности жизни и смерти, т.к. они соположены и абсолютно в этом случае равносильны. Об этом говорит закон №7: «если О истинно, то А ложно, Е неопределенно по истинности, I неопределенно по истинности» [27, с. 89–92]. Следовательно, в жизни, как и в языке, царствует релятивизм.

Также важно обозначить, что пропозициональная тавтология декодирует и аллюзию на преподобного отца, Арсения Великого, безмолвника [154, кн. 9, с. 268]. Так, молчание не только дыхание смерти, но и голос вечной экзистенции, мудрости и богомыслия.

Ценно и то, что общезначимое творит противоположения, чтобы превозмочь их. Таким способом производится исключение для исключительного. Содействие этому оказывает и естественное положение вещей: обхват, “хождение” Земли вокруг Солнца уже по своей природе задает цикличность. Соответственно, происхождение всего повторяется: прямая, вращаясь вокруг своего конца, образует спираль [113, с. 65]. Для умозрительности графически изобразим этот процесс в виде спирали Архимеда (Рис. 3.2.):

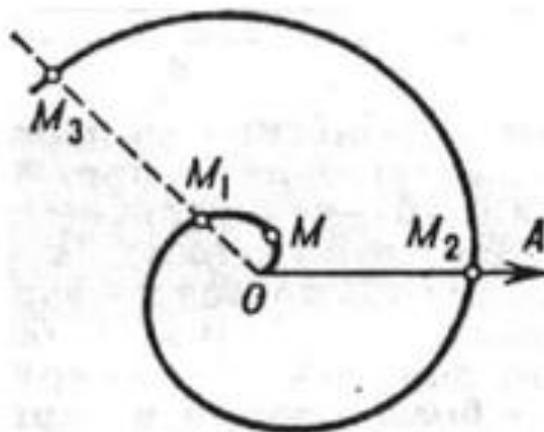

Рис. 3.2. Спираль Архимеда

Спираль Архимеда: все точки в прямой ОА одновременно двигаются на одинаковом расстоянии друг от друга. При этом спираль, стремясь к бесконечности, удаляется от центра и превращается в окружность [111].

Вывод: с одной стороны, жизнь и смерть в пределах человеческой мысли граничат со временем, с другой, – жизнь метафизична, трансцендентна, поэтому она поглощает смерть. Об этом свидетельствует интенция пропозициональной тавтологии: «**Время** (по словам купца), скорее, проклятие... на лицах праотцов еще сияла райская **вневременность... во времени** нуждается лишь **материальный мир**».

– Но только в **материальном мире** и можно действовать, – сказал Арсений. –... боюсь, что **время** может кончиться. Мы не готовы – ни я, ни она» [147, с. 129]. Более того, в последнем предложении вербализуется сема об искуплении греха в земном пространстве: Устин виновен в телесной смерти Устины. Искупление возможно путем совершения акта кенозиса: посредством уничтожения самого себя и принятия образа раба.

Безвременностью характеризуются и другие строчки, созданные на основе лексемной близости: «... имею **вечную** любовь и **вечную** жену» [147, с. 144].

Этимон лексемы “время” – «нечто вращающееся» [119, с. 82] – включает в бытие смерть и побеждает ее материальность, остроту восприятия; направлен на тотальную релевантность порождаемого им знания (в данном случае источником такого знания служит пропозициональный текст, прогнозирующий форму кольца, тем самым вторящий первичное суждение): «... ищи меня под именем Амвросий. Здесь... **время** более **не движется вперед, но идет по кругу, потому что по кругу идут насыщающие его события. А события здесь, любовь моя, связаны преимущественно с богослужением. Время, любовь моя, здесь очень зыбко, потому что круг замкнут и равен вечности**» [147, с. 171].

Так, отсутствие хроноса сопрягается с христианством: выживание после смерти восходит к физическому воскресению Иисуса [78, с. 61]. В мистическом корпусе Христа нет отличия между живыми и мертвыми. Живые могут поддерживать связь с покойными, и – наоборот [78, с. 62].

Необходимо заключить, что время склонно не только к кругу, но и спирали – самой идеальной форме из всех, созданной природой. В природе спираль Архимеда существует в трех базисных проявлениях: форме застывшей (раковины улитки), расширяющейся (изображения спиральных галактик) или сжимающейся (подобие водоворота). Молекула

ДНК также представлена двойным завитком, спиралью [1, с. 508]. Отсюда следует, что природа, а значит, и универсум, и совокупность естественных условий существования социума поощряет повторения, но не с чистого листа, т.к. лексическая единица “природа” диахронно разложима на префикс “при” и корень “род” (от латинского глагола “nascor” – «рождаюсь, возникаю») [119, с. 245]. Об этом свидетельствуют следующие строчки «...движение времени уподоблю **спирали**. ...повторения даны для **преодоления времени и нашего спасения**» [147, с. 172]. Так, тавтология представляет собой код, который реципиент коммуникативного акта должен “дешифровать”, т.е. определить естество вещей, стоящее за семантической избыточностью [17, с. 809]. Актуальность же изосемии (смыслового повтора) кроется именно в круге, который, возвращая главное действующее лицо и читателя к началу, но с иным исходом, позволяет исправить прошлое, выравнить кривую жизни, другими словами, аккумулируя опыт путем проб и ошибок, повтора, уточнений, вывести человечность на новый квалификативный уровень.

Результат: время господствует над жизнью и смертью, но при этом признает абсолютную власть творца; входит в его алгоритм эволюции, т.к. именно *tempus* (с латинского время) задает темп человеческому воскресению. Это своего рода гносеология (познание) Бога.

Кроме того, смерть изоморфична со сном, т.е. вербализуется воплощение базового концептуального признака – «физиологического состояния покоя» [127, с. 256]:

«Оба (старец Никандр и Христофор) были одинаково неподвижны, и оба как бы мертвы. Арсений, однако же, знал, что мертв из них был только Христофор» [147, с. 26]. **«Временное омертвление Никандра...он решил проделать с ним первые шаги в смерть. Потому что первые шаги – самые трудные»** [147, с. 26]. Здесь корневая тавтология “**мертвы – омертвление**” (редупликация “мертв”) образована при помощи основы процесса “омертве” и суффикса “ниј”, т.е. суффиксально; **координация** – синтаксическая модель –Adj +N1 (существительное в форме Им. п. «омертвление», выполняющее синтаксическую роль подлежащего + сказуемое, выраженное краткой формой прилагательного “мертвы”).

«Спи, спи, Устина, – шептал Арсений. И Устина спала. – Аз пребуду с тобою до сна твоего» [147, с. 31–32]. Изонимическая реитерация состоит из монолитного сплава

глаголов двух модальностей: ирреальной (средство выражения – глаголы в повелительном наклонении “спи, спи”) и реальной (ее репрезентация – глагол в изъявительном наклонении “спала”). Считаем необходимым указать на тот факт, что, с точки зрения семантики, дословное дублирование выполняет функцию приговаривания успокаивающего характера, которое ускоряет снотворный эффект.

Более того, сон способен модифицироваться в смерть, т.е. предстает императивным символом помысленной вечности, сигнализирующим об явных признаках смерти [116]. Так декодируется мысль о том, что плод и таксон (группа в классификации, совокупность предметов), т.е. женщина-мать, – связаны; ребенок питается, делит тело с матерью: «У Устины нарушился сон. ... она проснулась...Тело Устины очевидным образом испытывало на прочность ее дух. В утробе ... испытывала тяжесть и боль...стопы отекли. Оплывшими казались черты лица. В потухших глазах Устины видел усталость от беременности» [147, с. 38].

Итак, гомеология (повтор корня “сон/сн”, при выпадающем гласном) переходит на морфемный страт функционирования (способ образования – конфиксальный – префикс “про” + суффикс “ну”), лексический (семантика типичности, типичный объект) и синтаксический (**координация**: существительное в форме Им. п. и спрягаемая форма глагола: N1+Vf).

Экстензия (протяженность) физиологических метаморфоз усиливается развитием **плеоназма** “отекли и оплывшие”.

Так, по формуле С.Г. Бережану [8, с. 65]:

$$V = \frac{2C}{m + n},$$

где С – число общих семантических компонентов, или значений двух слов, а m или n – число семантических компонентов, или значений каждой из этих лексем, расстояние между вышеуказанными лексическими единицами увеличивается; оплывший (быть оплывшим) является последствием отечности, каузой:

$$V = \frac{2 * 1}{1 + 3} = 0,5$$

Отек означает «опухоль, возникшую вследствие скопления под кожей жидкости» [131, с. 840].

В свою очередь, лексема “оплыть” имеет следующие вербализации: 1. «отечь». 2. «Покрыться струйками от воска (приминительно к свече)». 3. «Сползти (под действием воды)» [131, с. 821].

Плеонастический оборот так же, как и тавтология, закреплён в системе языка: фонетическая и словообразовательная модель – основа глагола + префикс “о”; структурная модель с подчинительной связью – **управление**: Vf +participium (спрягаемая форма глагола + причастие).

Тяжелое состояние Устины дескрипруется также и посредством психологического параллелизма, который трансформирует «внешний» мир и тем самым отражает и создает «внутренний» мир человека, действующего лица романа: «Устина видела, что природа **умирает... Глядя, как облетают с деревьев листья, она также роняла слезы**» [147, с. 38].

Важным представляется и следующее обстоятельство: идея о том, что Танатос рождается из Эроса, в основном, построена на кольцевых сложных синтаксических целых (параллелизме в одинаковом начале и концовке), средством выражения которых является пропозициональная тавтология. Таким образом, мы восходим к энергии аристотелевской энтелехии – самодвижения смысла к зерну первосмысла.

Данный мыслительный конструкт получает дальнейшее развитие: «... **Она как бы ушла, а пришла другая. Или даже не пришла, – это прежняя Устина продолжала уходить. Капля за каплей** теряла свое совершенство, становясь все несовершеннее. Эмбриональнее как бы» [147, с. 40]. В этом примере тавтология представлена следующим образом: гомеология (редупликация корня «ш») формирует антонимические связи, способствующие утверждению аксиомы: жизнь из Устины продолжает уходить; ее апроприирует ребенок; аллитерация (итерация консонанта [ш]) декларирует быстротечность акции, шептания смерти; дериваты: префиксы «у и при», следовательно, – способ образования – префиксальный; структурная модель с **однородными компонентами**: V perfectum + V perfectum + V imperfectum + V inf (3 спрягаемые формы глагола в прошедшем времени со значением констатации фактивности действия и 1

составное глагольное сказуемое того же временного плана с аналитическим выражением семы действия в его течении, без указания на предел, границу). Таким образом, контаминация экстенсии акциональности героини содействует конкретизации качественных метаморфоз физической структуры обладателя.

Тавтологический оборот “**капля за каплей**” закреплён в системе языка удвоением корня “кап”; дериватологической характеристикой – дословным повтором; семантической классификацией: конвенциональной тавтологией, построенной по модели устойчивого выражения, включающего в себя мену одного из традиционных его элементов, а также содержащего иллокуцию – постепенность регрессии состояния Устины; моделью с подчинительной связью: неморфологизированным **примыканием** (существительное + предлог + существительное в форме Р. п. (N + prep. + N5)).

Диктум о телесности забвения манифестирован также изосемией, т.е. смысловым дуплетом с рекуррентной семой в лексических единицах (не слышу, не шевелится, не чувствовал жизни, не билось сердце, мертво, т.е. речь идет о смерти ребенка героини) [147, с. 40].

Смерть метафизична (не связана с условием топоса и хроноса). Усматривая устройство жизни и смерти в тексте коллизии (столкновение противоположных сил), реконструируется «абсолют-формула». Так, стирается их оппозитивность, сводящая жизненный исход к химере: «Снится, что **душа** его временами покидала тело и зависала под потолком. ... удивляясь отсутствию в доме Устиной **души**. Увидев Тут **душа** Арсения рассмотрела **душу** Устины. **Душа** Устины... подумала **душа** Арсения и хотела было прикоснуться к **душе** Устины. ... жест остановил **душу** Арсения. Смерть уже держала **душу** Устины за руку и собиралась ее уводить... заплакала **душа** Арсения ...спросила **душа** Арсения...в ходе жизни **души** нередко черствеют... [147, с. 42].

В первой части суждения «Он **спал два дня и две ночи** и все не мог отоспаться» [147, с. 63] реализуется лексемная близость, которой присуще такие особенности, как: 1) корневая гомеология (повтор корня “дв”), 2) с точки зрения семантики – интенсификация труда Устина, 3) модель с подчинительной связью – **примыкание**, неморфологизированно выражено контаминацией числительного и существительного в форме Р.п.: Cardinalia + N2.

Во второй части «Он понимал, что нужно было **бы встать**, и ему снилось, что **он встает**. Он **хотел осмотреть** Сильвестра,...**он его осматривает**» [147, с. 63]: 1) корневая и префиксальная гомеология (редупликация корней “ст”, “смотреть”), 2) семантический критерий – фиксация желаний, потенциальное действие, ирреальная модальность в широком понимании, 3) **модели с однородными компонентами**, сказуемыми: Praed + Cop + Vinf (нужно было бы встать – встает) + Vf; Vinf + Vf + Vf (хотел осмотреть – осматривает).

В третьей «Арсений знал, что это **ему снится... истинное положение вещей**. **Иначе бы ему приснилось что-нибудь другое**» [147, с. 63]: 1) корневая гомеология (корень “сн”), 2) смысловая детерминированность – вербализация вещего сна, знания, полученного ирреальным путем, 3) **модели с однородными предикатами**: Praed + Vf (2 раза: снится и снится) + Vf (снилось). Здесь осуществляется перевод знаков, образов, сопровождающих сон, в сферу чувственного, реального.

Важно также указать на то, что в более глубоком толковании в данных фрагментах романа проявляется конфигурация пропозициональной тавтологии с наложением синтаксического параллелизма, которая звучит как мантра (многократно повторяемое заклинание), которое делает сон исцеляющим, ведическим, магическим. Необходимо эмфазировать, что универсум нейтрализует экзистенциальный конфликт посредством пропозициональной тавтологии, рассмотренной выше, а также за счет многократной итерации лексемы “душа” (упоминается 13 раз). Это значит, что фиксируется внимание на вечности, ведь душа лишена материальности и познает начало [112, с. 112]. Более того, невозпроизводимость смерти констатируется конвергенцией (процессом сближения, схождения) Устины с Устином.

Следовательно, приходим к выводу: «никто не должен бояться, что наблюдение над знаками уведет нас от вещей: напротив, оно приводит нас к сущности вещей» [10, с. 9].

Поскольку смерть является многомерным, многоаспектным экзистенциальным явлением, проанализируем ее сигнификативно-денотативный потенциал на материале лексикографических источников: [115, с. 212], [133, с. 298 .], [124, с. 733], [135, т.3, с. 685–686], [128, т.13, с. 677–678], [109, т.23, с. 603–604], [117], [120, с. 1216–1217], [134].

Обращая внимание на не совсем корректное толкование изучаемого понятия, предлагаем собственную дефиницию, полученную путем семемного анализа (Таблица 3.1.).

Таблица 3.1. Сигнификативно-денотативный аспект концепта «смерть»

Лексико-семантический вариант смерти	Содержание
1	Конец плотской жизни (биологическая смерть, или прекращение физиологических процессов в клетках и тканях).
2	клиническая смерть (короткий период, в который отсутствуют видимые признаки жизни при сохранении обменных процессов в тканях).
3	Физиологическая смерть (старение).
4	Опасность, угроза для жизни.
5	Конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности (гибель, уничтожение).
6	О чем-либо очень неприятном, нехорошем, тяжком для кого-либо.
7	Очень бледен (аллюзия на прекращение кровообращение, работу сердечно-сосудистой системы; транскрипция (описание) одного из признаков смерти).
8	Выполнение поручения медленно, с большой задержкой (подразумевается ирония: смерть обычно искать не нужно, она сама находит; другие директивы такому человеку давать не будут из-за его бесполезности, некомпетентности).
9	Очень, в высшей степени.

В изучаемом произведении смерть, в основном, находит свое воплощение в первом и пятом лексико-семантическом варианте. Так, смерть – это своего рода дискретный объект, доступный эмпирическому наблюдению и одновременно непредметный объект, существующий в виде представления, если речь идет о духовной смерти, имманентной. Получается, что исход, или результат жизни, является предикатом (знаком, предназначенным для обозначения свойств отдельных объектов / классов объектов и отношений между ними), внешний, репрезентирующий радиальные отношения между жизнью, и внутренний, указывающий на свойство вещи, индексацию качества смерти; описание ее дифференциальных признаков, противопоставляющих конечный итог началу, развитию. Это значит, что в математической записи $(x) \{a, в \dots\} x$ (мироздание, всепоглощающая жизнь) выполняет функцию внутреннего предиката, поскольку является свойством каждого члена класса объектов $\{a (жизнь), в (смерть)\dots\}$. Выражение «а + в»

определяется как внешний предикат, говорящий о слиянии объектов «а и в», что приводит к смежности, неразрывности начал бытия [10, с. 34]. Об этом свидетельствуют тавтология и плеоназм.

Анализ неравномерности позиционного распределения повторяющихся единиц помогает описать динамику процесса становления целого. Принцип повтора проявляется на всех уровнях организации материального мира как фактор структурообразования экологической взаимосвязи текста с окружающей природной средой, континуумом. Колебания различающихся состояний структуры природного объекта (сплав языка и текста) определяют функциональные режимы существования всего живого и неживого. Следовательно, повтор с рекомбинациями создает разнообразие, калейдоскоп стяженной информации. Простота принципа редупликации делает объекты и системы более надежными, а “творческие неудачи” и “ошибки” природы самоустраиваются. Этот “генетический код” служит ключом к спрессованным смыслам [13, с. 54].

Таким образом, происходит категоризация, являющаяся основанием мышления и адаптации к миру. Категоризация – одно из сущностных свойств математической репрезентации [10, с. 34].

Жизнь, плавно следующая за смертью и наоборот, констатируются следующими признаками деятельности, функционирования организма: « Сердце питает все тело кровью... есть еще внутреннее ухо... Оно ведет звуки от внешнего уха к мозгу, и мозг превращает звуки в речь. К мозгу идут жилы и от глаз, и опять-таки мозг превращает буквы в слова... Ум – очи души. Когда эти очи повреждаются, душа становится слепа» [147, с.16]. Здесь мы встречаем пропозициональную тавтологию, которая подчиняет весь художественный дискурс одной мысли: статике и динамике человеческого устройства, мироустройства с антропоцентрическим уклоном. Поскольку жизнь формирует свой микротекст, важно отметить, что в данном случае нет опасности в движении к цели потерять саму эту цель за бесконечным числом ее проявлений; происходит абсолютная абсорбция материи, трансформация в другой текст, который каузирует эмерджентность, или свойство краткого античного определения: целое больше суммы его частей [13, с. 54]. Кроме того, засвидетельствованием семантической избыточности является анафора “оно”. Соответственно, в широком толковании каждое предложение зиждется на antecedенте

(предшествующей единицей высказывания, с которой соотносится последующая единица, поясняющая составляющие, расположенные в первой части).

Так, жизнь на базе тавтологии представляет собой знак, который способен «зацепить высказывание за мир». Знак – это не просто метка референта. Знак представляет его как текст [10, с. 37].

Неотъемлемым элементом жизни являются грехи как визуализация опыта: «**Грехи** средней тяжести, присущие мирянам и духовным». Мелкие **грехи** не произносятся вслух. Тяжких же **грехов** старец не записывал, опасаясь их увековечения. Он просил сообщать их ему на **ухо**, и в этом **ухе** погребал навеки» [147, с. 23]. При помощи копии полиптотона «грехи/грехов, ухо/ в ухе» игнорируется дифференцирование; мир неразложим, не поддается декомпозиции. Как результат, возникает абстрактная результирующая, инвариант (перманентные компоненты внешнего предиката “Танатос и Эрос”, ведущие к неизменной, “стабильной” экзистенции, так как грехи являются медиатором (посредником) между жизнью и “духовным выгоранием”, смертью, – посредством нарушения доминантных морально-этических правил). Необходимо подчеркнуть, что проговаривание грехов – это “одушевленное” слово, составляющее оппозицию молчанию.

Любовь и страх познаются в произведении как квалификаторы проявления деятельности, энергии: «... другая жизнь – полная **любви и страха. Любви к Устине и страха**, что она исчезнет... **Устина** не отделялась от его любви к ней. **Устина была любовью, а любовь – Устиной**» [147, с. 32]. Как можем заметить, создают кольцевой мотив парцелляция сложной коммуникемы и хиазм. Данная тавтология структурирована следующим образом: гомеология корневая “устин и люб”; лексемная близость; семантика – однородность, отождествление любви и Устины; структурная особенность: **координация**, ее модель – N1+ сор+ N5.

Сенсорика (в физиологии функция нервной системы, заключающаяся в восприятии внешних раздражителей), а также движение, оживление, вызываемые действиями живых существ тоже указывают на жизнь: « Ее охватила **боль**.... чувствовала, сначала было **болью в животе**, потом это распространилось на все тело... **боль всех окрестных хуторов** собралась в одной точке и вошла в ее тело...ее, **Устины, грехи** превышали собой **грехи** всей округи. И **Устина закричала**. И этот **крик** был рычанием. Он испугал

Арсения, и Арсений вцепился ей в запястье. Он испугал саму **Устину**... она отвела ногу, и **Арсений** стал ее ногу придерживать. Эта нога сгибалась и распрямлялась.... **Устина** продолжала кричать... молил Бога передать **Устинину** боль ему, передать хотя бы половину боли. В минуты же своего просветления **Устина** благодарила Бога за то, что ей дано мучиться за себя и за **Арсения**... в лоне **Устины** показалась голова младенца...голова была огромной. Голова не выходила. Его бросило в жар. **Жар** был нестерпимым... **Головы** младенца не было видно. **Крики Устины** стали тише...» [147,с. 41].

Данный текст – наслоение диктума (выражений), заключающих боль **Устины**, ее сложное положение, в замкнутый круг (кольцо) градационного свойства, – последовательность высказываний, упорядоченная автором; синтагматический аспект структуры целого выявляет сукцессивность и непрерывную направленность континуума вдоль временной оси, то есть от абсолютного начала к абсолютному концу текста. На линейную протяженность цепи локуции (предложений) накладываются интонационно-коммуникативные, прагматические и эмотивные характеристики, которые согласовываются с целым как его компоненты. Более того, крики **Устины**, или «невольное и сильное выражение чувств» [124,с. 307], являются олицетворением жизни, действием (в широком смысле) и одновременно антонимом к смерти, бездействию и тишине, молчанию.

Жизнь в значении деятельности человека в тех или иных ее проявлениях вербализуется на материале изонимии (дословного или корневого повтора) и изосемии (смыслового повтора), которая служит фоном, расширяющим прагматическую функцию тавтологии; инструментализует сознание. Так, для фиксации внимания на важных мотивах в этом фрагменте, а именно на понимании жизни и смерти, учитывая также и их дериваты, используются справедливо обусловленные периодические и циклические изменения, компенсирующие непреложный физический закон: замедление или ускорение течения субъективного времени. Итак, рассмотрим более подробно вербализацию лексемной близости: «**Слободские** поискали, не осталось ли где записки от **Арсения**. Но записки тоже не было. Никаких следов **Арсения** – **живого или мертвого** – **слободские** не нашли» [147,с. 51].

Изосемия «... было очевидно, что в доме больше никто не **живет**...порядок и был **нежилым**» [147,с. 51] “работает” по следующим законам: 1) фонемный уровень – редупликация (удвоение, повтор в широком смысле) корневой морфемы “жи” (гомеология), 2) морфемный уровень – префиксальный способ образования (основа глагола + префикс “не”), 3) лексический уровень – копирование признака, который заложен в вербиуме «не живет» с последующей конкретизацией, сужением значения, 4) синтаксический страт – **модель с однородным компонентом**: два сказуемых (Neg + Vf, или спрягаемая форма глагола, + сор + Adj, или глагольная связка и прилагательное).

Далее жизнь вновь сливается со смертью, в результате чего рождается бессмертное, новое начало: «...приложим все усилия... для грядущего **всеобщего воскресения**» [147, с. 46]. «... **ты виноват** в ее **смерти телесной**.. должен был бы сказать, что за гробом спасти ее **душу** уже поздно...» [147, с. 49–50]. «... предаю **дух** мой... даруй ми **жизн** **вечный**» [147, с. 50–51] (реализуется пропозициональная тавтология с элементами изонимической реитерации).

Тавтологический оборот лексемы “рука” совмещает категориальное номинативное значение, предметность имени существительного (одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев), коннотативное значение – атрибутив (целительные руки) [62, с. 49]: «Он клал **руку** на лоб больного. Или касался ею раны. Многие верили, что прикосновение его **руки** исцеляет» [147, с. 5].

Кроме того, корневой повтор лексических единиц «касался/ прикосновение» репрезентирует адвербиальное значение – способа и образа действия (Рукинец, врач, лечил касанием). Таким образом, данная лексемная близость (изонимическая тавтология) способствует формированию семантического равновесия высказывания, делает его информативным, т.к., по замечанию Е.Л. Вилинбаховой, тавтологические конструкции устанавливают тождество объекта самому себе лишь формально, а в речи несут иной, «нетавтологический» смысл [16, с. 50– 60].

Изонимическая реитерация лексем «Рукинец –и Рукиная (слободка) обуславливается обстоятельственной локативной семой, а именно месторождением

главного действующего лица: «Одно из них – **Рукинец** – отсылало к **Рукиной** слободке, месту, где он появился на свет» [147, с. 5].

Тавтологический оборот словоформы «слово» актуализирует вторичные значения. Данный имплицитный дуплексив выполняет функцию уточняющего обстоятельства (говорили, произносили слова для чего/ почему?) и функцию атрибутива (слова какие? обладающие силой, способностью заговорить болезнь): «Такое родство подразумевает, что в процессе лечения существенную роль играло **слово**. **Слово** как таковое – что бы оно ни означало. Ввиду ограниченного набора медикаментов роль **слова** в Средневековье была значительнее, чем сейчас» [147, с. 5]. Таким образом, посредством подобного рода имманентного синкретизма выстраивается кауза (причинно-следственная связь).

Повтор инфинитива «говорить» и его производных эксплицирует гетерогенное явление-сочетание значения причинности и цели (говорили почему/для чего?) и значения квантитатива (актуализируется сема «говорить довольно много»): «И **говорить** приходилось довольно много. **Говорили** врачи. Произнося ритмичные, внешне лишённые смысла фразы, они **заговаривали** болезнь, убеждая ее покинуть тело пациента. **Говорили** больные. **Говорили** родственники больных» [147, с. 5]. Следовательно, данное «наложение» смыслов способствует формированию усилительной коннотативной (экспрессивной) семантики [62, с. 49–50].

Необходимо отметить, что в седьмом абзаце главы романа Е. Водолазкина «Прологомен» реитератив лексемы “говорить” вступает в оппозитивные отношения с предыдущими тавтологическими конструкциями данного глагола, выражающего акциональность. На базе энантиосемии интенционала (понятийного содержания) – говорить довольно много и говорить очень мало-диссоциируется кореферентность (референциональное тождество). Возникает “внеположенность миру” (иная система декларируемых ценностей и законов, явно противопоставленная мирской), и диктуемая ею необычность поведения, богоцентричность. Ср.: «И **говорить** приходилось **довольно много**». «Особенность человека (Арсения Великого), что он **говорил очень мало** ... но о молчании я не жалел никогда» [147, с. 5].

Дублирование корневой морфемы, или радикальда «молч/молв» в лексемах “молчание, безмолвно, безмолвие”, – лишает слово главного атрибутивного значения

(целительных свойств), меняется его коннотация: «...о **молчании** я не жалел никогда. Чаще всего он **безмолвно** смотрел на больного... Он обводил присутствующих внимательным взглядом, и его **безмолвие** передавалось собравшимся» [147, с. 5].

Так, подчеркивается способность лексической единицы каузировать эффект плацебо: «Иногда им (больным) **казалось**, что вместе с тягучими, пропитанными болью словами мало-помалу из них выходила болезнь» [147, с. 5]. Душа воспринимается как смысл жизни и мерило ценностей. Духовное начало возвышается над телесным, мирским, формируя при этом дуализм, ведущий к христианской сакральности и отчасти сотериологии (богословскому учению об искуплении и спасении человека). Об этом свидетельствует следующий речевой отрезок: «...или: тело твое пришло в негодность, готовься его оставить; знай, что оболочка сия несовершенна» [147, с. 5].

Денотативно-сигнификативное значение тавтологических иллюстраций соотносится с категориально-грамматическим значением, посредством которого осуществляется их семасиологическая связь предметно-логического содержания с материальной формой [62, с. 50].

В Великом селе Арсений продолжил заниматься **врачеванием**, что, безусловно, является стимулированием, активизированием **жизни** [147, с. 54–55].

«Днем Арсений обходил дома больных, а ночью **молился** о даровании им здоровья, а также о том, чтобы болезнь не умножалась» [147, с. 56].

«...видел проявление безграничного **милосердия Божьего** и **поощрение к борьбе за ее жизнь**» [147, с. 61–62]. «... **обращался к Господу...**» [147, с. 63].

« Устина жива, и дитя живо, и жаждут быть **отмолены**. Кто **отмолит** их, если не согрешивший?... Мы разделим с тобой **молитву**. Его **молитва** угодна Господу. Будем втроем **молить...**» [147, с. 68–69]. «...Устин ... просит их не оставлять свою **молитву**» [147, с. 82–83].

В вышеуказанном тавтологическом пропозициональном блоке с микротемой «Молитва» придается речевому акту религиозная эстетика, которая выполняет функцию консенсуса, т.к. молитва – это хвалебное, благодарственное или просительное обращение к Богу, святым; еще одной релевантной репрезентацией словесного образа индивида является следующее: установленный текст, читаемый или произносимый верующим при

обращении к Богу, к святым [117]. В результате этого процесса исцеление получает не только тело, но и дух. Таким образом, этому согласию между актуальным (Богом) и потенциальным (Арсением) деятелями отвечает семантически избыточный знак спрессованного характера, абсорбирующий многократную апроприацию лексемы «молить», ее семантически мотивированных элементов и дериватов (в тексте используются 10 раз). Так, «микрочлишированный», но макровариативный текст творится из только внешне застывших конструкций, несущих «нетавтологический» смысл; он делает нравственный императив (обращенность к Богу) созидательным.

«...несколько **жемчужин** и мелко их истер...**возвращало силы. Силы к больному вернулись... возвращались** они и к другим **больным...жемчуг больному** не повредил. Главная роль принадлежит **лекарю** и его врачующей силе» [147,с. 66].

«... **лечить белозерцев...** привлеченные известиями о **Враче**. Сначала Арсений сажал их **в сенях**. Когда места **в сенях** не хватило, он велел поставить несколько **лавок...** **Он** принимал... успевал занимать **лавки....Они** бродили по двору, ожидали от **Врача** милости. **Они** знали».

«**Больных** было много... **Привозили поломавших кости**. Арсений выравнивал их кости и перетягивал поврежденные места холстинами с целебной мазью...И срастались их **кости**».

«**Привозили обожженных на пожарах и обваренных кипятком...** прикладывал к **ожогам полотна Меняя полотна, присыпал ожог Пить обожженным ... время ожоги** их начинали затягиваться...» [147, с. 67].

«**Приезжали мучимые глистами...**оставался какой-то вид **глистов, Арсений...**, чтобы **глисты** вышли... **глистов** было много».

«**Лечились** у него **страдающие от геморроя...** кого **чесется грудь. Он** предписывал сельдь ... приложить к **груди. Приезжали ... с больными деснами. Он** советовал...» [147, с. 67–68].

Так, положительно оценивается реакция замещения: одно выдается за другое (количество сменяется качеством). Следовательно, такие симулякры (имитация неинформативности знаков) открывают путь в инфинитность (бесконечность) глубины «тайнописи»: выздоровление тела ведет к жизни в узком смысле. Кроме того, семантико-

ритмическая организация дискурса, задаваемая изонимической реитерацией (лексемной близостью) и изосемией, или смысловым повтором, свидетельствует о продуктивной, активной деятельности Устина. Плеонастические обороты “поломавшие кости, обожжённые на пожарах и обваренные кипятком, мучимые глистами, страдающие от геморроя, те, у кого чешется грудь, больные деснами”, частично сводимые к гиперониму “больные” [130, с.170], и поэтому конкретизирующие значение недуга, тем самым подчеркивающие многогранность знания протагониста, – заключены в тавтологическое кольцо. Это обстоятельство сигнализирует о том, что врачевание Арсения и его последствия цикличны. Вывод: интертекст скрыт за текстом. Отсюда силлогизм: человеческое тело, соматическая часть втянута в процесс метаморфоз, который метонимичен и метафоричен или даже символичен как результат, т.е. оздоровление внешней оболочки сопряжено с “поправлением” духа как сосредоточия ума, сознания, силы, а, значит, и действия, а также души (истинных желаний); дух – медиатор между смертной жизнью и загробной жизнью, ее новый уровень абстракции – символ. Следовательно, пропозициональная тавтология, формирующая идентичность художественного дискурса, частично опирается на форму; ее содержание вырастает из комбинирования закодированной, сжатой информации. Другими словами, тавтология десемантизируется как речевая погрешность, поскольку она обладает своим универсальным предметным кодом (невербализованной речью), который реципиент коммуникативного акта должен декодировать, т.е. вывести значение за рамки слов, тем самым придавая ему вербальное описание.

Близким по значению к жизни является катарсис. Поскольку знак обращен к интерпретатору своей материей, воспринимается органами чувств, многократная фиксация его дуплетов, облегчает работу читателя с толкованием, распределением значимого [10, с. 31]: «...дан был Амвросию дар слез... слезы омывали лицо. Слезы текли по морщинам... не хватало этих морщин...появились новые морщины...это были слезы печали... оплакивал Устину и младенца...всех, кого он в жизни любил... оплакивал тех, кто любил его... оплакивал и тех, кто его не любил ...и тех, кто любил, но мучил... оплакивал себя и свою жизнь... Надеюсь, что проживает жизнь Устины...». «...слезы печали сменились слезами благодарности...благодарил

Всевышнего... пока **жив...** **Слезы благодарности** вызывало то, что он еще **жив...** может совершать **добрые дела**. Амвросий **благодарил** Господа... к совершению **добрых дел**».

«Слезы омыли... душу. Впервые в **жизни** чувствовал, что **душа его умиротворяется...** Постепенное **умиротворение...** **Умиротворение** было связано с надеждой, которая крепла с каждым **прожитым** днем...не сомневался в правильности своего **пути...** **идет путем** единственно возможным» [147, с. 175].

Так, лексема “слезы” во фрагменте встречается 6 раз, процесс «плакал» и его дериваты – 4, благодарность (благодарил) – 4, морщины – 3, лексем с корнем “жи” (жизнь) – 10, аффективное образование (глагол «любить» – 3, бином «добрые дела» – 2, обозначение пути – 2, умиротворение/ умиротворяется – 2 раза. Данная изонимическая реитерация внутри вращения смыслового повтора выполняет функцию сигнализирования о центральных этапах духовного просветления, обновления уже монаха Амвросия. Жизнь, жизненный путь связан с духовным очищением, возвышением посредством страдания, сострадания, истинной любви и спасения других. В этом заключается сознание святого, его опытная реальность, которая не является темой мирских теоретических суждений.

«... многие теряют **веру в целительные способности** Лавра.Лавр не лечил – он **исцелял, а исцеления** не связаны с опытом... **исцеление** признается только за достойным. ...**Всякое исцеление** рождается из **веры** в него...Они мне больше не **верят...** И **слезы** омывают щеки его» [147, с. 198].

Здесь люд концептуализирован как антропологическая константа, которая имплицитно себя уничтожает (лжевидение грехопадения другого позволяет предать своей жизни наивысшую аксиологичность). А чтобы спасти себя и индивида, Лавр развивается экстенционально, возмещает внутренне присущую ему (индивида) упадочность. Об этом свидетельствуют тавтологические знаки: пятикратное упоминание лексем с корнем «цел» (исцелял, исцеления), семантика которых состоит в том, чтобы сделать человека одним целым и с душой, и телом. Для этого необходима вера, служащая устойчивостью духовного бытия (ее важность эмфазирована троекратным употреблением).

Также нам представляется ценным то, что репрезентанты изонимической реитерации находятся в контексте пропозициональной тавтологии, рекуррентная функция

которой состоит в развертывании темы во всей ее экстенсии, прогрессии: вычленяется полярность двух “экосистем” – мирской и божьей.

Для полноты сентенции раскроем принцип действия элементов смысловой тождественности (изонимической реитерации) в речевой цепи: а) **исцелял, исцеления** 1) фонемный уровень – гомеология (корневой повтор “цел”), 2) морфемный – суффиксальный: основа глагола + суффикс “-ениј-“, 3) лексический – действие, повторяющее субъект, 4) синтаксический уровень – **координация**, значением субъекта: N1 + Vf (существительное в форме И.п. + спрягаемая форма глагола); б) **из веры – не верят**: 1) фонетический аспект – дуплетность корневой морфемы “вер”, 2) морфемный – нет дериватов, которые бы манифестировали, точно определяли дериватологию, 3) лексический – антонимическое значение, противопоставление, 4) синтаксический уровень – реализуются синкретичные отношения: объектные и обстоятельственные отношения образа действия; способ выражения: форма слова , служебное слово; при широком понимании – **управление**, дистантное, слабое, при узком – **падежное примыкание**; синтаксическая модель: Vf + prep.+ N2 (спрягаемая форма глагола + предлог “из” + существительное в форме Р. п.

Ранее мы отмечали, что тавтологические обороты могут коррелировать с теми значениями, которые они надстраивают над своими основоположными значениями, т.е. речь идет о спиралевидном течении времени и жизни: «... повторения на свете нет: существует только подобие» [147, с. 153]. Шанс пережить ретроспекцию, впитывающую в себя внешние и внутренние импульсы, при этом активно воздействующие на мироустроение, способствует завершению истории Лавра, закрывает цикл его вины перед Устиной: «Он (Лавр) **берет в руки ее** (Анастасии, беременной сироты) ладонь, и в нее вливается прохлада. **Он берет в руки** ее боль. Впитывает **капля за каплей...** подбросить в **костер** веток..пламенем **костра.. Костер** трещит и выбрасывает **искры. Искры** взлетают... **Некоторые** гаснут. **Некоторые** летят выше... **Глаза** ее направлены ... **Глаза** ее отражают блеск **костра**» [147, с. 200]. Здесь сама природа внемлет главному герою, а через нее и Бог, что направляет на Лавра центростремительную силу, дарующую ему успокоение души, вечную жизнь: «**Глаза Лавра закрыты. На его веках** лежат первые **лучи** солнца. **Лучи** скользят. Иголки сосен **светятся...** **запах** проснувшегося леса. **Мох** мягок. **Полон** существ... Касается губами его **руки. Рука** прохладна, но еще не

холодна. Я проспала твою смерть... тебя провожал мой **ребенок**» [147, с. 201]. Так завершается земной путь Лавра посредством передачи своей жизни новорожденному. Этим обстоятельством и десемантизируется тавтология, и обуславливается Архимедова спираль.

Поскольку концептуализация представляет собой понятие, описывающее процесс познавательной деятельности человека, с помощью которого он осмысливает поступающую информацию, представляется релевантным изучить специфику десигната «жизнь» с точки зрения философии и лингвистики опираясь на лексикографические источники [116, с. 483], [130, с. 870 стб.], [110, т.16, с. 139], [128, т.4, с. 77–80], [137, с. 186], [136, с. 52, 54, 57], [124, с.197], [117], [120, с. 306], [134].

Учитывая непоследовательность различия семем, предлагаем собственную дефиницию, полученную путем компонентного (семемного) анализа (Таблица 3.2.).

Таблица 3.2. Сигнификативно-денотативная реализация концепта «жизнь»

Лексико-семантический вариант концепта «жизнь»	Экстенционал
1	Совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи. Возникновение жизни на Земле (жизнь Вселенной, законы жизни).
2	Физиологическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти.
3	Ограниченный определёнными временными и пространственными рамками образ существования кого-либо.
4	Рассказ о чьей-либо жизни, описание ее; биография.
5	Деятельность общества и человека в тех или иных её проявлениях (общественная жизнь, семейная жизнь, духовная жизнь).
6	Реальная действительность во всей совокупности ее проявлений (бояться жизни, жизнь есть борьба и труд).
7	Оживление, проявление деятельности, энергии.

Понятие «жизнь» в романе реализуется практически в каждом ее лексико-семантическом варианте, а именно в 1, 2, 5 и 7 лексико-семантических вариантах.

В силу того, что характер соотносится с деятельностью общества и человека в тех или иных её проявлениях, а кошка является по своей натуре равной человеку, рассмотрим ее жизнь на материале рассказа В. Токаревой « Кошка на дороге» [176, с.5]. Таким образом, мы докажем, что жизнь – концепт (мысленное образование, замещающее нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода, является «базовой единицей мыслительного кода человека, которая обладает относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющей собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущей комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету)» [87, с. 100–101].

Итак, при описании внутреннего состояния, душевного равновесия одного из главных действующих лиц рассказа В. Токаревой «Кошка на дороге» – Климова – используется фразеологизированный оборот плеонастического происхождения «**додумывать до конца**»: «Гулять он не умел и не любил, потому что незанятый мозг устремлялся в воспоминания, в додумывание ситуаций, которые он не хотел бы **додумывать до конца**» [176, с. 2].

Обращаем внимание на то, что плеоназм «**додумывать до конца**» является конвенциональным (принадлежит кодифицированному современному русскому языку; отвечает требованиям нормы) и так же, как фразеологизированный тавтологический оборот, по Т.Г. Крапотиной, обладает устойчивостью – неизменностью (ни один из компонентов тавтологического сочетания не может быть опущен или заменен другим), идиоматичностью (значение выражения не связано со значениями составляющих его компонентов) и, наконец, воспроизводимостью (использование в речи в фиксированном виде, как готовая единица) [41]. Однако данный грамматический плеоназм не расценивается как избыточный, т.к. префикс “до” (способ образования – префиксальный) и омонимичный предлог обозначают доведение действия до конца, т.е. являются фазисными. Таким образом, утверждение с фазисным глаголом и предлогом делают возможным не только констатировать наличие у грамматического субъекта динамических признаков, но и акцентировать внимание на их темпоральной изменчивости. Так происходит трансляция активности определенных признаков не только в окружающем

мире объективной реальности, но и внутреннем (ментальном) мире субъективной реальности. Кроме того, плеоназм раскрывается на фоне тавтологии “**додумывание ситуаций и додумывать до конца**”, играющей ключевую роль в произведении, т.к. представляет собой эссенциализм, или субстанциализм, – философскую установку, которая заключается в том, что у вещей есть некая глубинная реальность, истинная природа, которую нельзя узреть напрямую, и поэтому важной представляется эта скрытая сущность, а именно: «Довести хотя бы один раз начатое до конца, все исправить и выверить по законам его, климовской, совести ...» [176, с. 6]. Данные плеонастические обороты построены посредством **управления**, синтаксическая модель: Vf+ prep.+ N2 (спрягаемая форма адвербиума + предлог “до” + номен в форме Р. падежа). Обличение веры Климова в то, что «... деревья – это умершие люди, и может статься, что в лесу среди деревьев присутствует какой-то очень дальний родственник, живший еще во времена Ивана Грозного» [176, с. 2], происходит при помощи тавтологического биннома (с точки зрения диахронии) «**по сегодняшний день**».

Прилагательное “сегодняшний” образовалось сращением в одну лексему словосочетания древнерусского языка сего дня – “этого дня” (от *сь днь) [137, с. 590]. Это значит, что произошел процесс опрощения, интеграции, – слово с производной основой изменяется в слово с непроизводной основой [54, с. 579].

Важно отметить, что впервые данной проблемой занимался В. А. Богородицкий, который определил опрощение как «морфологический процесс, приведший к утрате лексемы со сложным морфемным составом значения отдельных своих морфологических частей, в результате чего новообразованная лексическая единица становится простым символом данного представления» [54, с. 579]. Основная причина морфемной абсорбции – интралингвистическая: изменение лексического значения исторически производных слов (по направлению к современному состоянию языка, одним из лексико-семантическим вариантов прилагательного “сегодняшний” является «относящийся к настоящему времени, происходящий сейчас» [124, с. 706]. Таким образом, произошла смысловая модификация. Необходимо обратить внимание на тот факт, что расширение значения неразрывно связано с семантической деривацией: процессом появления у слова нового компонента семы; в данном случае возникает конкретизация значения. Следовательно, речь идет о

полисемии, которая объясняется тем, что жизнь лексической единицы не укладывается в жесткие рамки первоначального смысла.

Релевантным представляется упомянуть следующее: глубокое убеждение Климова сопровождается аффективным дублетом «спокойно и умиротворенно»: «Находясь в лесу, Климов чувствовал себя **спокойно и умиротворенно**, как будто приехал домой на студенческие каникулы» [176, с. 2–3]. Акциональность тавтологического бинорма описана на морфемном через призму сложносuffixальной организации (сложение основ и одновременное присоединение ко второй основе суффикса), на синтаксическом – **модель с однородными** обстоятельствами образа действия: Adv +Adv.

Вышеуказанная формула-синтагма, или синкретичное сочетание слов, имеющая один и тот же семантический множитель, относится к “породе” не плеонастического состава, а тавтологического. Доказать данное положение поможет нам исследование интенционала приведенных адвербиумов (Таблица 3.3):

Знание значений языковых выражений позволяет рассчитать коэффициент сходства и близости.

Таблица 3.3. Сигнификативный потенциал на материале словарей – кошка

Лексема	Словарь	Дефиниция
1) Спокойно	Толковый словарь русского языка Д.Н.Ушакова [133,с. 444 стб.]	1. «Находящийся в состоянии покоя, малоподвижный или неподвижный». 2. «Исполненный спокойствия (во 2 знач.), лишённый тревог, забот». 3. « Ведущий себя тихо, не беспокоящий, не раздражающий». 4. «Такой, что позволяет избежать беспокойства, неудобств, сохранить спокойствие (то же, что покойный в 1 знач.)».
2) умиротворенно	Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова [133, с. 472, 944]	1. «Прич. страд. прош. вр. от умиротворить». 2. «только полн. формы. Достигший умиротворения, спокойный. Умиротворенное состояние».

Рассмотрим семантическое сходство между словами – синонимами посредством количественных методов С.Г. Бережана [8, с. 65]:

$$V = \frac{2C}{m + n},$$

итак, используя данную формулу, получаем результат:

$$V = \frac{2 * 3}{4 + 2} = 1$$

Следовательно, здесь подразумевается смысловая тождественность элементов речевой цепи.

Именно поэтому данная формула-синтагма знаменует транспозицию сенсорной отвлеченности в сферу ментальной абстрактности, именно поэтому и является результатом психической акции индивида [49, с. 86]. Таким образом, реализуется потенция для прагматики, говорящая об интенциональности использования подобных конструкций в речи.

Следует отметить, что широкое понимание тавтологии, различные подходы к оценке нормативности/ ненормативности её употребления, прагматические особенности обозначенного явления позволили лингвистам описать несколько видов тавтологии. Так,

характеризуя первое появление кошки в рассказе, автор оперирует пропозициональной (скрытой) тавтологией, которая расширяет свои значения посредством «прикрепления» слов с той же основой, что и в первой части высказывания, в результате чего возникает сужение смысла – его конкретизация (в данном случае развернутость эмотивного поведения животного во времени); тавтология становится мнимой: «**Может быть, эта кошка всю зиму просидела в пустой даче, ожидая хозяев, теперь обиделась и отчаялась и вышла на дорогу, прихватив все свое отчаяние и возмущение**». Оценка глазам кошки дается через призму плеонастического эпитета «**глаза желтые, цвета древесных опилок**»: «Глаза у нее были **желтые, цвета древесных опилок**, с продолговатыми прорезями зрачков» [176, с. 3]. Продемонстрировать обстоятельность этого суждения позволяет обнаружение вариативности в цветах (желтом и оранжевом), имеющих физическую реализацию. Однако данный плеоназм считается относительным, т.к. существует градация признака [102, с. 9]. Кроме того,

актуализируется связь кошки с луной: способность изменять форму зрачка символизирует фазы луны; луна была созерцательницей в ночных небесах, и кошка олицетворяла ее на земле [107, с. 130]. В этом также прослеживается аллюзия на свободу и равноправие питомца по отношению к человеку. Вместе с тем предикативные словосочетания цветообозначения мотивированы так: основа прилагательного + суффиксы “ес и н” (суффиксальное словообразование); синтаксическое воплощение – **модель с однородными** предикатами: Praed cop +Adj+ N2 +Adj +N2.

При описании нежелания кошки идти по пятам Климова речевой обиход усложняется изонимической итерацией (повтором лексемы «след»): «Кошка замолчала и двинулась **следом**. Не возле ноги, как собака, а **следом**. Она не собиралась заискивать и шла там, где ей было удобнее» [176, с. 3]. Более того, слитность компаративной и тавтологической структур усиливает экспрессивность модели, интенсифицирует своенравие кошки.

В основу волеизъявления действующего лица избавиться от надоедливой зверя входит плеонастический фразеологизм «**ни стыда, ни совести**»: «Климов оглянулся и заключил: – **Ни стыда, ни совести**... А еще кошка» [176, с. 4]. Об этом свидетельствует силлогизм, парный характер названных явлений: стыд – это «реакция смущения на неблагоприятность своего поступка, поведения; является показателем совести, моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед социумом» [116]. Синтаксическая реализация – **модель с однородными дополнениями**: Neg N2 + Neg N2.

Необходимо заключить, что данная единица обладает ярко выраженной функционально-стилистической характеристикой. Выполняет в языке не только номинативную, но и стилистическую функции. Именно этим положением мотивирована и дефиниция фразеологизмов: данные формы языка рождаются на базе метафор, и потому их происхождение больше не рациональное, а эмоциональное [83, с. 8].

Таким образом, тавтология и плеоназм могут быть и своего рода имплицатурой, связывающей явления внешнего мира в коллективном психолингвистическом процессе. Кроме этого, прослеживается контаминация скрытого смысла с рациональностью и экономией речевых средств. Следовательно, вышеупомянутые языковые явления можно

дефинировать как концепт, сочлененность лингвокогнитивного, лингвокультурного и психолингвистического начал [60, с. 269].

Но для конструирования концептуального образа понятия необходимо вычленив общее семантическое ядро, например, объединяющим элементов для всех единиц, представляющих собой полисемант, является характер кошки.

Определению концептума лексемы «характер» способствует ее этимология. По данным этимологического словаря Шанского, характер восходит к латинскому *character*, передающего следующую информацию: «мечу, ставлю клеймо, царапаю» [139]. Но сведения являются неполными без углубления в плоскость экстенционала рассматриваемого понятия.

Итак, изучив его репрезентацию, приходим к выводу, что характер – это «совокупность психических свойств человека», а также «качество чего-либо» [124, с. 857].

Подытожив словарный фактический материал, выстраиваем лексико-тематическую группу “характер”, позволяющую контурировать когнитивные слои концепта: обиделась и отчаялась, глаза желтые, цвета древесных опилок, двинулась следом (не возле ноги, как собака, а следом), ни стыда, ни совести (Рис. 3.3.).

Значит, ядро концепта “характер” составляют: двинулась следом, ни стыда, ни совести (перманентные признаки), к ближней периферии относится скрытая тавтология: «...теперь обиделась и отчаялась, и вышла на дорогу, прихватив все свое отчаяние и возмущение», а дальнюю периферию формирует плеонастический эпитет «глаза у нее были желтые, цвета древесных опилок» [63, с. 270].

Таким образом, связность содержательных слоев концепта, исследуемых выше, приводит нас к языковому сознанию, под которым необходимо понимать квант, или часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании [71, с. 10].

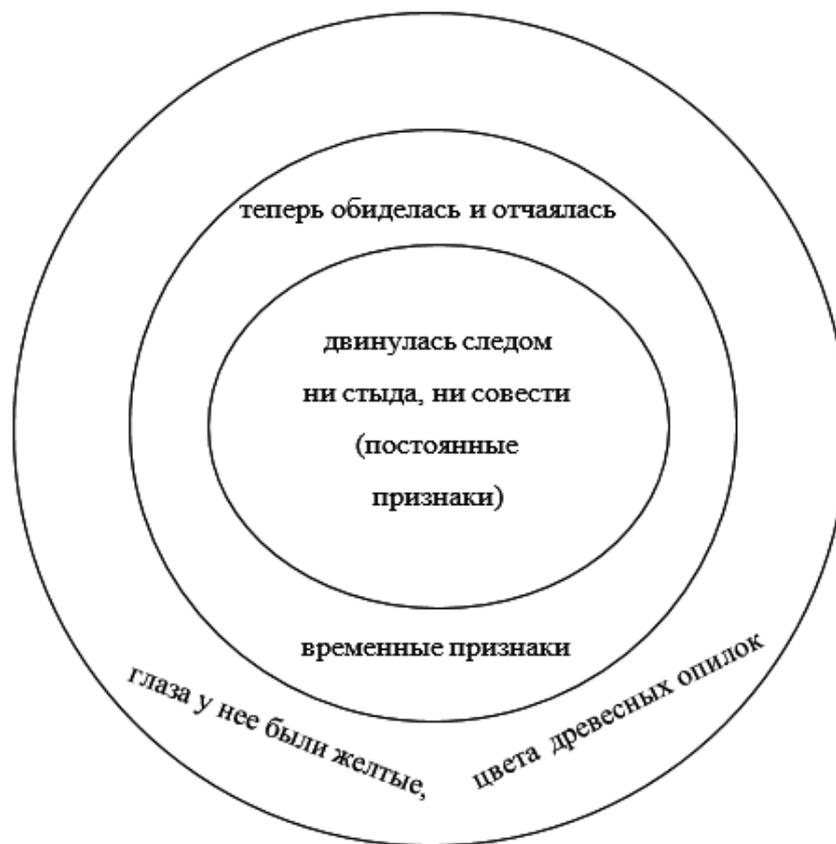

Рис. 3.3. Концепт «характер»

Кроме того, дублируются не случайные слова, а лексические единицы, «прецедентные» для данного текста. Семантическая избыточность фиксирует внимание на смысле читаемого. Здесь отмечается феномен сознания, а именно диалог сознаний автора и читателя что и образует, в свою очередь, определенный сверхсмысл дискурса [61, с. 270].

Итак, обозначим составляющие полевой модели концептов:

Концепт «жизнь»: **Ядро** (совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи; жизнь Вселенной, законы жизни); **ближняя периферия** (физиологическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти); **дальняя периферия** (деятельность общества и человека в тех или иных её проявлениях); **крайняя периферия** (оживление, проявление энергии) (Рис. 3.4).

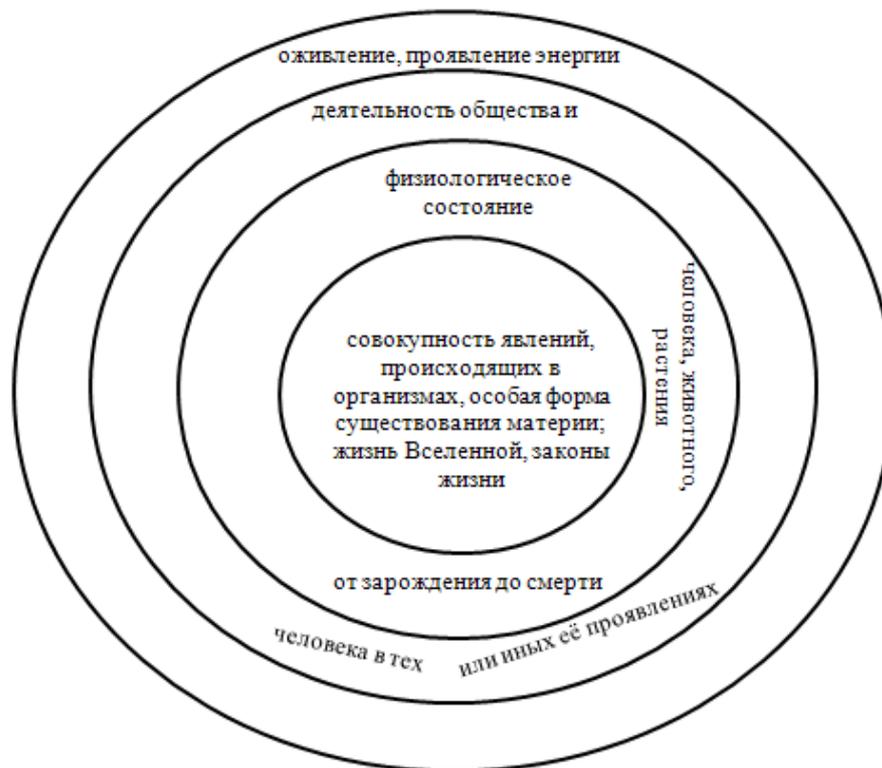

Рис. 3.4. Концепт «жизнь»

Когнитивная объективация концепта «смерть»:

Ядро (конец плотской жизни, биологическая смерть, или прекращение физиологических процессов в клетках и тканях); **ближняя периферия** (конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности) (Рис. 3.5.).

Рис. 3.5. Концепт «смерть»

3.3. Сравнительный анализ употребления тавтологии и плеоназма в исследуемых дискурсах

В результате проведенного анализа мы выяснили, что случаев уместного употребления в публицистическом дискурсе тавтологических выражений – 112. Это доказывает, что тавтология, в основном, относится к «небуквальным иллокуционным актам» и состоит, по верному замечанию К.Баха и Р. Харниша, из 3 базовых компонентов: 1) что говорится; 2) что делается и, наконец, 3) выражаемое (намереваемое) отношение между участниками коммуникации. Но для того, чтобы говорящий и слушающий пришли к общему знаменателю, т.е. дескрипировали суть скрытых знаков, им необходимо располагать общими контекстуальными знаниями (mutual contextual beliefs) [103, с. 5]. Отсюда следует, что только на протяжении всего речевого акта представляется возможным актуализировать смысл, выявить результат когниции высказывания [2, с.:41; 9, с. 32]. Данное положение становится обоснованным семантикой термина «функция» в лингвистическом представлении: функция – это назначение единицы, ее действенность в процессе имплементации коммуникативного акта. Такую функциональность номинируют антракоммуникативной [75,с. 13 – 14].

Так, напрямую с функциональностью связана и прагматика, изучающая силу слова. Примером является следующее замечание: тавтологии в газетах чаще всего выполняют репрезентативную функцию (утверждения, объяснения и заверения со стороны говорящего) и сатисфактивную функцию (изъявляют извинения, благодарности, ответы, оправдания).

При этом основополагающим прагматическим фактором тавтологических высказываний является коммуникативная функция, которая реализуется при помощи текстовых функций. Текстовые функции координируются местонахождением аффирмации в соотносимом отрывке, нейтрализующем семантическую погрешность и открывающем сущностное содержание выражения языка (отсылка к антропоцентризму, т.к. «призвание» определенных понятий или действий определяет конкретная личность или общество), а также направленностью контекстуальных связей. Следовательно, маркируются 4 текстовые функции:

а) интродуктивные тавтологии (открывают текстовой фрагмент; обычно помещена в заголовок. Такие выражения вовлекают и готовят слушателя к дальнейшим семантическим константам (событийности) посредством одинаковых сигналов, что улучшает восприятие материала);

б) резюмирующие тавтологии (употребляются в конце отрывка и служат для напоминания, корректирования ранее сделанных выводов [28,с. 58– 61];

в) инкорпорирующая функция;

г) функция радиальной направленности контекстуальных связей, соединяющая все абзацы, части текста в одно целое.

Что касается плеоназмов, несмотря на наименьшее их количество использований, по сравнению с предыдущим видом редундантности (**10 фактов** уместного употребления), они так же, как и тавтологии, занимают сильную позицию, относятся к «авторитетным» сигналам в семантической структуре текста, а также усиливают эмоциональность и эстетический эффект [2, с. 224]. Поэтому плеонастические выражения чаще всего выполняют только стилистические функции: конкретизации значения, интенсификации значения, оценки, а также психологическую, подчеркивающую личность продуцента.

Необходимо отметить, что вышеперечисленные функции не чужды и тавтологии, т.к. человеческий мозг в своей сущности устроен одинаково и образует интегративные отношения.

Однако становится очевидным, что спектр действенности плеоназма отличается наименьшей активностью по сравнению с тавтологией. Данное обстоятельство еще раз позволяет нам констатировать, что «тавтологическая избыточность» является более живым, динамичным и развитым языковым феноменом.

Кроме того, мы обнаружили и случаи по-настоящему избыточной экспликации: **54 факта** неоправданной тавтологии и **3** – неоправданного плеоназма. Это значит, что тавтологические и плеонастические утверждения квазикоммуникативны, имплементируют фатическую функцию, не вносящую в сообщаемое ничего нового.

Таблица 3.4. Потенциал тавтологии и плеоназма в публицистическом дискурсе

	Уместная/ый	Неуместная/ый	Итого	Ум(%)	Неум(%)
Тавтология	112	54	166	67,47	32,53
Плеоназм	10	3	13	76,92	23,08

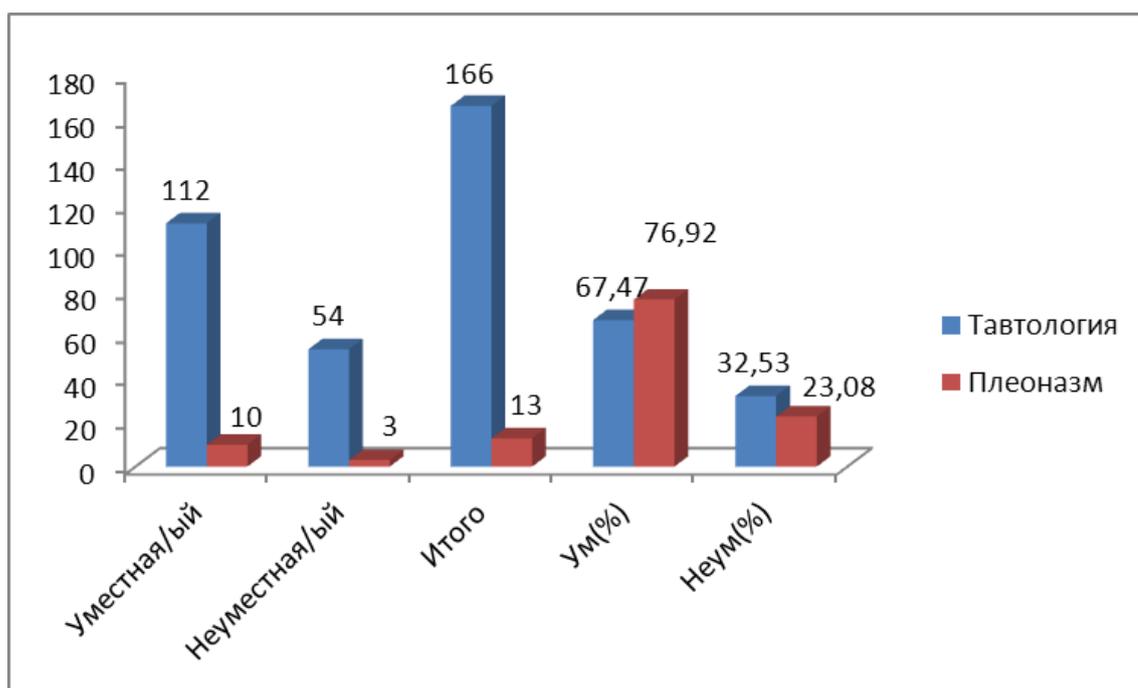

Рис. 3.6. Потенциал тавтологии и плеоназма в публицистическом дискурсе

Что касается употребления тавтологических образований, то они выполняют те же функции, что и плеонастические образования, но в тексте (особенно в художественном) занимают наиболее сильную позицию. Доказательством является роман Е. Водолазкина «Брисбен»:

1. **Функция конкретизации значения и инкорпорирующая функция.** **Оценочная функция:** «.. сыграть тремоло..., играю, но нечетко, нечисто ... издающие глухое бульканье вместо нот» [148,с.: 8]. Оценочная функция выражается словосочетанием: «издающие глухое бульканье».

2. **Репрезентативная функция: констатация, объяснение; персонаж себя представляет:** «Сосед ... Нестеров, – сосед ... под псевдонимом Нестор» [148, с. 9].

3. **Сатисфактивная функция:** «Дневник – не дневник..аэропортах. Потом теряю. Недавно как раз в аэропорту и потерял. [148,с. 10].

«Понимания нет. Музыкального? – Скорее, человеческого... нет понимания того, что музыкальное проистекает из человеческого» [148, с. 11].

«Ритмичный стук...выстукивал ритм Федор, ...не справился... стучит пальцами по подлокотнику. Он тоже проваливает экзамен» [148, с. 11–12]. В данном случае **сатисфактивная** функция дает ответ на вопрос «проваливает экзамен».

«17. 15.02.13, Мюнхен... упоминаешь о реках. Реки?– Реки ... что-то приносят, что-то уносят. Чаше – уносят... реки» [148, с. 118–119]. Для этого отрывка характерная также функция **конкретизации** («реки – это движение, они что-то приносят, что-то уносят»).

4. **Директивная (побуждение к действию) и сатисфактивная (оправдание) функции:** «...пристегнуть ремни ... отстегнул. Даже ремень на брюках ослабил – жмет... летит непристегнутым» [148, с. 10].

5. **Оценочная функция:** «...тяжело ли писать книги...е тяжелее, чем играть» [148,с. 10].

6. **Функция радиальной направленности контекстуальных связей с компонентом ретроспекции:** «1971 ..эпаба-паба, паба-паба, паба-па... тато. Мало кто в Киеве так называл отцов» [148, с. 12]. «...взглядом... взглядом ... слёзы. Одна за

другой они скатывались по щекам ... запахом...соединились... слёзы...запах слез? ...выпил в три глотка... ти не створений для музыки... не пей,...п'ю, бо ти не створений для музыки ... музичного роду Яновських» [148, с. 13–14]. В этом отрывке проявляются еще такие функции как директивная, экспрессивная, сатисфактивная («у сына не было слуха и для отца это трагедия, отсюда и слезы сожаления»).

«... цвета, запахи и звуки...Запах...Цвет и стрелки ... запах. Точно так же, как запах болоньевой куртки возникал из водонепроницаемых свойств материала. ...проницаемым, но на память о запахе не повлияло. Это была первая болоньевая куртка ...опьяняло его своим запахом, как хищное растение пьянит насекомых....громыхали ручки...громыхание было умеренным... звук многократно усиливался...ритм напоминалоркестровую погремушку мараку...учатся игре на мараке ... класс мараки...?» [148, с. 15].

«... легкомысленном поведении Ирины. В легкомыслие матери мог бы поверить, но не в развод...объяснял той особой задумчивостью, в которую отец время от времени ...задумчивости...стала бояться... Глеб чувствовал себя неуютно...отец проваливался колодец и созерцал оттуда звёзды... оптика колодцев...чувств Федора ошутила скрипка. ... играл наедине с собой... игру Глеб слышал...Федор играл, закрывшись в ванной. Включив к тому же воду, чтобы заглушить звуки скрипки. Эти звуки, смешанные с шумом воды...фоне шума воды звучит гитара, и это было воспоминанием об игре отца...лежит отблеск отчаяния...определить как отчаяние» [148,с. 17–18]. В этом отрывке проявляются также оценочная функция, экспрессивная и функция интенсификация смысла. Все вместе усиливает психологизм ситуации.

«...они ходили в Ботанический сад.. находился против дома. Ботаническим садом это сказочное место..говорили – Ботаника... собирали букеты...Собирали шиповник, ...шиповник не слишком увлекателен... шиповник был собран своими руками...позволялось собирать всё что угодно. Сад...террасами...одной из террас водились белки» [148, с. 22].

«...какое-то объяснение...случались ведь и необъяснимые вещи...Леся Кирилловна шевелила губами, что-то беззвучно произнося...она произносила и вслух, но озвученное оставалось загадкой... звука и разгадка не приносит утешения. И

радости не приносит. Радость в редкая гостья. Из всех **безрадостных** вещей не было **безрадостнее** уроков русского языка... **жутко жуку жить на суку**. Лишь услышав учителя, можно было понять в полной мере чувства **жука**» [148,с. 25–26].

«..., **ученица** Плачинда увидела, как учительница садилась на места разных **учеников** и, давала детским голосом ответы **на учительские вопросы**... эти **вопросы**...оттуда нарочито **брутальным** голосом обращалась жертве. Голос ее был **брутален**, так что усиления не требовалось» [148,с. 26]. В этом отрывке проявляется также **оценочная и экспрессивная** функция (брутальным голосом, некоторые плакали, очередная жертва).

7. **Инкорпорирующая и сатисфактивная (пояснение) функции**: «Федор с семьей **не жил** уже несколько лет: Ирина от него **ушла**. Вернее, **ушел-то** он, Ирина попросила **покинуть их жилье**...**Будучи изгнан**, он снял комнату» [148,с. 12].

«...впервые услышал слово **Брисбен**...мама назвала **Брисбен**...ответила просто: красиво звучит. Ответ показался смешным: **Брисбен**» [148, с. 18].

8. **Функция интенсификации значения**: «Мать **не возражала**. Она никогда **не возражала**. Зная ее **способность примиряться** с обстоятельствами, было удивительно то,, что ей **хватило характера** расстаться с мужем» [148, с. 16]. «...Федора притягивала северная **красота** Ирины. Эта **красота** была **как туман** в кратком утреннем безветрии, **как сон царевны, была тихим прудом**...» [148, с. 16]. В этом предложении проявляется и **экспрессивная** функция. «...**позволила** себе немного расслабиться...**позволила** приключение... **бегал к ней домой, бегал к ее учительнице**» [148, с. 126].

В ходе исследования встретился и плеоназм (3 реализации), имплементирующий психологическую функцию: «**чувствовал себя** неуютно» [148, с. 17–18]. «**Голос ее сам по себе** был достаточно брутален...» [148, с. 26]. «**Сам по себе** шиповник не слишком увлекателен...» [148,с.: 22].

Хотя нами был проанализирован не весь роман, но фактический материал (140 случаев) демонстрирует, что преимущественно тавтология выступает типом выдвижения в художественном дискурсе: «специфической организацией контекста, анализирующей текст как многокомпонентный конгломерат утверждений и эмотивности, как сложную конкретно - образную сущность» [2,с. 224]. Данное обстоятельство также предоставляет

нам право говорить и об особенности стиля Е. Водолазкина: плетении словес, что возвращает тавтологические образования к многокомпонентному, сложному воплощению, стилистическому и прагматическому знаку как высшему образцу книжности. Следовательно, тавтологии в художественном дискурсе всегда имплицитны и несут смысловую нагрузку.

Таблица 3.5. Потенциал тавтологии и плеоназма в художественном дискурсе

	Уместная/ый
Тавтология	140
Плеоназм	3
Итого	143

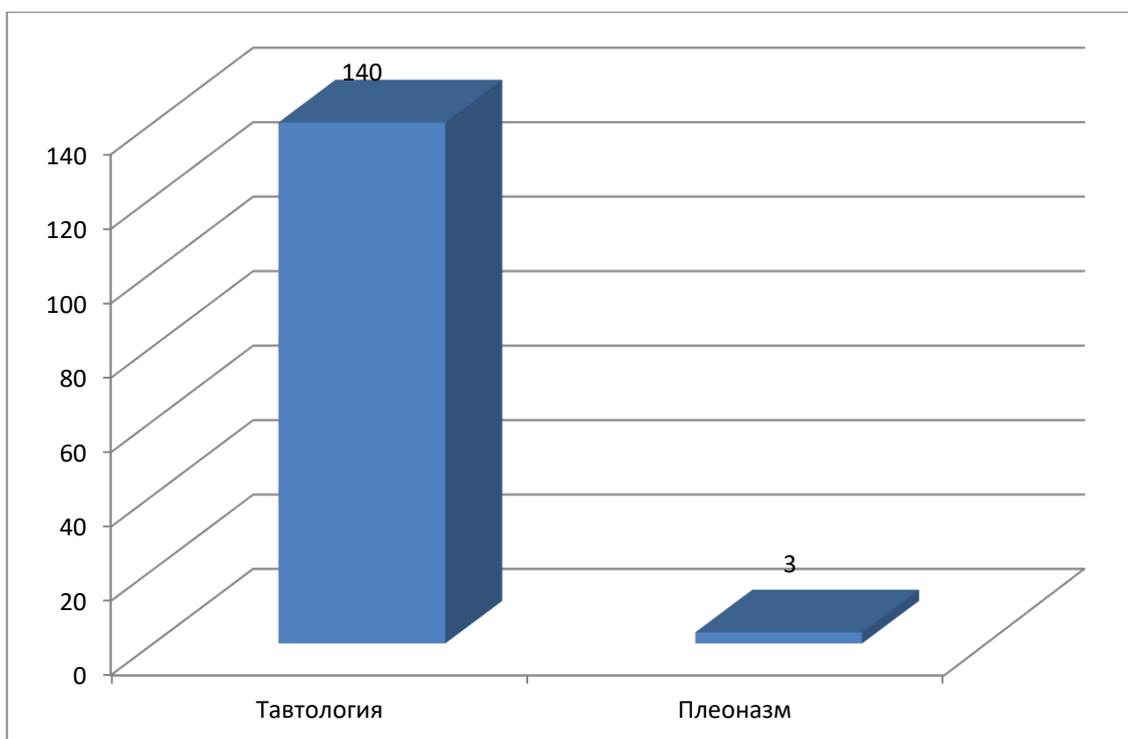

Рис. 3.7. Потенциал тавтологии и плеоназма в художественном дискурсе

Таким образом, подытожив сказанное, доминирующее число интенциональной апроприации тавтологии и плеоназма, их импликационная широта в очередной раз делает возможным отнести данные типы псевдосемантической погрешности к концепту, т.к. для интерпретации такого рода пропозиции задействуются когнитивные механизмы, а

именно: свойства грамматической структуры сообщения; паралингвистические характеристики, наблюдение (восприятие) коммуникативной ситуации; знания, мнения о говорящем и его свойствах; знания, мнения относительно характера взаимодействия и о структуре предшествующих коммуникативных ситуаций; знания, мнения, полученные из предшествующих речевых актов; знания общего характера (конвенциональные, прагматические); другие знания о мире [28, с. 16]. Отсюда получает развитие следующий постулат: учитывая референциальную соотнесенность высказывания с действительностью, тавтологии и плеоназмы способны посредством метафоры выстраивать концептосферу, которая заключается в комплексном процессе подачи, обработки и усваивания информации. Целью концептосферы является установление парадигматических связей концептов, без чего невозможен и синтагматический аспект. Вершинным концептом системы является человек, т.е. связь с миром осуществляется по принципу сообщающихся сосудов [34, с. 16-19].

3.4. Выводы по 3 главе.

Тавтология и плеоназм десемантизируются как речевая погрешность, поскольку они обладают своим универсальным предметным кодом (невербализованной речью), который реципиент коммуникативного акта должен декодировать, т.е. вывести значение из-за слов, тем самым придавая ему вербальное описание. Не исключением является и их функционирование в публицистическом и художественном стилях.

В публицистическом дискурсе тавтология и плеоназм, в основном, выполняют функции пояснения, подновления смысла, усиление авторской мысли, оценки; способствуют имплементации лингвокреативного потенциала индивида (храня в памяти их прагматическую представленность). Несмотря на это, все же нужно быть осторожным при толковании подтекста, т.к. высказывание может быть и лишено путеводной нити (его структурная минимизация бывает равной объему).

В художественном дискурсе прибегание к смысловой чрезмерности, как правило, обосновано и неслучайно: повторы в произведениях осуществляют референциальную привязку к реальности через замысел автора. Поэтому интенциональная особенность функционирования тавтологических и плеонастических образований – «свернутость»

понятийной структуры – позволяет наиболее прозрачно описать данное лингвистическое явление как концепт именно в художественном тексте.

Тавтология и плеоназм, будучи отнесенными к ментальным структурам, имеют способность влиять на проявления интеллектуальной активности людей, личностные свойства и характеристики поведения человека. Это, в свою очередь, означает, что исследуемые виды полисемии, подобно концепту как «кванту» знания, могут выстраиваться, накапливаться, видоизменяться в опыте субъекта в ходе его взаимодействия с предметным миром, миром других людей и миром человеческой культуры в целом. Манифестацией вышесказанному служит концептосфера, или сочлененность концептов, которая эксплицирует связь «между изученными концептами, определяет уровень культуры человека, его принадлежность к определенному сообществу людей, его индивидуальность» [48, с. 282] (Рис. 3.8.).

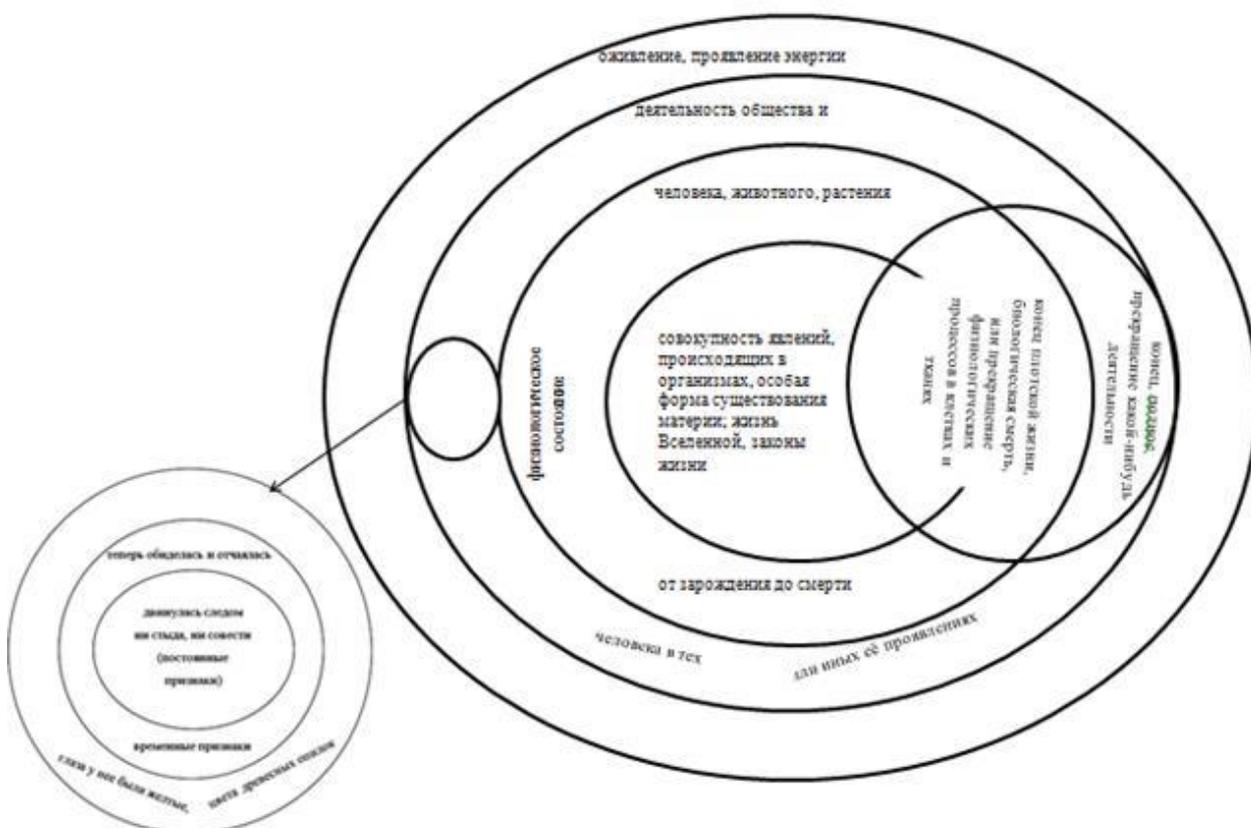

Рис. 3.8. Концептосфера

Представленная модель концептосферы подтверждает «неразлучность», неотделимость жизни и смерти, что осуществляет конфигурацию мироздания, Вселенной. Так, апологетизируется мысль о сциентизме. Знание воспринимается как наивысшая культурная ценность и достаточное условие ориентации человека в мире [62, с. 51]:

В структурном плане тавтология в художественном стиле так же, как и публицистическом, получает наиболее обширное развитие, становление как общепринятого закона с точки зрения языковой нормы (об этом свидетельствуют и подавляющее число моделей с однородными компонентами) (Рис. 3.9.).

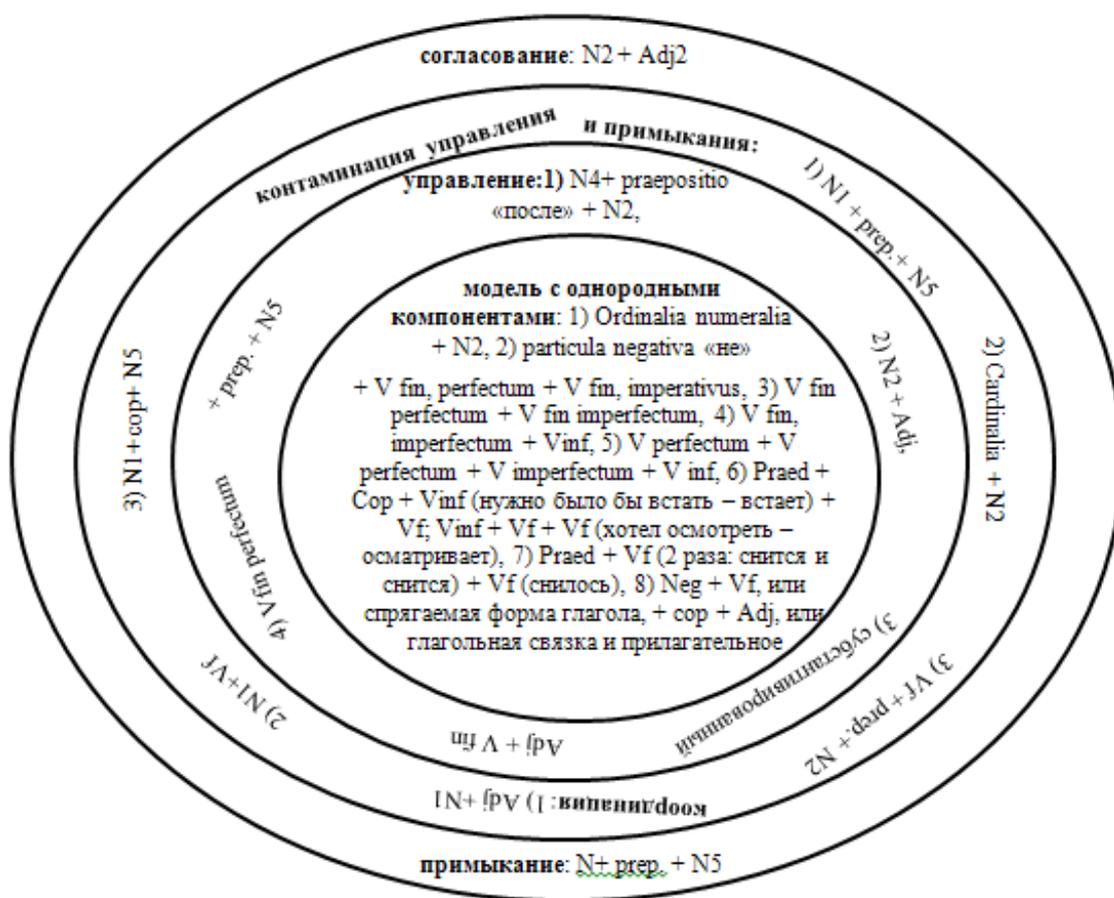

Рис. 3.9. Структурная объективация концепта «тавтология»

Плеонастические же сентенции бедны, и поэтому не могут претендовать на особый статус тавтологии (Рис. 3.10.).

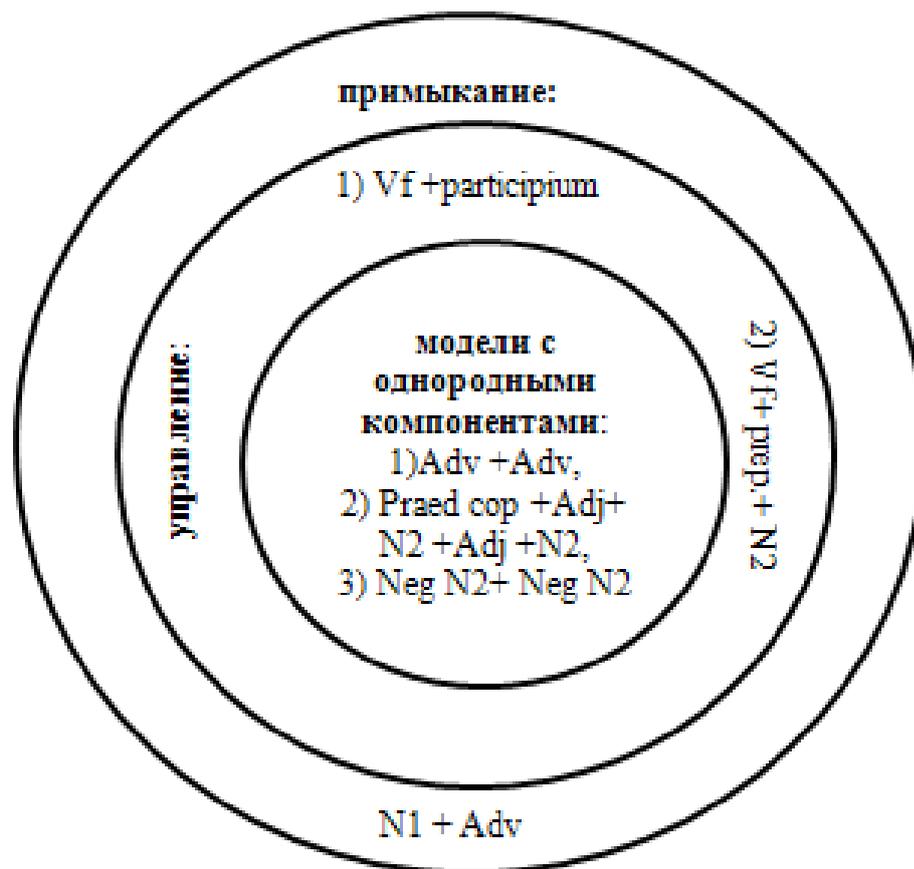

Рис. 3.10. Структурная объективация концепта «плеоназм»

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В результате проведенного диссертационного исследования мы пришли к следующим выводам:

1) В работе при изучении типов семантического инкорпорирования применяется семантико-прагматический подход, позволяющий дать им полное описание с опорой на основные современные парадигмы лингвистики – антропоцентризм и интегративность. Благодаря этому положению тавтология и плеоназм описываются на фонетико-фонологическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка.

2) Следовательно, полисистемность позволяет установить, что наиболее продуктивной единицей семантической избыточности является именно тавтология.

3) Данная единица семантической погрешности функционирует на всех стратификационных уровнях системы, в морфемном и структурном планах наиболее развита, по сравнению с плеоназмом. Так, ее нематериальной реализацией являются единицы фоностилистики текста (анафония, звуковые повторы, возникающие в синтагматике отношения звукокомплексов и др.), подразумевающие повтор звуков, который засвидетельствован редупликацией графического облика.

4) Анализ данных средств экспрессивности на предмет тавтологичности номинирует психолингвистический подход, т.к. обнаруживается связь между звуком и смыслом, другими словами, возникает звуко-символизм, находящийся в отношениях когерентности и тем самым образующий согласованную систему, фоносистему художественного дискурса.

5) Плеоназм, в свою очередь, также имеет фонетическое и смысловое освещение. Однако его звукокомплекс характеризуется монолитностью формы, представляет собой сочлененность с морфологическими категориями. В современном русском языке репрезентантом плеоназма, в основном, является корень производной лексемы в сочетании с аффиксами, что образует степень смыслового сходства с другими лексическими единицами.

6) Наиболее продуктивным способом образования тавтологии является морфологический способ: суффиксальный, префиксальный, конфиксальный, а также сложение и сложно-суффиксальный способ. Это объясняется синтетической природой языка принадлежностью к диссипативным структурам. Об этом свидетельствует и

разнообразная семантическая классификация тавтологии: выражают наиболее частотные значения номинации, типичности признака и процесса, исключительности, проявления признака и его градации, длительности, сукцессивности и др.

7) Что касается семантического воплощения плеонастических оборотов, то мотивированными считаются высказывания, построенные на неполной синонимии, т.к. каждый синоним маркирует дополнительный оттенок смысла. Все остальные значения являются избыточными.

8) В структурном отношении тавтологические обороты также можно описать как хорошо развитое разветвление таких типовых синтаксических единиц, как полупредикативных моделей, моделей с однородными компонентами, моделей с предикативной и подчинительной связью (согласованием, управлением, примыканием). Данные структурные схемы выполняют важную синтаксическую функцию: представляют собой лингвистические метапрезентации, отражающие рефлексивные процессы и фиксирующие их результат. Так, номинируется единство лексико-семантического знака, апеллирующее к изучению коммуникативно-конструктивного синтаксиса, особенно в публицистическом и художественном дискурсах.

9) Плеоназму свойственна аналогичная структурная дескрипция, однако только модели с однородными компонентами со значением лица, явления, качества, состояния обычно дополняют, уточняют понятийное содержание выражения.

10) Соответственно, именно тавтологические образования наиболее часто обслуживаются социумом; представляют собой продукт речи.

11) Однако тавтологии могут содержать информацию об истинных высказываниях, сентенциях, имеют отношение к формализованной логике. Это значит, что конструкции тавтологической природы больше связаны с кодифицированным современным литературным языком, в отличие от плеонастических выражений. 12) Кроме того, тавтология впервые рассматривается в широком понимании: допускается принадлежность единиц периссологии (квазисинонимов) к исследуемой редувантности за счет наименьшего семантического отрыва между ними. Определив коэффициент сходства и близости при помощи формулы С.Г. Бережана, доказали их синкретичность в сознании индивида. Данное обстоятельство свидетельствует о новом подходе при рассмотрении указанной проблемы.

12) Так, формируется двойственность в коннотатировании данных явлений языка и речи, поэтому в работе разграничиваются случаи уместного и неуместного использования тавтологии и плеоназма, выделяются реализации мнимого и абсолютного многословия. Данное обстоятельство подтверждается их функционированием в публицистических и художественных дискурсах.

13) В представленных текстах функциональной направленности изучаемая редундантность наиболее ярко отображена, т.к. создается возможность к апеллированию сознания участника коммуникативного акта при помощи завуалированного воздействия на него. Как результат, исследуемые явления языка и речи коррелируют с семиотикой, т.к. для их интерпретации задействуются метакогнитивные потенции субъекта национального пространства.

14) Соответственно, тавтологии и плеоназмы выполняют стилистические, текстовые и психологическую функции; являются типом выдвижения, устанавливающим при помощи родственных сигналов иерархию смыслов, при этом характеризующим текст как монолитность утверждений, аффективных образований, конкретную и в то же время абстрактную многокомпонентность. Но диапазон функционирования плеоназма отличается наименьшей активностью, наряду с тавтологией. Данное обстоятельство мотивируется тем, что «тавтологическое многословие» является более динамичным, развитым и устойчивым языковым феноменом.

15) От функциональности «излишества слов» зависят и такие прагматические свойства, как экономия речевых средств. Значит, их денотативно-сигнификативная спрессованность позволяет выстроить концептосферу, декодирующую все способности исследуемых концептов носителей языка с учетом их речевой культуры.

16) Таким образом, тавтология и плеоназм склонны к передаче содержания когнитивно-эмоциональной картины, способны транслировать знания о мире. Однако только человек дефинирует градуальность десемантизации.

На основе предложенного научного подхода можно дать некоторые рекомендации:

Тавтологию и плеоназм необходимо изучать с разных точек зрения, т.к. взгляд на проблему под одним углом ее не решает, поэтому необходимо ее исследовать и с точки зрения семиотики, т.к. тавтология и плеоназм обозначаются как инструменты

порождения, трансляции и фиксации информационного ядра; в этой связи «генерируют» как медиумы, монолитно организующие целостность окружающей нас реальности, запечатленной в речемыслительной деятельности, – и с точки зрения прагматической лингвистики, ибо только в синтагматических отношениях познается функциональность названных единиц семантической избыточности. Только таким образом представляется возможным доказать современное становление лингвистической парадигмы – антропоцентричность и интегративность. Тем самым вернуть статус флективной гибкости языка и речи, их сопутствующий характер, который призван «настраивать» мысль.

Амфиболия, присущая тавтологии и плеоназму, должна изучаться во всех учебных заведениях (аргументации: их частотность употребления). Следовательно, рекомендуется включить смежные, но не тождественные компоненты редундантности в курс лексикологии, т.е. изучать их наряду с синонимами, антонимами, омонимами и т.д. Данное предложение обосновано тем, что наиболее важной задачей лексикологии является анализ лексических единиц с точки зрения их происхождения, стилистической окраски и сфер употребления. Более того, благодаря такому подходу к тавтологии и плеоназму у учащихся сформируется лингвистическое мировоззрение, умение видеть системные связи лексических явлений, тенденции в развитии современного русского языка.

Данная классификация типов семантической избыточности может служить основой для дальнейшей разработки с целью объективного, правильного постижения их рекуррентности.

Многогранность, многоаспектность проблемы требует и исследование когний тавтологии и плеоназма в других функциональных текстах, т.к. в научных, официально-деловых текстах изменяются их стилистические функции и прагматическая роль.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. АДАМУ, И. Я., БУГАЕВ, В.В., ДОЛОТОВА, Р.Г. Спираль Архимеда и ее проявления в окружающем нас мире. В: *Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине: сборник научных трудов III Международной научной конференции, 23-26 мая 2016 г., Томск : в 2 ч. Томск : Изд-во ТПУ, 2016, ч. 1, с. 506–509.*
2. АРНОЛЬД, И. В. *Семантика, стилистика, интертекстуальность*: Сб. ст. / Науч. ред. П. Е. Бухаркин. СПб: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 1999. 443 с. ISBN 978-5-9765-2812-3.
3. АРТАМОНОВА, М.В. Древнерусские формулы-синтагмы паратаксического типа. В: *Diss. Slav.: Ling. XXX*. Szeged, 2013, с. 9 – 16. ISSN 0237-9554.
4. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, В. Л. Фразеологические серии в русской фразеологической системе. В: *Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе*. Ростов: Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение, 1965, с. 319.
5. АСКОЛЬДОВ, С.А. Концепт и слово. В: *Русская словесность: От теории словесности к структуре текста*: Антология / Под редакцией проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997, с. 267–279.
6. БАРТ, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
7. БАХТИН, М.М. *Проблемы поэтики Достоевского*/ Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002, т. 6, с. 7—300, 466—505. ISBN · 978-5-699-95749-1.
8. БЕРЕЖАН, С.Г. *Семантическая эквивалентность лексических единиц*. Кишинев: Штиинца, 1973, с. 65.
9. БОГУШЕВИЧ, Д. Г. *Единица, функция, уровень*: (К проблеме классификации единиц). Минск: Высшейш. шк., 1985. 115 с. ISBN 978-985-518-762-3
10. БРАЗГОВСКАЯ, Е. Е. Семиотика. *Языки и коды культуры*: учебник и практикум для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 187 с. (Серия: Бакалавр. Академический курс). ISBN 978-5-534-11201-6.
11. БУЙЛЕНКО, В.Я., ЖАНКАЗИЕВ, С.В. и др. *Психологические особенности человека при управлении автомобильным транспортом*. М.: МАДИ, 2017. 172 с.

12. БУЛЫГИНА, Т. В., ШМЕЛЕВ, А. Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с. ISBN 5-88766-051-1.
13. БУРЦЕВА, Т.А. *Лингвопоэтика Б.Л.Пастернака и её эволюция (на материале оригинальной поэзии)*: дисс. ... канд. филол. наук. Казань: КГУ, 1997. 191 с.
14. ВЕСЕЛОВСКИЙ, А.Н. *Историческая поэтика*. М.: Высшая школа, 1989. 648 с. ISBN 5 – 88022 – 080 – X.
15. ВИЛИНБАХОВА, Е. Л. Сопоставительные тавтологии в русском языке. В: *Вопросы языкознания*. М.: Наука, 2016, № 2, с. 61-74. ISSN 0373-658X. DOI: 10.31857/S0373658X0000981-8.
16. ВИЛИНБАХОВА, Е. Л. Модели репрезентации глубинных тавтологий в русском языке. В: *Сборник научных статей по материалам Третьей конференции-школы "Проблемы языка: взгляд молодых ученых"* /под ред. Девяткиной Е.М. М.: Институт языкознания РАН, 2014, с. 50 – 60.
17. ВИЛИНБАХОВА, Е.Л. Как говорится, статья есть статья: некоторые аспекты функционирования тавтологий в коммуникации. В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. М., 2016, Вып. 15, № 22, с. 803 – 816.
18. ВИТГЕНШТЕЙН, Л.С. *Логико-философский трактат. Философские работы*: В 2 ч. М.: Гнозис, 1994, ч. 1, 520 с. ISBN 978-5-17-064553-4.
19. ГАЙНАНОВА, И.В., МАСЛОВА, Л.И. Вопросы образования и устойчивости диссипативных структур. В: *Проблемы науки*. Иваново: Олимп, 2017, №5, с. 31 – 35.
20. ГАЛЬПЕРИН, И.Р. *Стилистика английского языка*. М.: Высшая школа, 1981. 316 с. ISBN 978-5-397-06237-4.
21. ГЕРАСИМЕНКО, Н.А. *Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование*: монография . М.: Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.
22. ГОЛУБ, И.Б. *Русский язык и культура речи*. М.: Логос, 2002. 432 с. ISBN 5-94010-023-6,
23. ГОРБАЧЕВИЧ, К.С. *Нормы современного русского литературного языка*. М.: Просвещение, 1978. 240 с.
24. ГОРБУНОВА, М.Ю., НОЖКИНА, Т.В. *Шпаргалка по психологии: ответы на экзаменационные билеты*. М: Аллель-2000, 2005. 64 с. ISBN 5-9661-0062-4.

25. ГОРШКОВА, Н. Об особых посвящениях семи дней недели: когда и кому нужно молиться. В: *Православная жизнь*. 2019.01.28. [дата обращения – 15.03.2020]. Режим доступа: <https://pravlife.org/ru/content/ob-osobyh-posvyashcheniyah-semi-dney-nedeli-kogda-i-komu-nuzhno-molitsya>.
26. ГРЕЧ, Н.И. *Практическая русская грамматика*. СПб.: типография Императорского Санктпетербургского Воспитательного Дома, 1827. 578 с.
27. ГУСЕВ, Д. А. *Логика*. Изд. 2-е, дополненное. М.: Прометей, 2019. 300 с. ISBN: 978-5-907100-51-0.
28. ДЕЙК, Т. А. ван *Язык. Познание. Коммуникация*: Сб. Работ / составление В. В. Петрова; Пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 310 с. ISBN 5-80157-202-3.
29. ДУРНОГЛАЗОВ, Е.Е., МОРДВИНОВА, Е.В. Использование кейс-технологии на уроках информатики для развития самостоятельной деятельности обучающихся. В: *Педагогический поиск*. Курск: ОГБУ ДПО «Курский институт развития образования», 2018, №2, с. 17 – 19.
30. ЕВГЕНЬЕВА, А.П. *Язык русской устной поэзии (Синонимия)*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, т. 7, с. 168 – 214.
31. ЕМЕЛИН, А. *Основы математической логики*. М., 2018. 9 с. [дата обращения – 23.05.2020]. Режим доступа: http://mathprofi.ru/osnovy_matematicheskoi_logiki.html.
32. ЕРЕМЕНКО, О. И., ДЕМИЧЕВА, В. В., ЯКОВЛЕВА, Т. В. *Русский язык (раздел «Морфология»)*. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 287 с. ISBN: 978-5-4499-0553-6.
33. ЕФРЕМОВ, В.А. Теория концепта и концептуальное пространство. В: *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. Выпуск 104, с. 96–105. ISSN 1992-6464.
34. ЗАЙЦ, О.А. *Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов*: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 185 с.
35. КАНТ, И. *Сочинения в 6-и томах*. М.: Мысль, 1965, т.4, ч.1, 539 с.
36. КОВАЛЕВА, Л.М. Влияние семантико-синтаксической позиции слова на его значение. В: *Вестник ИГЛУ. Серия филология*. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2012, с. 16 – 20.
37. КОВАЛЕВА, Т.А. *Тавтология и плеоназм в русском языке XXI века: полисистемный аспект*: дисс. ... канд. филол. наук. Владимир, 2017. 256 с.

38. КОВАЛЕВА, Т.А. Плеоназм в русском языке XXI века: семантический аспект: семантический аспект. В: *Вестник ННГУ. Филология*. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017а, №4, с. 158 – 163. ISSN 1993-1778.
39. КОЛЕСОВ, В.В. *Древнерусский литературный язык*: монография. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с. ISBN 978-5-9916-4816-5.
40. КОЛЕСОВ, В.В. *Концептология*. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. 248 с. ISBN 978-5-8353-1277-1.
41. КРАПОТИНА, Т.Г. *Фразеологизация синтаксических связей в устойчивых сочетаниях тавтологического типа*: дис. ... канд. филол. наук. М.: МПУ, 1996. 220 с.
42. КРЕТИНИН, С.В. «Польша для поляков»: политика полонизации и разнемечивания в польской республике в первой половине 1920-х годов. В: *Вестник ВГУ. Серия: история. Политология. Социология*. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2014, №1, с. 51 – 57. ISSN: 1995-5480.
43. КУРИЛОВА, А.Д. Классификация фигур в латинских рукописных риториках в России XVIII в. В: *Гуманитарные исследования*. Астрахань. 2011, № 1 (37), с. 187– 193. ISBN 978-5-9926-1060-4.
44. ЛАРИНА, Ю.Е. *Прагматика термина как семиотическое свойство (на материале русской лингвистической терминологии)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: РГСУ, 2007. 18 с.
45. *Лекции Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова*. Могилев, 2015, с. 6.
46. ЛИХАЧЁВ, Д.С. *Поэтика древнерусской литературы*. Избранные работы в трёх томах. Л.: Худ. лит. Ленингр. отд-ние, 1987, т.1, с. 260 – 654.
47. ЛИХАЧЁВ, Д.С. *Исследования по древнерусской литературе*. Л.: Наука, 1987а, 406 с.
48. ЛИХАЧЁВ Д.С. Концептосфера русского языка. В: *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под редакцией проф. В.П. Нерознака*. М.: Academia, 1997, с. 280–287.
49. ЛОПУТЬКО, О.П. О природе устойчивых формул древнерусской письменности. В: *Герменевтика древнерусской литературы/Под ред. М.В. Люстрова*. М.: Наследие, 2000, вып. 10, с. 80-88.

50. МАРКАСОВА, Е.В. Риторика Георгия Данилевского. В: *Труды Института лингвистических исследований*. / Под ред. Н.Н. Казанского. СПб.: Наука, 2009, т. 5, ч.3, 338 с.
51. МАХКАМОВ, Н. *Литературная норма и плеоназм*. Ташкент: Фан, 1988. 93 с.
52. МИКЛОШИЧ, Ф. Изобразительные средства славянского эпоса. В: *Труды славянской комиссии Московского археологического общества*/Под ред. М.Н. Сперанского. М., 1895, Т. 1? 207 с.
53. МИЛЕХИНА В.И. Из наблюдений над фразеологическим составом русских народных сказок XIX века (Парные сочетания слов). В: *Проблемы русской фразеологии. Республиканский сборник*. Тула: Тулгоспединститут им. Л. Н. Толстого, 1978, с. 106 – 112.
54. НЕМЧЕНКО, В. Н. *Введение в языкознание: учебник для вузов*. Москва: Дрофа, 2008, с. 579. ISBN 978-5-534-02709-9.
55. НЕРЕТИНА, С. С. Концепт. В: *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* / РАН, Ин-т философии, Нац. общ. -научн. фонд; науч.-ред. совет: В. С. Степин и др.. М., 2010, т. 2, с. 306–307.
56. НИКИТИН, М. В. *Курс лингвистической семантики*. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с. ISBN 978-5-8064-1183-0.
57. ПАРАХОНЬКО, Л.В. Изучение проблемы тавтологических единиц в диахронном аспекте. В: *Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние народа: сборник статей*. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020, с. 124–131.
58. ПАРАХОНЬКО, Л.В. Изучение тавтологии как одного из средств формирования межкультурной коммуникации. В: *Славянские чтения: научно-теоретический журнал. Кишинев: Славян. ун-т, 2020а, с. 244–254. ISSN 1857-4580.*
59. ПАРАХОНЬКО, Л.В. Полисистемный анализ тавтологии и плеоназма в современных художественных текстах (на материале рассказа В. Токаревой «Кошка на дороге»). В: *Славянские чтения: научно-теоретический журнал*. Кишинев: Славян. ун-т, 2020б, с. 106–123. ISSN 1857-4580.
60. ПАРАХОНЬКО, Л.В. Разграничение тавтологии и плеоназма. В: *Заметки ученого: научно-практический журнал*. Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2021, с. 167–175. ISSN 2713-0142.

61. ПАРАХОНЬКО, Л.В. Тавтология и плеоназм как концепты: структура и семантика. В: *Terra Rusistica*: Сборник материалов Первого международного форума молодых русистов 17–19 декабря 2020 г. / Сост. Е. В. Ковалых, С. В. Лукьянова, Н. С. Молчанова. Псков: Псковский государственный университет, 2021б, с. 266–271.
62. ПАРАХОНЬКО, Л.В. Тавтология как концепт: когнитивный подход к изучению тавтологического оборота. В: *Русистика и современность*: сборник статей XXII Международной научной конференции/ сост. и под ред. З. Р. Аглеевой, Л. Ю. Касьяновой, М. Л. Лаптевой. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2019, с. 48–51. ISBN 978-5-9926-1202-8.
63. ПАРАХОНЬКО, Л.В, Сирота Е.В. Изучение плеоназма в синхронии. В: *МНИЖ*. Екатеринбург, 2021, №8 (110), с.60–65. DOI:<https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.110.8.125>
64. ПАУТОВА, У. В. *Концепты «мушкарац» ‘мужчина’ и «жена» ‘женщина’ в сербохорватском языке*: дисс. ... канд. фил. наук. СПб, 2015. 246 с.
65. ПЕШКОВСКИЙ, А.М. *Русский синтаксис в научном освещении*. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с. ISBN 978-5-9710-9172-1.
66. ПИМЕНОВА, М.В. *Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с. ISBN 978-5-8465-0699-2.
67. ПИМЕНОВА, М.В. Устойчивые единицы в диахронии и концептуальные формы ментальности. В: *Lexicology and lexicography in the light of contemporary approaches. A collection of papers*. Belgrade, 2016, с. 425 – 438.
68. ПИМЕНОВА, М.В. Устойчивые лексико-семантические единицы и их фиксация в исторических словарях. В: *Acta linguistica petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2013, т. 9. №2, с. 439 – 448.
69. ПИМЕНОВА, М.В. *Введение в концептуальные исследования*. Кемерово: Кузбассвузизд, 2006. 177 с. ISBN 978-5-02-037418-8.
70. ПОПОВА, З.Д., СТЕРНИН, И.А. *Когнитивная лингвистика*. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 226 с. ISBN: 978-5-17-045103-6
71. ПОПОВА, З.Д., СТЕРНИН, И.А. *Очерки по когнитивной лингвистике*. Воронеж: Воронежский ун-т, 2002. 191 с.

72. ПОПОВА, З. Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат. В: *Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии*: [сб. статей]. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002а, с. 8–60.
73. ПОТЕБНЯ, А.А. *Из записок по русской грамматике*: в 4 т. М.: Просвещение, 1968, т.3. 552 с.
74. ПОТЕБНЯ, А. А. *Из записок по русской грамматике*: в 4 т Т. IV, вып. I: Существительное. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Член. Союз. Предлог. М.: Просвещение, 1985, т.4, вып. I, 319 с.
75. ПОЧЕПЦОВ, Г. Г. О коммуникативной типологии адресата. В: *Речевые акты в лингвистике и методике*: Межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск, 1986, с. 10-17. ISBN 5-87983-101-9.
76. РАДБИЛЬ, Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира. В: *Русский язык в научном освещении*. М.: Изд-во «Языки славянских культур», 2007, №1 (13), с. 239 – 266. ISSN 1681-1062
77. РАХМАНКУЛОВА, Л.К. Семантические аспекты тавтологических тождеств. В: *Семантика слова и предложения*. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1985а, с. 132 – 139.
78. РЕШ, А. Жизнь — Смерть — Наука — Неверие и вера/ перев. А.Н. Липовой. В: *VOX*. Вып. 26. 2019, с.. 44-68. [дата обращения – 12.04.2022]. Режим доступа: <https://vox-journal.org/html/issues/480>.
79. РОЗЕНТАЛЬ, Д.Э., ГОЛУБ, И.Б. *Секреты стилистики*. М.: Айрис-пресс, 2003. 208 с. ISBN: 5-7836-0013-X
80. РЯБЦЕВА, Н.К. «Вопрос»: прототипическое значение концепта. В: *Логический анализ языка. Культурные концепты*: Сб. ст. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991, с. 72–78.
81. СКРЕБНЕВ, Ю.М. *Основы стилистики английского языка*. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 230 с. ISBN5-271-01141-0, 5-17-004697-9.
82. СТЕЖЕНСКАЯ, Л.В. Литература изучаемого региона (Китай): *Программа дисциплины 2019 – 2020*. [дата обращения – 13.02.2020]. Режим доступа: <https://www.hse.ru/ba/oriental/courses/296798903.html> ,
83. ТЕЛИЯ, В. Н. Что такое фразеология. Москва: Наука, 1966, с. 8.

84. ТУЛИНА, Т.А. *Типы предложений с тавтологией главных членов в русском языке*. В: *Исследования по современному русскому языку*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970, с. 241 – 256.
85. ФОМЕНКО, Ю.В. *Типы речевых ошибок*. Новосибирск: Издво НГПУ, 1994. 60 с. ISBN 5—85921—028—0.
86. ХВОРОСТЬЯНОВА, Е. В. Рифменная тавтология: стихообразующий и стилевой аспекты. СПб.:2009, с. 1–4. [дата обращения – 23.06.2019]. Режим доступа: http://www.folk.ru/Research/hvorostyanova_tavtologia.php.
87. ШУЛЯТИКОВ, И.С. Термин «концепт» в современной лингвистике. В: *Вестник ВятГУ*. Киров: Изд-во ВятГУ, 2015, с. 98–102. ISSN 2541-7606.
88. ЮСУБОВА, Р.Н. Разные принципы в поэтических текстах. В: *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2010. №10, с. 174–176. ISSN 1997-2911
89. ЯШИНА, Е.А. Языковые средства создания алогизма в художественном тексте. В: *Филологические науки*. М., 2009, №4, с. 97–105.

В румынском языке

90. AVRAM, M. Pleonasmul și tautologia (1). В: *«Limba și literatura română»*. București, 1996, nr. 3, anul XXV, p.3-6.
91. CLICHICI, L. Funcțiile semantico-pragmatice ale frazei tautologice simple în limba. В: *Limba Română*, 2008, anul XVIII, №9-10, pp. 208–213. ISSN 0235-9111.
92. DODON, E. Pleonasmul și tautologia – manifestări ale redundanței lingvistice. В: *Limba Română*. Chișinău, 2019, Nr. 4, anul XXIX, pp. 340 – 352. ISSN 0235-9111.
93. GROSU, E. Pleonasmul: persuadare și eroare. В: *Limba Română*, 2003, anul XIII, №6-10, pp. 202–207. ISSN 0235-9111.
94. IONAȘ, A. Abateri lexico-semantice în cadrul cultivării/educării limbii/limbajului. В: *Univers pedagogic*. Chișinău: Institutul de Științe ale Educației Centrul Editorial «Univers Pedagogic», 2017, №4, p. 36–40. ISSN 1811-5470.
95. PAȘCALĂU, C. Pentru o încercare de redimensionare semantică a tautologiei. В: *Studii de știință și cultură*, 2009, Anul V, nr. 3 (18), pp. 142–149. ISSN 1841-1401
96. PUȘCARIU, S. *Limba română*. В: *Privire generală*. București: FPLA, 1940, vol. I, 460 p

97. TELEOACĂ, Dana-Luminița Conservatorism și expresivitate în literatura religioasă. posibile repere de definire a unui stil științific (didactic) în context religios. В: *Limba Română*, 2013, anul LXII, №1, pp. 45 – 64. ISSN 0235-9111.

98. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Под ред. академик РАН Г. В. Осипова. М.: Издательская группа ИНФРА М — НОРМА, 1998. 488 с.

В польском языке

99. LACHUR, Cz. *Semantyka przestrzenna polskich przymków prefi gowanych na tle rosyjskim*, Opole: UO. Instytut Filologii Polskiej, 1999. 302 s.

100. MAŁOCHA-KRUPA, A. *Słowa w lustrze. Pleonazm–Semantyka–Pragmatyka*. Wrocław: Uniw. Wrocławskiego, 2003. 245 s.

101. RUSZKOWSKI, M. *Zastosowanie kryterium funkcjonalnego w normatywnym wartościowaniu pleonazmów i tautologii*. Warszawa: Poradnik Językowy, 1995. №. 9–10, s. 22–28. ISBN 978–83–7431–505–0.

102. SZUMSKA, D. *Przymiotnik jako przyłączone wyrażenie predykatywne: analiza formalizacji struktur propozycjonalnych w warunkach predykcji niezdaniotwórczej*. Kraków: Universitas, 2006. 316 s.

В английском языке

103. BACH, K., HARNISH, K. M. *Linguistics and communication and speech acts*. Cambridge, etc.: The MIT Press, 1980. 319 p. ISBN-10 : 0262021366

104. MIKI, E. Evocation and tautologies. В: *Journal of Pragmatics*, 1996, Vol. 25, pp. 635 – 648.

105. WIERZBICKA, A. Boys will be boys: «Radical semantic» vs. «Radical pragmatics». В: *Language*, 1987, №1, pp. 95 – 114.

Лексикографические источники

106. АХМАНОВА, О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с. ISBN 978-5-9710-9074-8.

107. БИДЕРМАНИ, Г. *Энциклопедия символов*: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. Москва: Республика, 1996, с. 130
108. БСЭ - *Большая советская энциклопедия* / под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1971, т.6, 624с. [дата обращения – 15.12.2020]. Режим доступа: <https://bse.slovaronline.com/44759-СТРАН>.
109. БСЭ – *Большая советская энциклопедия* / под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1976, т.23, 696с.
110. БСЭ – *Большая советская энциклопедия* /под ред. Б.А. Введенского. 2 изд. М.: Большая советская энциклопедия, 1952, т. 16, 672 с.
111. *Большой энциклопедический политехнический словарь–БЭПС*. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. 656 с. [дата обращения – 10.01.2021]. Режим доступа. URL<https://dic.academic.ru/dic.nsf/polytechnic/499/Архимедова>.
112. ГОЛОВИН, С.Ю. *Словарь практического психолога*. Минск: Харвест, 1998. 592 с.
113. ГОРОХОВ, В.Г. Галилео Галилей как философ техники (социокультурный подвиг, который изменил мир). В: *Философский журнал*. М.: РАН Институт философии, 2012, с. 59–76.
114. ДАЛЬ, В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. СПб. – М.: Тип. М.О. Вольфа, 1880–1882, т.4, 712 с.
115. ДАЛЬ, В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва: ВЪ типографіи А. Семена. 1863, т.1, 629 с.
116. ЕВГЕНЬЕВА. А.П. *Словарь русского языка*: В 4-х т. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999, т.1, 702 с. [дата обращения – 03.05.2020]. Режим доступа <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.
117. ЕФРЕМОВА, Т. Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. М.: Русский язык, 2000. [дата обращения – 03.05.2020]. Режим доступа <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index.htm>.
118. *Краткий словарь когнитивных терминов* /под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245с. ISBN 5-89042-018-1
119. КРЫЛОВ, Г.А. *Этимологический словарь русского языка*. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2004. 428 с. ISBN 978-5-89173-914-7
120. КУЗНЕЦОВ, С.А. *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. ISBN 5-7711-015-3

121. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Под ред. В.Н. Ярцевой. 2 – е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.: ил.
122. *Литературная энциклопедия в 11-и т.* / Под ред. А. Луначарского. М: Художественная литература, 1929 – 1939, т. 11, 824 с.
123. *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. [дата обращения – 12.01.2021]. с. Режим доступа:
<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0147b3dcf087b73fec51af47>.
124. ОЖЕГОВ, С.И. *Словарь русского языка*/под. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990. 921 с. ISBN 5-200-01088-8.
125. РОЗЕНТАЛЬ, Д.Э., ТЕЛЕНКОВА, М.А. *Словарь лингвистических терминов*. М.: Оникс, 2008. 624 с. ISBN 5-329-00864-6.
126. *Русский язык. Энциклопедия*/Под ред. Ю. Н. Караулова. 2 – е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997, 703 с., 16 с. вкл. ISBN 5-7107-7430-8.
127. *Словарь современного русского литературного языка*: В 17 т. /Под. Ред. Л.И. Балахонова, Л.А. Войнова. 1-е изд.,- Москва-Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР, 1963, т.14, с. 256-259.
128. *Словарь современного русского литературного языка*. В 17 т. / под ред. А.М. Бабкина. М. – Л.: Академия наук СССР, 1955, т.4, .691 с.
129. СТЕПАНОВ, Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. М.: Школа: «Языки русской культуры», 1997. 824 с. ISBN 5-88766-057-0
130. *Толковый словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. Д.Н.Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935, т. 1, 1562 стб.
131. *Толковый словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. Д.Н.Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1938, т. 2, 1440 стб.
132. *Толковый словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. Д.Н.Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1939, т.3, 1424 стб.
133. *Толковый словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. Д.Н.Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1940. т.4, 1502 стб.
134. Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1578 с. [дата обращения – 12.02.2020]. Режим доступа:
<http://endic.ru/dmytriev/Obratno-2184.html>.

135. ФАСМЕР, М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986, т. 2, 672 с. ISBN 978-5-17-013959-2.
136. ФАСМЕР, М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стереотип. М., 1986–1987, т.3, 832 с. ISBN 978-5-17-013959-3.
137. *Философский энциклопедический словарь* /под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева и др. М.: Советская Энциклопедия, 1983. 840 с.
138. *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты* / под ред. А.П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2011. 480 с. ISBN 978-5-89349-502-7.
139. *Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М.* Москва: Дрофа, 2000. [дата обращения – 10.01.2021]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/shansky>.

Лексикографические источники (румынский язык)

140. *Dicționar enciclopedic ilustrat (DEI)* / Lăcrămioara Chihaia, Lucia Cifor, Alina Ciobanu... [și colab]. Chișinău: Cartier, 1999. 1808 p.
141. FLORIN, M. *Marele dicționar de neologisme* (MDN). Editura Saeculum, 2000. Режим доступа: <https://dexonline.ro/definitie/pașoptism> (дата обращения –18.08.2021).
142. POPA, G. *Dicționar de pleonasm*/G.Popa, L.Popa. Chișinău: ÎEP. Știința, 2010. 304 p. ISBN 978-9975-67-650-2.

Литературные источники

Русская литература

143. АГАБЕКОВ, Г. *Секретный террор Сталина. Исповедь резидента*. М.: Яуза, 2014, 411 с. [дата обращения – 23.06.2020]. Режим доступа: <https://mybook.ru/author/georgij-agabekov/sekretnyj-terror-stalina-ispoved-rezidenta/read/?page=>.
144. АРКАНОВ, А. *208 избранных страниц* (сборник). М.: Вагриус, 1999, 32 с. [дата обращения – 23.06.2020]. Режим доступа <https://www.litmir.me/br/?b=175708&p=22> .

145. БУБНОВСКИЙ, С.М. *Болят колени. Что делать?* М.: Эксмо-Пресс, 2017. 192 с. ISBN 978-5-699-44017-7.
146. БУТОРИНА, Т.С. М.В. Ломоносов – энциклопедист. В: *Материалы Международной научной конференции, посвященной 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова*. Архангельск: КИРА, 2011, с.12–16.
147. ВОДОЛАЗКИН, Е. Г. *Лавр*. М.: «Издательство АСТ», 2012 .448с. ISBN 978-5-17-078790-6
148. ВОДОЛАЗКИН, Е.Г. *Брисбен*. М.: Редакция Е.Шубиной 2018.416 с. ISBN 978-5-17-111100-7
149. ГАКОВ, Вл. Сказочными дорогами Германии. В: *Туризм и образование*, 2001, №1, с.24-27.
150. ГЕЛАСИМОВ, А. *Год обмана*. М.: ОГИ, 2003. 56 с. ISBN 978-5-699-90912-4.
151. ДЕНИКИН, А.И. А.И. *Деникин: pro et contra, антология /* Сост., пролог, эпилог, коммент., библиограф., научно-справочн. аппарат Г. М. Ипполитова. СПб.: РХГА, 2018. 1136 с. ISBN 978-5-88812-929-6
152. ДОМБРОВСКИЙ, Ю.О. *Факультет ненужных вещей*. М.: Азбука – классика, 2003. 544 с. ISBN 5-352-00415-5.
153. ЕСЕНИН, С. *Письмо к женщине*. [дата обращения – 23.07.2020]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/43511/pismo-k-zhenshine>.
154. *Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четырех-Миней святого Димитрия Ростовского /* 12 книг. Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. IX. Месяц май, с. 244–270.
155. ИСКАНДЕР, Ф.А. *Сандро из Чегема*. М.: Московский рабочий, 1989, т.3, 209 с. ISBN 5-239-00608-3.
156. КАМША, В. Несравненное право. М.: Эксмо-Пресс, 2006, 800 с. [дата обращения – 3.07.2020]. Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=12234&p=13.
157. ЛИМОНОВ, Э. *У нас была Великая Эпоха*. М.: Амфора, 2002, 192 с. ISBN: 5-94278-345-4.
158. МАКАНИН, В.С. *Отставший. Повести и рассказы*. М.: Художественная литература, 198. 164 с. ISBN 5-280-00455-3
159. МАМИН-СИБИРЯК, Д.Н. *Собр.соч.в 8 томах*. Том 7. «Черты из жизни Пепко», «Хлеб». М.: Худ.лит., 1955, т.7, 604 с.

160. МАЯКОВСКИЙ, В.В. *Полное собрание произведений в 20-томах*. М.: Наука, 2013, т.1, 612 с. ISBN 978-5-02-038137-7.
161. МЕДВЕДЕВ, Р. *О третьем томе «Архипелага». Книга, обманувшая мир*: сб. критич. статей и материалов об «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына / сост. и ред. В. В. Есипов. М.: Летний сад, 2018. 520 с. ISBN 978-5-98856-315-0.
162. МЕЛЬНИКОВ, Р.В. *Дозор: Эрдейский поход*. СПб.: Лениздат; «Ленинград», 2007, 46 с. ISBN 978-5-9942-0064-3.
163. НЕКРАСОВ, Н.А. *Полное собрание сочинений и писем*: В 15-и т. Л: Наука, 1981, т.2, 447 с.
164. НОВИКОВ-ПРИБОЙ, А.С. *Собрание сочинений в 5 томах*. М.: Правда, 1963, т. I, с. 17–56.
165. ОСТРОВСКИЙ, А.Н. *Собрание сочинений в 10-и томах*. М.: Художественная литература: 1959, т. 2, 456 с.
166. ПЕТРУШЕВСКАЯ, Л.С. *Письма Норштейну и читателю Девятый том*. М.: ЭКСМО, 2003. 68 с.
167. ПОПОВ, Е. *Тихоходная барка "Надежда" Рассказы*. М.: ВАГРИУС, 2001, 80 с. ISBN 5-264-00427-7.
168. ПУШКИН, А.С. *Собрание сочинений в 10 томах*. М.: ГИХЛ, 1959—1962, т. 2, с. 128.
169. РОСТОПЧИНА, Е.П. *Счастливая женщина. Литературные сочинения*. М.: Правда, 1991. 310 с. ISBN 5-253-00253-7.
170. *Русская музыкальная газета. Еженедельное издание (с иллюстрациями)*. Репринтное издание 1911. М.: DirectMedia, 2015. 324 с.
171. РУБИНА, Д. *Гладь озера в пасмурной мгле*. М.: Эксмо, 2008, 672 с. [дата обращения – 3.02.2020]. Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=1932&p=83.
172. САПСАЙ, А., ЗЕВЕЛЕВА, Е. *Семейная реликвия. Ключ от бронированной комнаты*. М.: АСТ, Астрель, 2017, 320 с. [дата обращения – 3.02.2020]. Режим доступа: http://loveread.me/read_book.php?id=38667&p=9.
173. СОЛЖЕНИЦЫН, А. *В круге первом. Книга I*. М.: ИНКОМ НВ, 1991, 352 с.
174. СПИВАКОВА, С. *Не всё*. М.: ВАГРИУС, 2002, 294 с.
175. СУРОЖСКИЙ, А. *Быть христианином*. Электросталь: Новое небо, 2018, 134 с. ISBN 978-5-903898-04-6.

176. ТОКАРЕВА, В.С. Кошка на дороге. М.: АСТ, 2005. 17 с. ISBN: 978-5-17-048334-1.
177. ТОЛСТОЙ, Л.Н. *Соединение и перевод четырёх Евангелий. Полное собрание сочинений*: в 90 т. М.: Художественная литература, 1957, т. 24, 798 с.
178. ТОЛСТОЙ, Л.Н. *Полное собрание сочинений в 90 томах, академическое юбилейное издание*. М.: Художественная литература, 1955, т. 67, 722 с.
179. УШИНСКИЙ, К. Д. *Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии*. М. – Л.: Академия педагогических наук РСФСР, 1950, т. I, 777 с. ISBN 978-5-518-09701-8.
180. ФЕТ, А.А. *Лирика*. М.: Художественная литература, 1966. 184 с.
181. ХУСАИНОВ, С.Г. *Люди в черном. Непридуманные истории о судействе начистоту*. [дата обращения – 13.02.2020]. Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=71169&p=41.
182. ЦВЕТАЕВА, М.И. *Избранные произведения*. М.–Л. Советский писатель, 1965. 811 с.
183. ЧЕХОВ, А.П. *Сочинения в четырех томах*. Том четвертый, Пьесы и водевили. М.: Правда, 1984. 576 с.
184. ЧУКОВСКИЙ, К.И. *Стихи для малышей*. Мойдодыр. М.: Умка, 2013. 10 с.
185. ЧУКОВСКАЯ, Л.К. *Творчество Бориса Житкова. Борис Житков, Избранное*. М.: Детская литература, 1957. 29 с.
186. ШМЕЛЕВ, И.С. *Человек из ресторана*. М.: Художественная литература, 2020. 99 с. ISBN 978-5-4484-2609-4.

Румынская литература

187. CREANGĂ, I. *Povestea lui Harap-Alb Semantics*. Chişinău: Editura Litera, 2016. 64 p. ISBN 9789975742887.
188. EMINESCU, M. *Eminescu, poet cu poet - Luceafărul/ comentat de Alex. Ştefănes*. Bucureşti: Allfa, 2015. 25 p.
189. LEAHU, N. and K. *Erotokritikon: Făt-Frumos, fiul pixului*. Chişinău: Cartier, 2011 (Bons Offices). 144 p.
190. RUSSO, A. *Opere*. Chişinău: Editura Stiinta, 2015. 284 p. ISBN 9789975679879

Французская литература

191. МОРУА, А. Три Дюма. М.: Человек, 2017, 528 с. [дата обращения – 13.12.2019].
Режим доступа: <https://mybook.ru/author/andre-morua/tri-dyuma/read/?page=4>.
192. САРТР, Ж.П. *Что такое литература? Слова языка* / пер. с фр. М.В. Драко. Мн.: ООО «Попурри», 1999. 448 с. ISBN 985-438-317-2.

Английская литература

193. ДЖУРЕК, С., ФРИДМАН, С. *Ешь правильно, беги быстро. Правила жизни сверхмарафонца* / пер. с англ. Н. Пятановой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 304 с. ISBN 978-5-00057-074-6.
194. ЛУНА, Э. *Между надо и хочу*. [Найди свой путь и следуй ему] / пер. с англ. А. Сухановой. Мн.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2017. 176 с. [дата обращения – 13.07.2020]. Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=72123&p=4, (дата обращения – 13.07.2020). ISBN 978-5-00057-074-6.
195. СИГАЛ, Э. *История Оливера*/пер. с англ. И. Рапопорт. М.: ООО «Издательство «Эксмо»», 2014. 189 с.
196. ЭЛБОЗ, С. *Страна без волшебства: сказочные повести* /пер. с англ. Н. Усова. М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2003. 480 с. ISBN 5-224-04684-X.

Американская литература

197. СЕРВАН-ШРЕЙБЕР, Д. *Тело любит правду. Как заговорить на том языке, который тело способно понять* / пер. с англ. И.В. Шубиной. М.: Рипол-Классик, 2017. 320 с. ISBN 978-5-386-07115-8.

Периодические печатные издания

198. *Американские биологи записали, как звучит коронавирус*. В: АиФ 2020.04.06.
199. БАРАБАШ, Н. *Мир без трусов, спорт без Плющенко*. В: Комсомольская правда, 2014.02.17
200. БЕЛОДЕДОВА, К. *Быть ближе. Сколько раз в день нужно обниматься, чтобы быть счастливым?* В: АиФ (Омск) 2017.01.20.
201. БОЛОТНИКОВ, П. *Три заповеди*. В: Труд, 2004.06.24.
202. БУРАНОВ, И. *Остановка в Москве накаляется*. В: Коммерсантъ 2020.07.22.

203. ВИДЕОГАЛЕРЕЯ. В: Комсомольская правда, 2017.11.26.
204. ГАЛЫГИН, В. *Товарищ Галыгин – человек и телесериал*. В: Комсомольская правда, 2010.02.11.
205. ГОРШЕНИН, А.В. *Многостаночник*. В: Сибирские огни 2013.04.25.
206. ДЕМЧЕНКО, В. *Подростки, избившие девушку-инвалида, несколько лет пили за ее счет*. В: Комсомольская правда, 2013.09.30.
207. ЕРЕМЕЕВА, О.И., САЙФУЛЛИНА, Н.А. *К вопросу о понятии и правовом положении эмбриона человека*. В: Инновационная наука, 2016, №3–2, с.40–44.
208. *Как остановить терроризм?* В: «Новороссийский рабочий», 2003.01.15
209. КАЛЕДИН, С. *Аллея Руж. Окончание рассказа*. В: Огонек №1, 2013.02. 14.
210. *Комсомольская правда (КП)* от 2021. 07. 28–09.04 (обзор газеты).
211. КОРОЛЕВА, Н. *Другая собака*. В: Наука и жизнь №1, 2007.
212. КУПРИЯНОВ, А.Н. *Такие разные полыни*. В: Биология, 2003, №29. С. 1–7.
213. ЛЕБЕДИНА, Л. *У Кваши роли по-новому заквашены*. В: Труд-7, 2001.11.24.
214. ЛУЖКОВ, Ю. *Возобновление Истории*. В: «Известия», 2001.11.23.
215. МАЕВА, А. *Дар на всю жизнь*. В: «Здоровье», 1999.03.15.
216. МАЦАРСКИЙ, Ю. *Сирия. «Ан-Нусра» накрылась Чалмой*. В: Известия, 2014.04.18.
217. МЕЖЕНСКИЙ, Р. *Главный тренер сборной Украины Олег Блохин: Теперь Россия будет болеть за нас!* В: Комсомольская правда, 2006.06.07.
218. МИСТЮКОВА, Т. *В Воронежской области покрестили сына беженки из Донбасса, о семье которого снимал репортаж Андрей Стенин*. В: Комсомольская правда, 2015.01.27.
219. НАЗАРОВ, В. *Литература в футляре образовательного стандарта*. В: Известия, 2013.02.20.
220. НАЛБАНДЯН, З. *Могла ли Англия сорвать революцию 1917 года*. В: Труд 2001.07.14.
221. *Особый талант - талант материнства*. ЗАГС Ростовской области 2019. 11.25. [дата обращения – 05.08.2020]. Режим доступа: <https://zagsro.donland.ru/presscenter/news/11245/>
222. ПЛЯЦКОВСКИЙ, М.С. *Детство - это я и ты*. В: Подольский рабочий, 2012.06.01.
223. ПОПОВА, А. *В России будет свой МВА*. В: РБК Daily, 2004.08.31.
224. *После Беслана: власть на перепутье*. В: Комсомольская правда, 2004.10.11.

225. РАДУЛОВА, Н. *Предотвращение порока*. В: «Огонек», 2014, № 23, с. 52.
226. *Рекламные гуляния в Северной Пальмире*. В: «Рекламный мир», 2003.04.28.
227. *Русское слово №27 2022.07.15* (обзор газеты) РМ.
228. СОЛОМОНОВА О. Андрей Вознесенский: сквозь это имя проступают тернии. В: Труд 2001.02.10.
229. *Спрос и предложение (СП) №29 2022. 07. 28* (обзор газеты) РМ.
230. ШЕВАРОВ, Д. *Две мамы одного Карлсона*. В: Труд 2007.11.14.

Интернет-ресурсы

231. АБДУЛЛИНА, Л. *Бестселлером года стала детективная трилогия "Миллениум"*. В:ТИ 2011.01.13. [дата обращения – 15.05.2019]. Режим доступа: <https://www.tatar-inform.ru/news/bestsellerom-goda-stala-detektivnaya-trilogiya-millennium/>.
232. *Автомобильное законодательство*. В: Автоэксперт Блампер 2020. [дата обращения – 15.05.2021]. Режим доступа: <https://blamper.ru/auto/wiki/avtomobilnoe-zakonodatelstvo/kak-pravilno-pereyti-dorogu-14076/>.
233. АНДРЕЕВА, О. Многие правды о китайских овощах в России... Мы же в России живем...(окончание). В: «Русский репортер» 2014.05.29. [дата обращения – 15.05.2019]. Режим доступа: <https://yarodom.livejournal.com/2171166.html>.
234. АНИПЧЕНКО, Д. *А не спеть ли мне песню*. В: Песни и романсы для застолья 2019. [дата обращения – 20.02.2021]. Режим доступа: <https://drinking-songs.ru/slova-pesen/a-ne-spet-li-mne-pesnyu.html>.
235. БЕЛОВА, Н. *Дожить до ста: каких правил придерживаются долгожители*. В: Вечерняя Москва 2015.09.10. [дата обращения – 25.07.2020]. Режим доступа: <https://vm.ru/health/658565-molodye-uchenye-iz-stolicy-sozdali-datchik-pozvolayayushij-vyyavit-bolezni-serdca#scroll-to-page-top>.
236. БЕЛОВА, А. *Всем сметанам сметана*. В: Рыбинские Известия 2016.08.04. [дата обращения – 25.07.2020]. Режим доступа: <https://gazeta-rybinsk.ru/2016/08/04/24006>.
237. БОРИСЮК, О. *Как правильно капать в глаза глазные капли*. В: Gazeta.ua 2013.02.01. [дата обращения – 15.04.2020]. Режим доступа: <https://www.unian.net/health/worldnews/746322-kak-pravilno-kapat-v-glaza-glaznyie-kapli.html>.

238. ВАЛЕВСКИЙ, Ф. *Подслушано Одесса*. В: *Facebook.com*. [дата обращения – 15.03.2021].Режим доступа: facebook.com/odessahello/posts/1558958320908119.
239. ВОЛЬТСКАЯ, Т. *Стенгазета как машина времени*. В: Радио свободы 2015.04.13. [дата обращения – 21.02.2021].Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/26952828.html>
240. *В Петербурге пять медицинских центров лечили несуществующие болезни*. В: ИА EADaily 2019.09.25. [дата обращения – 20.02.2021].Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/25/v-peterburge-pyat-medicinskih-centrov-lechili-nesushchestvuyushchie-bolezni>.
241. ГАДЕЦКИЙ, О. *Разочарование в людях: Как избавиться?* В: Психология третьего тысячелетия 2019. [дата обращения – 04.05.2020].Режим доступа: <https://ptt.life/kak-izbavitsja-ot-razocharovanija-v-ljudjah> .
242. ГАВРИЛОВ, Д. *Остановить на остановке, плиз – обсуждения*. [дата обращения – 23.04.2019].Режим доступа: https://vk.com/topic-56707234_38759411 .
243. ГАВЭР, Ш. *Точка зрения: Любовь любви рознь*. [дата обращения – 15.12.2020]. Режим доступа: <https://www.opentv.tv/lyubov-lyubvi-rozn/>.
244. *Гранд-коклет – актерское амплуа*. [дата обращения – 15.04.2021].Режим доступа: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RR.lto,lxqol!gsvrzg.
245. ГРИБЕНКО, Л. *6 ноября создателю культовых картин «Табор уходит в небо» и «Мой ласковый и нежный зверь» исполнилось бы 75 лет*. В: «Бульвар Гордона», № 44 (340) 2011, ноябрь. [дата обращения – 15.11.2020]. Режим доступа: http://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s44_64991/7140.html.
246. ГРЕШНОВ, А. *Две трети выпускников афганских школ не находят места на рынке труда*. В: РИА Новости, 2007.06.08. [дата обращения – 15.05.2020]. Режим доступа: <https://ria.ru/20070608/66887590.html> .
247. ДАНИЛКО, А., ГАРЦМАН, А. *Сумасшедшая семейка*, 2003. [дата обращения – 15.05.2020]. Режим доступа: http://tekstovoi.ru/text/59516607_948017959p957705968_text_pesni_sumasshedshaya_semejka.html .
248. *Дарим улыбки*. В: Про Деменция 2020. [дата обращения – 12.04.2021].Режим доступа: <https://prodementia.com/smile-delivery/> .

249. ДЕНИСОВА, Д. *Как чувствовать чувства и что с ними делать*. В: «Эксперт» №25 (566) 2007.07.02. [дата обращения – 25.11.2020]. Режим доступа: https://expert.ru/expert/2007/25/biznes_psihologiya/.
250. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, Ю. *Печенье "Гнезда"*. [дата обращения – 16.04.2020]. Режим доступа: <https://cookpad.com/ru/recipes/12133271-piechienie-ghniezda>.
251. ДОБРЫНИНА, С. *Закрасили серой краской. В Челябинске уничтожили граффити на стене дома*. В: Российская газета 2019.11.17. [дата обращения – 15.08.2020]. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/11/17/reg-urfo/zakrasili-seroj-kraskoj-v-cheliabinske-unichtozhili-graffiti-na-stene-doma.html> .
252. *Землетрясение магнитудой 6,5 на юге Филиппин повредило дом, где находился президент страны (ФОТО, ВИДЕО)*. В: Newsru.com 2019.10.31. [дата обращения – 15.03.2020]. Режим доступа: <https://www.newsru.com/world/31Oct2019/kotabato.html>.
253. ИВАЩЕНКО, Т. *Торт «Шоколадный шоколад»*. В: Поваренок 2017.05.06. [дата обращения – 15.03.2020]. Режим доступа: <https://www.povarenok.ru/recipes/show/140792/>.
254. КАЛЕНИЧЕНКО, Д. *В Ливане спасают национальный символ*. В: НТВ 2007.12.23. [дата обращения – 15.03.2020]. Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/123112/>.
255. КАМАЛ, Х. *О чём рассказывает рассказ золотая моя журавушка? – вопросник* 2018.11.21. [дата обращения – 15.03.2019]. Режим доступа: https://yandex.ru/q/question/hw.literature/o_chiom_rasskazyvaet_rasskaz_zolotaia_32f7960e/ .
256. КАРТАШОВА, Е. *Преимущества профессионального роста и самореализации специалистов рабочих специальностей*. В: Работа России 2020.12.25. [дата обращения – 15.04.2021]. Режим доступа: <http://www.gczn.nsk.su/news/2143/> .
257. *Кроссворд*. [дата обращения – 15.06.2020]. Режим доступа: <https://xn--b1algemdcxb.xn--p1ai/crossword/1888329> .
258. КРУГ, И. *Дом на реке*, 2011. [дата обращения – 15.06.2020]. Режим доступа: <https://teksty-pesenok.ru/rus-irina-krug/tekst-pesni-dom-na-gore/5238673/> .
259. ЛЕВИНА, А. *Какая зелень зеленее*. В: Facebook 2020.02.10. [дата обращения – 15.03.2021]. Режим доступа: <https://www.facebook.com/levinamsk/posts/1095437377469137/>.

260. ЛЕПИНА, М. *«Ноев» ковчег: как устроена система рабочих и социальных домов для бездомных*. В: Милосердие.ru 2018.12.18. [дата обращения – 20.02.2019]. Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/noev-kovcheg-kak-ustroena-sistema-rabochih-i-sotsialnyh-domov-dlya-bezdomnyh/> .
261. ЛУЦЕНКО, Ю. *Руководство Генеральной прокуратуры фактически не признает факта создания Совета прокуроров Украины*. В: 24 Канал 19.04.2017. [дата обращения – 05.06.2020]. Режим доступа: https://24tv.ua/ru/rukovodstvo_generalnoj_prokuratury_fakticheski_ne_priznaet_fakt_sozdaniya_soveta_prokurorov_ukrai_n808196 .
262. МАКСИМОВА, Л. *Еще одна юная ученица Тутберидзе прыгнула четверной прыжок*. В: Спорт день за днем 2019.08.06. [дата обращения – 05.06.2020]. Режим доступа: <https://www.sportsdaily.ru/news/eshhe-odna-yunaya-uchenicza-tutberidze-prygnula-chetvernoj-pryzhok> .
263. МАМЛИНА, О. *Чья зелень зеленее*. В: Все новости Новосибирской области 2008.07.04. [дата обращения – 05.06.2021]. Режим доступа: <https://vn.ru/news-93097/>.
264. МОРОЗ, М. *Сравнение смертности от коронавируса и гриппа — бессмысленная ерунда*. В: Громадское радио 2020.03.16. [дата обращения – 16.08.2021]. Режим доступа: <https://hromadske.radio/ru/publications/sravnjenje-smernosty-ot-koronavyrusa-y-hryppa-bessm-slennaia-erunda-ynfektsyonyst-yz-chernovtsov-ol-ha-kobevko> .
265. МИНЮСТ ПМР. *Общественные организации*. [дата обращения – 15.06.2021]. Режим доступа: <http://minjust.org/web.nsf/All/01.10.2010>.
266. *Музыкальная филармония ДШИ № 14*. ГБУДО г. Москвы «ДШИ № 14». [дата обращения – 15.06.2020]. Режим доступа: <https://14.arts.mos.ru/activity/performances/kontserty-organizuemye-shkoloy/muzыkalnaya-filarmoniya-dshi-14/>.
267. *Мультуроки «Что за прелесть эти сказки»*. [дата обращения – 15.07.2020]. Режим доступа: <https://multiurok.ru/files/urok-muzyki-v-4-klassie-chto-za-prieliest-eti-skaz.html> .
268. О чем говорил Владимир Путин в интервью американской телекомпании NBC. Источник kremlin.ru . [дата обращения – 14.06.2021]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65861>.

269. *Очередной экспериментальный эксперимент от ФТС*. В: Обзор прессы «ПортНьюс», 2013.02.05. [дата обращения – 25.02.2020]. Режим доступа: <https://portnews.ru/digest/print/11729/?backurl=/digest/>.
270. ПИТАЛЕВ, И. *Неслабый слабый пол: смелые женщины в мужских профессиях*, 2017.03.08. [дата обращения – 05.06.2020]. Режим доступа: <https://uz.sputniknews.ru/photo/20170308/4935888/8marta-jenshiny-professii.html>.
271. *Полынь, (Artemisia) сем. Сложноцветные*. В: Энциклопедия декоративных адовых растений. [дата обращения – 01.02.2021]. Режим доступа: <http://flower.onego.ru/zlak/artemisi.html><http://flower.onego.ru/zlak/artemisi.html>.
272. ПУТИН, В.В. *Слова памяти о первом президенте Узбекистана Исламе Каримове*. В: Zakon.kz 2016.09.05. [дата обращения – 15.03.2020]. Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4815467-putin-rasskazal-chto-karimov-vsegda.html> .
273. ПУШИЛИН, В.Д. *Пушилин заявил, что выполнение минских соглашений не в интересах Киева*. В: ТАСС 2019.09. [дата обращения – 01.02.2021]. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6885524> .
274. РАСКОЛЬНИКОВ, Р. *Как развести партнера на подарки* 21.02.12. [дата обращения – 08.08.2021]. Режим доступа: <https://www.rosbalt.ru/blogs/2013/12/18/1213150.html> .
275. РОГОВА, Н. *Как найти няню для ребенка в Австрии*. В: Immigrant Invest 2021.03.09. [дата обращения – 05.06.2021]. Режим доступа: <https://immigrant-austria.com/ru/blog/baby-sitter-in-austria/> .
276. *Садовые беседки*. [дата обращения – 12.09.2020]. Режим доступа: http://www.maf-s.ru/besedki/sad_besedki.html .
277. СВЕЧКОВ, Д. *История: 87 лет назад Свердловск посетил «пролетарский поэт» и автор «Дива дивного»*. В: Информационный портал Екатеринбурга 2013.05.30. [дата обращения – 15.11.2018]. Режим доступа: <https://www.ekburg.ru/news/2/42235-istoriya-87-let-nazad-sverdlovsk-posetil-proletarskiy-poet-i-avtor-diva-divnogo/> .
278. *Село Мокрое – Официальный сайт*. [дата обращения – 15.03.2020]. Режим доступа: <https://admmokroe.ru/>.
279. СЕРГЕЕВА, О. *Все девушки были необыкновенно хороши, и у каждой — блеск, грация, обаяние, очарование!* В: Вечерняя Москва 2012.04.10. [дата обращения –

15.09.2020]. Режим доступа: <https://vm.ru/disabled/424038-vse-devushki-byli-neobyknovenno-horoshi-i-u-kazhdoj-blesk-graciya-obayanie-ocharovanie> .

280. СЕРГЕЕВА, А. *Филарет нарушил пост: на фуриете у Януковича он ел мясо и пил коньяк*. В: Сегодня, 2010.02.26. [дата обращения – 15.09.2020]. Режим доступа: <https://ukraine.segodnya.ua/ukraine/filaret-vypil-v-poct-a-akhmetov-racskazal-o-pobede-idealov-majdana-189682.html> .

281. СМИРНОВА-НЕСВИЦКАЯ, М. *Школа Кочергина: поколение за поколением*. В: Петербургский театральный журнал 2009.11.04. [дата обращения – 25.03.2019]. Режим доступа: <http://ptj.spb.ru/archive/58/art-58/shkola-kochergina-pokolenie-za-pokoleniem/>.

282. СУТЯГИН, А. *Почему снятся сны и стоит ли в них верить*. В: Hi-News.ru 2020.04.17. [дата обращения – 20.05.2019]. Режим доступа: <https://hi-news.ru/eto-interesno/pochemu-snyatsya-sny-i-stoit-li-v-nix-verit.html>.

283. СУХОВСКАЯ, М.Г. *Смена индекса: надо ли менять устав и регистрировать изменения*. В: Новая книга, 2017, №17. [дата обращения – 12.04.2019]. Режим доступа: <https://glavkniga.ru/elver/2017/17/3115-smena-indeksa-nado-li-menjati-ustav-i-registrirovati-izmenenija.html>.

284. СЯОЦЗЮНЬ, Л. *Правильное построение тренировок – путь к рекордам*. В: Athlete 365 2020. [дата обращения – 15.04.2019]. Режим доступа: <https://www.olympic.org/athlete365/ru/games-times-ru/> .

285. *Теракт в Волгограде: мать успела накрыть ребенка своим телом и была разорвана взрывом*. В: Православие. ru. 2013.12.29. [дата обращения – 14.07.2019]. Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/67133.html>.

286. ТИМОШЕНКО, М. *«Мертвая рука» на страже периметра России*, 2015.02.18. [дата обращения – 20.03.2020]. Режим доступа: https://tvzvezda.ru/news/krasnaya_zvezda/content/201502181414-gskc.htm.

287. ТРЕТЬЯКОВ, Д. *Камчатские медведи отказались от спячки из-за нерестящейся рыбы*. В: lenta.ru, 2014.11.13. [дата обращения – 15.06.2020]. Режим доступа: <https://dosug.md/ru/news/148505/>.

288. УВЕЙ, Л. *Китайская мечта – это мечта о мирном развитии*. В: Агентство Синьхуа 2013. 08. 09. [дата обращения – 12.04.2019]. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/8358226.html> .

289. *Характеристика героя: Простаков (Недоросль)*. В: Образовка 2018.10.22. [дата обращения – 15.04.2019]. Режим доступа: <https://obrazovaka.ru/question/harakteristika-geroya-prostakov-nedorosl-76912>.
290. ХАХАНОВ, А., ХАХАНОВА, М. *Контрольная по «измам»*. В: Новая газета, 2018, №25, с. 4–14. [дата обращения – 25.07.2020]. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/03/11/75758-kontrolnaya-po-izmam> .
291. ЦАПЛЕВА, Л. *Почему человек не смотрит в глаза*. В: AstroMeridian 2020.06.03. [дата обращения – 15.08.2021]. Режим доступа: https://www.astromeridian.ru/psy/pochemu_chelovek_ne_smotrit_v_glaza.html.
292. *Частные индивидуальные уроки*. В: Профи 2021.05.15. [дата обращения – 07.07.2021]. Режим доступа: <https://profi.ru/repetitor/english/>.
293. ЧЕРНЯНСКИЙ, Р. *«Россия для русских»: Социологи выявили резкий рост ксенофобии в стране*. В: The Village 2018.08.27. [дата обращения – 07.07.2021]. Режим доступа: <https://www.the-village.ru/village/city/news-city/323169-rossiya-dlya-russkih>.
294. ЩЕРБИНА, Е. *Предприниматели любят свой бизнес родительской любовью*. В: ТАСС Наука 2017.03.31. [дата обращения – 06.07.2020]. Режим доступа: <https://nauka.tass.ru/nauka/6820506>.
295. ЩЕРБИНА, Д.П. [дата обращения – 06.07.2020]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> .
296. ЮНКО, А. *Остров*. В: Литературная газета №2 (6206) 21.01.2009. [дата обращения – 06.07.2020]. Режим доступа: <https://lgz.ru/article/N2--6206---2009-01-21-/V%D0%B5rnuty-s%D0%B5rdtsam-nad%D0%B5zhdu-na-rodstvo7478/> .
297. *English-Grammar* – переводы в словаре русский – английский. [дата обращения – 15.07.2020]. Режим доступа: <https://english-grammar.biz/dictionary/ru-en/повернуть+направо.html>.
298. *Glosbe* – переводы в словаре русский – румынский. [дата обращения – 20.03.02020]. Режим доступа: <https://ru.glosbe.com/ru/ro/свисток> .
299. *Russian Language* – этимология выражения. [дата обращения – 13.04.02020] Режим доступа: <https://russian.stackexchange.com/questions/1028/Война-войной-а-обед-по-расписанию>.

Афиша

300. *Дом культуры Дзуреченска*, 2018. [дата обращения – 15.07.2020]. Режим доступа: <http://koc.org.ru/>.

Реклама

301. *Блог*, 2019. [дата обращения – 15.07.2020]. Режим доступа: <https://semicvetic.com/blog/k-chemu-daryat-rozovye-rozy/>.

302. *Блог*, 2012. [дата обращения – 15.07.2020]. Режим доступа: <https://felyscatus.livejournal.com/23329.html>.

303. *Гибкий кирпич (Гибкий клинкер) - Эко-фасад*, 2021. [дата обращения – 15.07.2021]. Режим доступа: <https://ecofasad.com.ua/tablet/gibkiy-klinker.php> .

304. *Каталог товаров SIA Joom (Latvia)*, 2019. [дата обращения – 20.05.02020]. Режим доступа: <https://www.joom.com/ru/best/bezopasnye-detskie-tovary>.

305. *Каталог товаров «Утконос»*, 2020. [дата обращения – 15.05.02021]. Режим доступа: <https://www.utkonos.ru/item/3318273/baton-kolomenskoe-nareznoj-vs-v-narezka-400g>.

306. *Каталог товаров Freepik Company S.L.*, 2018. [дата обращения – 15.05.02021]. Режим доступа: https://ru.freepik.com/free-vector/social-media-contest-or-giveaway-concept-background_2848273.htm.

307. *Книжный магазин «Лабиринт»*, 2019. [дата обращения – 01.02.2020]. Режим доступа: <https://www.labirint.ru/books/195807/>.

308. *Книжный магазин «Лабиринт»*, 2020. [дата обращения – 01.05.2020]. Режим доступа: <https://www.labirint.ru/books/439691/>.

309. *Книжный магазин PostcardPrees*, 2020. [дата обращения – 17.06.02020]. Режим доступа: <https://postcardpress.ru/en/aphorisms-of-ancient-china/1888-v-khoroshem-razgovore-ne-vse-govoritsya.html>.

310. *Отзовик – Крабовые палочки Санта Бремор "Французский краб"* 2016. [дата обращения – 15.04.2020]. Режим доступа: https://otzovik.com/review_3003347.html .

311. *Отзовик – дезинфицирующее средство для бассейнов Родемос Максисан*, 2019. [дата обращения – 15.07.2020]. Режим доступа: https://otzovik.com/review_8812753.html.

312. *Отзовик – сахарница с дозатором Lara*, 2018. [дата обращения – 10.08.2020]. Режим доступа: https://otzovik.com/review_5301948.html.

313. *Ярмарка мастеров Браслет "Яшма - Краса, яшма - красна"*, 2020. [дата обращения – 15.03.2021]. Режим доступа: <https://www.livemaster.ru/item/30930323-ukrasheniya-braslet-yashma-krasa-yashma-krasna> .
314. *Шапки мира*. В: Pinterest. Com. [дата обращения – 15.03.2020]. Режим доступа: <https://www.pinterest.com/pin/754423375058989446/> .
315. *Venus Media – как создать и озвучить рекламный ролик?* 2020. [дата обращения – 10.08.2020]. Режим доступа: <http://venus-media.ru/stati/kak-ozvuchit-reklamnyi-rolik/>.
316. I Recommend – пятновыводитель кислородный Extra Оху Faberlic, 2017. [дата обращения – 10.08.2020]. Режим доступа: <https://irecommend.ru/content/belosnezhnaya-belizna-bez-vsyakikh-dopolnitelnykh-usilii-snova-seriya-dom-ot-faberlic> .
317. ПАРАХОНЬКО, Л. Изучение тавтологии в современной русской и зарубежной лингвистике. В: *Tradiție și inovare în cercetarea științifică, Ediția a 9-a: Materialele Colloquia Professorum din 11 oct. 2019*. Bălți : US "Alec Russo", 2020, p. 71-76. ISBN 978-9975-50-243-6.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Нижеподписавшаяся, заявляю под личную ответственность, что материалы, представленные в докторской диссертации, являются результатом личных научных исследований и разработок. Осознаю, что в противном случае, буду нести ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Парахонько Людмила

05.09.2022

CURRICULUM VITAE

INFORMAȚII PERSONALE

LIUDMILA PARAHONCO

📍 str. Bulgară, nr.128, bl. 2, ap.17, 3112 Bălți (Republica Moldova)

☎ (0231) 7 94 37 📠 (+373) 786 90 238

✉ parakhonko91@mail.ru

💬 Skype lex_944

Sexul Feminin | Data nașterii 09/12/1991 | Naționalitatea ucraineană

EXPERIENȚA PROFESIONALĂ

01/09/2019–Prezent

Asistent universitar

Universitatea de Stat Alecu Russo, Bălți (Republica Moldova)

01/09/2017–30/08/2019

Profesor de limba și literatura rusă și limba engleză

IP Liceul Teoretic N.Gogol, Bălți (Republica Moldova)

a) organizator al procesului de învățământ;

b) educator;

c) partener al educației;

d) membru al corpului profesoral.

EDUCAȚIE ȘI FORMARE

01/10/2018–Prezent

Studii de Doctorat

Universitatea de Stat „Alecu Russo” din Bălți (Republica Moldova)

- Specialitatea: 621.01 Lingvistică generală; filosofia limbajului; psiholingvistică; lingvistică informatizată (limba rusă)

01/09/2017–19/01/2019

Master în Științe ale Educației

Universitatea de Stat Alecu Russo, Bălți (Republica Moldova)

- Specialitatea: Didactica limbii străine (Limba Engleză)

Competențe profesionale:

- Abordarea prin competențe a disciplinelor filologice;
- Teoria și practica discursului;
- Limba engleză (C1, C2);
- Metodologia și etica cercetării;
- Probleme actuale de morfologie a limbii engleze;
- Probleme actuale de sintaxă a limbii engleze;
- Pragmatica lingvistică;
- Didactica textului literar;
- Tipologia limbilor.

01/09/2015–01/07/2017

Master în Limba rusă

Universitatea de Stat din St. Petersburg, St. Petersburg (Rusia)

- Specialitatea: Lingvistica

Competențe profesionale:

01/09/2011–31/05/2015

- dialectologia istorică a limbii ruse;
- conceptologie lexicală;
- noi fenomene în sintaxa rusă;
- limba poloneză;
- probleme ale studiilor istorice rusești;
- semiotică;
- gramatica comparativă a limbilor slave;
- aspectele tipologice ale gramaticii ruse;
- limba engleză

Licentiat în Științe ale Educației

Universitatea de Stat "Alec Russo", Bălți (Republica Moldova)

- Specialitatea: Limba și literatura rusă și limba engleză

Competențe generale:

- limba română,
- psihologia generală,
- psihologia sănătății,
- filosofie,
- pedagogia.

Competențe profesionale:

- introducere în lingvistică,
- Istoria literaturii universale I, II
- Limba engleză I, II, III, IV,
- Culturologia lingvistică,
- Sintaxa limbii engleze

COMPETENȚE LINGVISTICE

Limba(i) maternă(e) rusă

Limbile străine

engleză

română

ÎNȚELEGERE		VORBIRE		SCRIERE
Ascultare	Citire	Participare la conversație	Discurs oral	
B2	B2	B2	B1	B2
A2	A2	A1	A1	A2

PUBLICAȚII

Articole

1. Тавтология как концепт: когнитивный подход к изучению тавтологического оборота/Л. Парахонько// Русистика и современность: сборник статей XXII Международной научной конференции / сост. и под ред. З. Р. Аглеевой, Л. Ю. Касьяновой, М. Л. Лаптевой. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом „Астраханский университет”, 2019, сс. 48-51. (0,18 с.а.). ISBN 978-5-9926-1202-8. Входит в РИНЦ.
2. Изучение тавтологии и плеоназма в практике школьного преподавания/Л. Парахонько// Materialele Conferinței Republicane a Cadrelor Didactice, 1-2 martie 2019:[în 5 vol.] / Universitatea de Stat din Tiraspol; com. Șt.: Eduard Coropceanu (președinte) [et al]; com. org.: Andrei Braicov (președinte) [et al]. Chișinău: S. N., 2019 (Tipografia UST), pp. 232 -238. (0,37с.а.). ISBN 978-9975-76-270-0.
3. Тавтологические сочетания и специфика их перевода в произведении А. И. Куприна „Гранатовый браслет” (на материале оригинального и переводного дискурсов) /Л.В. Парахонько // МОВА. Одесса: Изд.: Одесский национальный университет имени И. И.

- Мечникова. 2020. №33, сс. 118-124. (0,37 с.а.). ISSN: 2307-4558, ISSN: 2414-9489. Свидетельство о государственной регистрации: № 8932 от 06.07.2004 г. Издание включено в Перечень научных специализированных изданий Украины: филологические специальности – 035 от 17.03.2020 категория Б. DOI: 10.18524/2307-4558.2021.35.237849. Входит в РИНЦ.
4. Полисистемный анализ тавтологии и плеоназма в современных художественных текстах (на материале рассказа В. Токаревой „Кошка на дороге”)/Л.В. Парахонько// Славянские чтения: научно-теоретический журнал / Славян. ун-т; ред.-изд. совет: Бабенко О.А., Млечко Т.П. [et al.]; отв. ред. Сирота Е.В.; пер. на англ. яз.: Чаус С.В.; пер. на рум. яз.: Дубровский А.Д. К.: Славян. ун-т, 2020. (Тірогр. "Valinex") – 20 см. - ISBN 978-9975-68-037-0 - ISSN 1857-4580, сс. 106-123. (1,06 с. а.), (Категория С).
 5. Тавтология и плеоназм в рассказе А.П. Чехова „Дачники” (на материале оригинального и переводного дискурсов) / Л.В. Парахонько// Молодые ученые в инновационном поиске: сборник статей по материалам VIII Международной научной конференции. Минск: МГЛУ, 2020, сс. 236-239. (0,18 с.а.). ISBN 978-985-28-0004-4.
 6. Оптимизация преподавания лексических микросистем в контексте компетентностного подхода/ Л.В. Парахонько// Conferința Științifică Internațională Relevanța și calitatea formării universitare: competențe pentru prezent și viitor, consacrată celor 75 de ani de la fondarea Universității de Stat „Alec Russo” din Bălți (USARB), care va avea loc în data de 9 octombrie 2020. Bălți: US „Alec Russo” din Bălți, 2020; сс. 165-171. (0,37 с. а.). ISBN 978-9975-50-254-2. Vol. 1.
 7. Изучение проблемы тавтологических единиц в диахронном аспекте /Л.В. Парахонько// Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние народа: сборник статей. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020, сс. 124-131. (0,43 с.а.). ISBN 978-5-91326-583-8. Входит в РИНЦ.
 8. Изучение тавтологии в современной русской и зарубежной лингвистике/ Л.Парахонько // Tradiție și inovare în cercetarea științifică, Ediția a 9-a: Materialele Colloquia Professorum din 11 oct. 2019. Bălți : US „Alec Russo”, 2020, pp. 70-76. (0,37 с. а.). ISBN 978-9975-50-243-6
 9. Сопоставительный анализ концептуально-фреймового конструирования женской идентичности (на материале романа Ш. Бронте „Джейн Эйр”)/Л.В. Парахонько// МОБА. Одесса: „АСТРОПРИНТ”, 2021. №35, сс. 110-123. (0,81 с.а.). ISSN 2307-4558; ISSN 2414-9489. Свидетельство о государственной регистрации: № 8932 от 06.07.2004 г. Издание включено в Перечень научных специализированных изданий Украины: филологические специальности – 035 от 17.03.2020 категория «Б». DOI: 10.18524/2307-4558.2021.35.237849.
 10. Разграничение тавтологии и плеоназма/ Л.В. Парахонько//Научно-практический журнал „Заметки ученого”. Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2021, №4. С. 167-175; (0,5 с.а.). ISSN 2713-0142. Входит в РИНЦ.
 11. Изучение плеоназма в синхронии /Е.В. Сирота, Л.В. Парахонько//Международный научно-исследовательский журнал. International research journal. Екатеринбург, 2021. № 8 (110). Часть 4, август, сс. 60-65. (0,31 с. а.). ISSN 2227-6017 ONLINE. МНИЖ считается журналом ВАК согласно пункту 5, правил формирования перечня: 723 Международный научно-исследовательский журнал 2303-9868 2227-6017 GeoRef. DOI: 10.18454/IRJ.2227-6017
 12. Изучение тавтологии как одного из средств формирования межкультурной коммуникации /Л.В. Парахонько // Славянские чтения: научно-теоретический журнал / Славян. ун-т; ред.-изд. совет: Бабенко О.А., Млечко Т.П. [et al.]; отв. ред. Сирота Е.В.; пер. на англ. яз.: Чаус С.В.; пер. на рум. яз.: Дубровский А.Д. К.: Славян. ун-т, 2020 –

2021. (Tipogr. "Valinex") – 20 cm. - ISBN 978-9975-68-037-0 - ISSN 1857– 4580. (Вып. 16-17/22-23). сс. 252-263. (0,68 с. а.), (Категория С).
13. Сопоставительный анализ тавтологии в оригинальном и переводном дискурсах (на материале романа Ш. Бронте „Джейн Эйр”) / Л.В. Парахонько// Контрастивные исследования языков и культур: сборник научных статей по материалам IV Международной научной конференции. Минск: МГЛУ, 2021, сс 208-213; (0,31 с. а.). ISBN 978-985-28-0043-3.
 14. The figurative component of the mental structure „Laughter” (based on a fragment of the Russian and English linguistic picture of the world)/E.V. Sirota, L.V. Parahonco// Proceedings of the International Conference „Process Management and Scientific Developments”. Birmingham, United Kingdom, June 9, 2021. Part 2, pp. 81-84. (0,18 с. а.). ISBN 978-5-905695-42-1 (print), ISBN 978-0-6451024-6-8 (online). DOI: 10.34660/INF.2021.85.63.013.
 15. Сопоставительный анализ концептуально-фреймового конструирования женской идентичности (на материале романа Ш. Бронте „Джейн Эйр”) – тезисы//Материалы Международного молодежного научного форума „ЛОМОНОСОВ-2021” / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2021. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – 2000 экз. (0,06 с. а.). ISBN 978-5-317-06593-5.
 16. Фрейм „женщина” в русской лингвокультуре (на материале фитоморфной лексики)/Л.В. Парахонько, О.А. Попов//Научно-практический журнал „Ростовский научный вестник”. Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2022, №5, сс.36-39. (0,18 с. а.). ISSN 2782-2125.
 17. Специфика репрезентации концепта „страх” в русской языковой картине мира/Е.В. Сирота, Л.В. Парахонько// Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIV Международной научной конференции (Владимир, 28–30 сентября 2021 года), посвященной 120-летию проф. Н.Н. Прокоповича. Владимир: Транзит-ИКС, 2021, сс. 300-311. (0,68 с. а.). ISBN 978-5-8311-1384- 6. Входит в РИНЦ.
 18. Тавтология и плеоназм с точки зрения активных способов деривации /Л.В. Парахонько//Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. Москва: ФЛИНТА, 2021, сс. 561-570. (0,56 с. а.). ISBN 978-5-9765-4550-2. Входит в РИНЦ.
 19. Тавтология и плеоназм как концепты: структура и семантика/ Terra Rusistica: Сборник материалов Первого международного форума молодых русистов 17–19 декабря 2020 г. / Сост. Е. В. Ковалых, С. В. Лукьянова, Н. С. Молчанова. Псков: Псковский государственный университет, 2021, сс. 266-271. (0,31 с. а.). ISBN 978-5-91116-993-0. Входит в РИНЦ.
 20. Структурно-когнитивная объективация тавтологических и плеонастических образований на материале публицистических и художественных дискурсов//Тезисы 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой/Отв. Казаков В.П. СПб: СПбГУ, 2022, сс. 462-463. (0,06 с. а.).
 21. Clasificarea sintactică a construcțiilor pleonastice/ L. PARAHONCO// AKADEMOS, ISSN 1857-0461, (Categoria B). 2022. Подтверждение прилагается.
 22. Life in E. Vodolazkin's novel „Laurus”/L. PARAHONCO //„Limbaј și context”, ISSN 1857-4149, (Categoria B). 2019, 1(XI), pp. 75-80. (0,31 с. а.). Режим доступа: https://www.usarb.md/limbaj_context/volumes/v21/art/parahonco-lit.pdf
 23. Syntactic typology of tautological constructions/ L. PARAHONCO//„Limbaј și context”, ISSN 1857-4149, (Categoria B). 2019, 1(XI), сс. 15-29. (0,87 с.а.). Режим доступа: https://www.usarb.md/limbaj_context/volumes/v21/art/parahonco-ling.pdf